

А. П. Синнетт

ОККУЛЬТНЫЙ МИР

Тому, чье понимание Природы и Человечества настолько превзошло пределы европейской науки и философии, что лишь те из представителей этих отраслей познания, которые наделены наиболее широким кругозором, способны представить себе существование в Человеке сил, подобных тем, которые постоянно проявляет тот, о ком я говорю, — КУТ ХУМИ ЛАЛ СИНГХУ, чье доброе дружеское расположение дает автору этой книги право притязать на внимание европейской общественности; человеку, чье согласие автор испросил и получил, с любовью посвящается эта небольшая книжка.

А. П. Синнетт

ВВЕДЕНИЕ

I

В мире по-прежнему существует некая философская школа, о которой современная культура уже позабыла. Намеки на эту школу можно уловить в древних философских учениях, хорошо знакомых всем образованным людям. Однако намеки эти дают нам едва ли более вразумительное представление об утраченном, нежели обломки забытой скульптуры, — и даже менее вразумительное, потому что мы знаем, как выглядит человеческая фигура, и можем добавить к торсу воображаемые конечности, но мы не в состоянии воссоздать в своем воображении смысл истин, перешедших к нам по традиции от Платона и Пифагора, истин, которые говорят о тайном знании древнего мира тем, у кого есть ключ к их значению. Тем не менее случайные сведения могут облегчить нам расшифровку этого языка, а тех, кто готов попробовать свои силы, предавшись исследованию, ждет самое щедрое духовное вознаграждение.

Дело в том, что и современная метафизика, и в значительной степени современные естественные науки вот уже несколько столетий вслепую, наощупь ищут подходы к знанию, которым все это время в полной мере обладала оккультная философия (каким бы странным ни показалось это утверждение на первый взгляд). Благодаря цепочке счастливо сложившихся обстоятельств, я со всею определенностью знаю, что это так. Я вступил в контакт с людьми, унаследовавшими более возвышенные познания о тайнах Природы и человечества, нежели все теории, которые разработала до сих пор современная культура. Ныне я стремлюсь к тому, чтобы в общих чертах изложить основные принципы этого знания, а также точно воспроизвести полученные мною экспериментальные подтверждения того, что оккультные науки дают посвященным власть над природными силами, которые недоступны обычным физикам, и что у нас есть основания с самым серьезным вниманием отнестись к оккультным теориям о структуре и предназначении человеческой души. Конечно, в наши дни люди едва ли смогут сразу поверить, что сколько-нибудь ценные знания можно обнаружить вдали от блистательного средоточия европейской культуры. Добившись впечатляющих результатов при помощи открытого метода исследований, современная наука с крайним раздражением относится к предположению, что люди, достигшие подлинных знаний, будь то в естественных науках или в метафизике, способны удовлетворяться тем, чтобы держать светоч под спудом. В этом заключается источник утверждения, что оккультные философы древности — египетские жрецы, халдейские маги, ессеи, гностики, теурги-неоплатоники и прочие, кто держал свои знания в секрете, — придерживались такой установки лишь из желания скрыть тот факт, что знают они на самом деле очень мало. Таинственность мила лишь шарлатанам, которые стремятся дурачить людей. С точки зрения современного человека, это заключение вполне простительно, однако из-за него в обществе сложилось впечатление, будто учение древних мистиков и вправду вывернули наизнанку, обнажив скудость их знаний.

Такое впечатление является абсолютно ошибочным. В прошедшие исторические эпохи люди науки

работали в атмосфере секретности; вместо того чтобы предавать свои открытия огласке, они тайно посвящали в них тщательно отобранных учеников. Мотивы подобного поведения вполне можно понять, хотя достоинства такой политики небесспорны. Во всяком случае, учение этих людей не было забыто; передаваясь посредством тайного посвящения, оно дошло и до наших дней. При том, что методы и практические достижения этого учения по-прежнему хранятся в тайне, оно доступно любому, кто терпеливо и серьезно займется изучением проблемы, дабы убедиться, что методы эти в высшей степени эффективны, а достижения гораздо более впечатляющи, нежели те, за которые убежденно держится современная наука.

Ведь завеса тайны, которая окутывала эту деятельность, никогда не могла скрыть самого ее существования, и лишь в наше время она была предана забвению. В прошлом посвященные демонстрировали силы, которые им давало знание законов Природы, на величественных публичных церемониях. Мы легкомысленно допускаем, что рассказы о подобных демонстрациях являются описанием проявлений магической силы; а коль скоро мы решили, что такого явления, как магия, просто не существует, то отсюда следует, что рассказы эти, несомненно, лживы, а люди, о которых они повествуют — мошенники. Но если предположить, что магия древности была просто наукой магов — ученых людей, то тогда больше незачем говорить о магии в современном значении этого слова. А если допустить, что подобная наука, которая уже в древние времена была плодом многовековых исследований, в некоторых областях перешагнула те рубежи, к которым только-только подошла наука современная, то напрашивается вывод: некоторые такие демонстрации, связанные с древними мистериями, могли представлять собою строго научные эксперименты, хотя они и похожи на проявления магии — каковыми показались бы нам и сейчас, если бы их удалось воспроизвести.

В свете этой гипотезы современный практический ум, прилагающий к предмету древних мистерий современные знания, может оказаться всего-навсего современной глупостью, приходящей к ошибочным заключениям вследствие современного невежества.

Однако у нас нет необходимости строить гипотезы на эту тему. Факты вполне доступны, если только их правильно искать. Факты эти таковы: мудрость древнего мира — смесь науки и религии, комбинация физики и метафизики — была реальностью и продолжает существовать до сих пор. Это и есть Оккультная Философия, о которой далее говорится на страницах этой книги. Оккультная Философия уже была сложившейся системой знаний, которые развивались под покровом тайны и в течение столетий передавались посвященным еще до того, как последователи этого учения стали производить публичные эксперименты, чтобы воздействовать на общественное мнение в Египте и Греции. В наши дни адепты оккультизма способны выполнять сходные эксперименты и демонстрировать результаты, доказывающие, что в понимании сил Природы оккультисты продвинулись неизмеримо дальше, нежели современная традиционная наука. Более того, они унаследовали от своих великих предшественников науку, которая занимается не только естествознанием, но также структурой и возможностями человеческой души и духа.

Современная наука открыла циркуляцию крови; оккультные науки постигли циркуляцию жизненной энергии. Современная физиология имеет дело лишь с телом, оккультизм — также и с душой, но не в качестве объекта туманно-благоговейных славословий, а в качестве реальной сущности, обладающей своими особыми свойствами, которые можно изучать вместе со свойствами тела или отдельно от них.

Традиции оккультизма по-прежнему поддерживаются главным образом на Востоке — в Индии и прилегающих к ней странах. Именно в Индии я и столкнулся с ними; эту небольшую книжку я написал для того, чтобы запечатлеть переживания, которые я испытал, и поделиться познаниями, которые приобрел.

II

Прежде чем излагать факты и события, я должен предпослать своему рассказу некоторые общие пояснения, без которых он будет непонятен. Чтобы объяснить величие оккультной организации, равно как и то поразительное открытие, что отшельники Востока могут понимать в электричестве больше, чем Фарадей, а в физике — больше, чем Тиндаль, мы должны иметь в виду подлинный оккультизм, в той форме, в которой его практиковали во все эпохи. Европейская культура развивалась сама по себе в течение нескольких последних веков. Оккультная же культура представляет собою плод громадных периодов развития, которые имели место задолго до этого, еще с той поры, как цивилизация обосновалась на Востоке. На протяжении этого поступательного развития, которое в области

физической науки вывело оккультизм далеко за рубежи, достигнутые нами, само естествознание оставалось для него всего лишь объектом второстепенной важности. Основные силы оккультизма были направлены на метафизические исследования, на скрытые психические способности человека, которые позволяют оккультисту достичь подлинного, основанного на опыте, знания о состоянии души, находящейся вне тела. Таким образом, тождество системы оккультизма с учениями тайных обществ, существовавших во все исторические эпохи, вызывает нечто большее, нежели сугубо археологический интерес; это тождество дает нам ключ к философии религиозного развития.

Оккультизм — это не просто частное открытие, показывающее, что человечество обладает определенной властью над Природой, какой не удалось достичь путем более узкого изучения Природы с чисто материалистических позиций; оккультизм — это озарение, вмещающее в себя все духовные теории прошлого, хоть сколько-нибудь достойные внимания; это учение, которое связывает воедино системы, на первый взгляд расходящиеся друг с другом. Для духовной философии оккультизм — то же самое, что санскрит — для сравнительной филологии; это общий ствол, в котором объединяются корни различных философских систем. Именно так соединяются в одну семью идей иудаизм, христианство, буддизм и египетская теология. Оккультизм не является новым изобретением или особой сектой, но не существует ни одной секты, приверженцы которой могли бы обойтись без данных, почерпнутых из оккультизма и проливающих свет на концепцию Природы и предназначение человека, — данных, собрать которые помогла членам этих сект их особая вера; по существу, каждый, кто взял на себя труд ясно осознать проблемы, которыми занимается оккультизм, должен признать в нем учение, имеющее величайшую важность для любой личности, которая стремится жить творческой, достойной человека жизнью и которая способна осознать то, что знания о нашей жизни после смерти опираются на этику. Одно дело — руководствоваться смутным ощущением того, что воздержание от грехов при жизни может оказаться полезным для посмертного существования, если таковое имеет место; и, несомненно, совсем другое — осознать, что жизнь после смерти является итоговым выражением того, как вы распорядились возможностями, предоставленными вам в этой жизни, абсолютно так же, как сумма складывается из составляющих ее положительных и отрицательных величин.

Я уже говорил, что поразительная важность оккультного знания связана с тем, каким образом оккультизм дает нам точное, основанное на опыте понимание духовных явлений, которые во всех других системах остаются предметом умозрительных спекуляций или слепой религиозной веры. Более того, можно утверждать: оккультизм доказал, что свойственные Природе гармония и плавная последовательность, которые прослеживаются в физике, распространяются и на те природные процессы, которые связаны с феноменами метафизического существования.

Прежде чем приступить к изложению выводов, к которым пришла оккультная философия относительно природы человека, стоит, пожалуй, опровергнуть возражение, которое читатель может выдвинуть в самом начале нашего рассуждения. Как могло случиться, что выводы, имеющие столь огромную важность, до сих пор оставались тайным, ревниво оберегаемым достоянием кучки посвященных? Не в том ли заключается один из законов прогресса, что истина возвещает о себе, устремляясь на свет, на простор? Разумно ли предположение, что величайшая из всех истин, фундаментальная основа знания о человеке и Природе, страшится явить себя миру? Почему древние приверженцы и знатоки оккультной философии не хотели поделиться бесценными сокровищами своих исследований?

Что ж, не мое дело оправдывать то крайнее упорство, с которым знатоки оккультизма до сей поры не только лишали мир всякой возможности познакомиться с их знанием, но и держали его почти в полном неведении относительно того, что подобное знание вообще существует. Однако в данном случае достаточно отметить, что было бы глупо закрывать глаза на раскрытую нам тайну, которая может обрести частичное признание в наши дни, отвергнув ее только из-за того, что нас удивляет поведение людей, которые могли бы раскрыть ее раньше, но предпочли этого не делать. Не более благоразумно утверждать, что скрытность оккультистов дискредитирует все, что они могут сообщить нам теперь о своих достижениях. Если сегодня ярко светит солнце, его свет не могут дискредитировать вчерашние показания барометра. Обсуждая достижения оккультистов, я прибегаю к фактам, которые действительно имели место, а установленную истину не может дискредитировать ничто. Несомненно, в дальнейшем есть смысл исследовать мотивы скрытности, которая отличала оккультистов во все времена. Быть может, мы сможем больше сказать в оправдание их действий, нежели это кажется на первый взгляд. Читатель не намного приблизится к пониманию природы тех способностей, которыми обладают мастера оккультизма, если не поймет, что практическое

применение подобных способностей в высшей степени желательно держать в тайне от мира. Но одно дело — отказать основной массе человечества в ключе, открывающем тайну оккультной силы, а другое — скрывать сам факт существования тайны, которую можно открыть. Однако дальнейшее обсуждение этого вопроса пока преждевременно. На сей раз достаточно будет обратить внимание на то, что секретность, в конце концов, нельзя назвать абсолютной, если посторонние исследователи имеют возможность узнать о скрываемой тайне столько, сколько я собираюсь рассказать в этой книге. Не подлежит сомнению, что гораздо больше знаний осталось за непроницаемой для нас завесой; но исследователи, которые правильно возьмутся за дело, в любом случае смогут узнать еще очень многое, а то, что можно изучить сейчас, не является новым откровением, которое оккультисты по прихоти своей впервые предлагают внешнему миру.

В прошлые исторические эпохи всему миру было известно об оккультизме гораздо больше, нежели знают о нем сейчас на современном Западе. Не ревность оккультиста, а фанатизм современной цивилизации виною тому, что о результатах исследования психических явлений европейские народы знают на сегодняшний день куда меньше, чем обитатели Египта — в прошлом, а жители Индии — в настоящем. Что касается последних, которые дают возможность с легкостью проверить только что изложенную теорию, то вам не составит труда обнаружить, что огромное большинство индусов убеждено в истинности тех основных положений, которые я намереваюсь здесь выдвинуть. Далеко не все индусы говорят на такие темы с европейцами, а если и говорят, то не очень охотно, потому что уроженцы Европы имеют глупейшее обыкновение высмеивать взгляды, которых не понимают или в которые более не верят. Перед лицом подобных насмешек коренной обитатель Индии проявляет величайшую робость. Однако это ни в малейшей мере не может поколебать его убеждений, основанных на фундаментальном учении, которое он всегда будет считать верным, и нередко подкрепленных случайными эпизодами из его собственного опыта. Индусы в массе своей прекрасно осведомлены о том, что существуют люди, благодаря строгому соблюдению определенного образа жизни приобретающие необычайные способности, которые европейцы весьма опрометчиво называли бы сверхъестественными. Для индусов вполне привычна мысль о том, что люди, обладающие этими способностями, ведут отшельническую жизнь и недостижимы для тех, кто проявляет праздное любопытство, но тем не менее доступны для достойных и решительных соискателей, жаждущих оккультного обучения. Спросите любого культурного индуса, случалось ли ему слышать о Махатмах, йога-видье или оккультных науках — и сто шансов против одного, что он слышал о них и (если только он не является одним из гибридных продуктов англо-индийских университетов) полностью верит в реальность той силы, которую приписывают йоге. Из этого вовсе не следует, что он сразу ответит "да" европейцу, задающему этот вопрос. Скорее всего, он скажет вам прямо противоположное, движимый опасениями, о которых я уже говорил выше. Но проявите настойчивость, и вы узнаете правду, как это случилось, например, со мною в прошлом году, когда я познакомился с одним очень умным индийцем-вакилем*, который говорил по-английски, занимал влиятельное положение и поддерживал постоянные отношения с высшими чиновниками из числа европейцев. Сперва мой новый знакомый встретил мои расспросы так, словно он вообще ничего не знал о подобных предметах. Он напустил на лицо бессмысленное выражение полнейшего невежества и совершенно отрицал всякое знакомство со знанием, которое я имел в виду. И только со второй встречи, когда мы встретились у меня дома, в непринужденной обстановке, и гостю постепенно стало нравиться, что я настроен серьезно и сам кое-что знаю о йоге, — только тогда он без опаски посвятил меня в свои подлинные мысли на этот счет. Оказалось, что он не только с самого начала знал, что я имел в виду, но и располагал информацией о происшествиях и феноменах оккультного или явно сверхъестественного характера, многие из которых наблюдали члены его семьи, а некоторые — и он сам.

Суть дела заключается в том, что у европейцев нет никаких оснований объяснять ревностью оккультистов свое полное и абсолютное невежество во всем, что связано с этими людьми, — невежество, характерное для всего современного западного общества. До сих пор Запад был увлечен материальным прогрессом в ущерб душевному развитию. Быть может. Запад поступил наилучшим возможным образом, ограничившись рамками своей специализации; тем не менее, если концентрация на данной цели привела к определенному упадку в другой сфере развития, Запад может винить в этом только себя.

Один человек (судя по его манере выражаться, он, вероятно, был посвященным) сказал французскому писателю Жаколио, который долгое время занимался различными аспектами восточного спиритизма: "Вы изучили физическую Природу; используя ее законы, вы добились великолепных результатов — я имею в виду пар, электричество и тому подобное. Мы же на протяжении двадцати тысяч лет или даже более изучали духовные силы; мы открыли их законы и,

используя эти силы сами по себе или в их взаимодействии с материей, вызываем к жизни явления, еще более удивительные, чем ваши". Жаколио добавляет: "Мы видели вещи, которые едва ли кто-нибудь решится описать, — иначе читатели усомнятся, в здравом ли он уме... и тем не менее мы все-таки их видели".

III

Оккультные феномены не следует смешивать с феноменами спиритизма. Последние, чем бы они ни были, являются такими манифестациями, которые медиумы не могут ни контролировать, ни понимать. Первые же суть достижения сознательного, живого оператора, понимающего законы, с которыми он работает. Если эти достижения кажутся чудом, то виною тому — неведение наблюдателя. Вопреки невежественным насмешкам со стороны профанов, которые рады посмеяться, даже не понимая, над чем смеются, спиритуалист отлично знает, что сверхъестественные явления всех видов — обычное дело для исследователей, которые охотятся за ними достаточно усердно. Однако спиритуалист не способен дать причинам этих феноменов какое-либо другое объяснение, кроме сверхъестественного. Он хватается за ту или иную гипотезу *faute de mieux**, а потом, продолжая непрерывную работу над этой идеей, выстраивает вокруг фактов настолько сложную теоретическую конструкцию, что лишь с величайшей неохотой допускает к рассмотрению любую новую гипотезу, предчувствуя, что она заставит его пересмотреть свои взгляды почти от самой отправной точки. Однако это неизбежно, если спиритуалист принадлежит к разновидности исследователей, которые больше стремятся постичь истину, а не укрепить позиции своего учения, отстаивая его, что бы ни случилось.

Вообще говоря, едва ли найдется хоть один феномен спиритизма, который знатоки оккультизма не могли бы воспроизвести силою собственной воли, которая подкреплена пониманием возможностей Природы. Как станет видно из непосредственного рассказа о моих собственных впечатлениях, я наблюдал, как наиболее типичные феномены спиритизма происходили исключительно за счет воздействия человека. Чтобы просветить меня, было произведено старое доброе столоверчение, которое в спиритизме служит предвестником более впечатляющих феноменов; его осуществили бесчисленным множеством способов, причем в таких условиях, которые полностью исключают гипотезу о каком-либо вмешательстве духов. Я видел, как с голого потолка сыпались цветы; это случилось при обстоятельствах, которые дали мне практическую уверенность в том, что посредничество духов исключено, хотя все происходило в абсолютно "сверхъестественном" стиле — в том смысле, что не применялись никакие материальные приспособления, как и в случае тех цветочных дождей, которыми осыпали себя некоторые медиумы. Я снова и снова получал "сообщение", появлявшееся на бумаге внутри моих собственных запечатанных конвертов, которое создавал или передавал живой человек-корреспондент. Я располагаю сведениями о великом множестве других феноменов, типичных для спиритизма, которые живые адепты оккультизма производили тем же путем; данные эти получены из вторых рук, но тем не менее весьма надежны. Однако воевать со спиритуализмом — в данный момент не моя задача. Вероятно, то, о чем я должен сообщить, с большей готовностью воспримут в среде спиритуалистов, нежели в широких кругах обычного мира, поскольку спиритуалисты, по крайней мере, знают на собственном опыте, что ортодоксальная наука наших дней не знакома с последними открытиями, касающимися духа и материи, тогда как ортодоксальный профан продолжает тупо и упорно отрицать факты, если предвидит, что не сумеет их объяснить. Хотя факты спиритизма доступны любому, кто займется их поиском, они все же таковы, что их нельзя просто взять и бросить в лицо прагматичным "скептикам". Поэтому последние могут по-прежнему заявлять о своем неверии, не видя того, насколько безрассудна их позиция, хотя это совершенно очевидно для "посвященных". И все же (хотя традиционное научное сознание едва ли охотно признает мое свидетельство правдивым, а мои объяснения — приемлемыми) я хотел бы несколько ослабить враждебное предубеждение, заявив с самого начала, что оккультизм не имеет ничего общего со спиритуализмом и что "духи" не играли вообще никакой роли в каждом из тех паранормальных случаев, о которых я намереваюсь здесь рассказать.

ОКУЛЬТИЗМ И ЕГО АДЕПТЫ

I

Способности, которые оккультизм дает адептам, прежде всего включают в себя контроль над различными силами Природы, о которых традиционной науке ничего не известно; с их помощью адепт может вступать в беседу с другим адептом, какое бы расстояние ни пролегало между ними на земной поверхности. Этот психический телеграф совершенно не зависит от каких бы то ни было механических условий и приспособлений. Способность адепта к ясновидению настолько велика и совершенна, что в области мирских дел доходит до своего рода всеведения. Для большинства смертных тело — это темница души. Мы видим лишь то, что происходит перед ее окнами, и познаем лишь то, что попадает внутрь нашей тюрьмы через решетку. Но адепт овладел ключом своей темницы и может выходить из нее по своему желанию. Для него она больше не темница, а просто жилище. Иными словами, адепт в состоянии со скоростью мысли перенести свою душу из тела в любое место, куда пожелает.

Все здание оккультизма, от фундамента до крыши, настолько чуждо обыденным распространенным понятиям, что мне даже трудно решить, с чего начать рассказ о его сущности. Как объяснить конструкцию вычислительной машины аудитории, которая не знакома с простейшими механическими устройствами и ничего не смыслит в арифметике? Высокообразованные слои современного европейского общества обладают великолепной литературной эрудицией и проявляют изысканную точность в специальных отраслях науки; однако эти люди не знакомы даже с простейшими азами оккультизма и совершенно ничего не знают о возможностях души как таковой — в отличие от возможностей души и тела вместе взятых. Именно эти возможности веками исследовали оккультисты. Результаты, достигнутые ими, настолько великолепны, что это просто ошеломляет; но если человек прозаического склада ума ознакомится с ними без предварительной подготовки, то будет потрясен и почувствует себя в мире чудес и волшебства. Как на картах, где отмечены океанские течения истории, мы увидим, что все нации в большей или меньшей степени смешиваются друг с другом. Исключением являются лишь китайцы, которые подобны единой реке без притоков и ответвлений, исток которой скрыт за туманной завесой времени. Предположим, что цивилизованная Европа до самого последнего времени не вступала в контакт с китайцами; допустим также, что интеллектуальные задатки этой нации гораздо лучше, чем они есть на самом деле, и что китайцы развили некую отрасль физических наук до того уровня, которого в действительности достигли мы; вообразим, что именно этой конкретной отрасли мы в свое время полностью пренебрегли. А теперь представим себе, насколько велико было бы наше удивление, если бы мы познакомились с плодами китайских исследований в их зрелой, утонченной форме, при этом не пройдя через постепенное ознакомление с их скромной начальной стадией.

В точности в таком же положении оказались сейчас оккультные науки. Не считая древнейшей эпохи, более отдаленной от нас, нежели мы можем себе представить, оккультисты всегда составляли особую расу, но не расу в физическом смысле, не расу, объединяемую общностью телесных признаков, не нацию в любом из значений этого слова, а устойчивое сообщество людей высочайшего ума, которых соединяли узы более прочные, чем любая другая связь, известная человечеству, — людей, с безупречной целеустремленностью продолжающих исследования, традиции и таинства самосовершенствования, переданные им предшественниками. Все это время тот поток цивилизации, на передовых волнах которого мчится современная европейская культура, пренебрежительно пронесся мимо того единственного предмета исследований, которым всецело заняты оккультисты. Неудивительно, что две линии цивилизации разошлись настолько далеко друг от друга, что приобрели совершенно несхожие формы. Остается только гадать, какой прием получит наша попытка заново познакомить давно не общавшихся кузенов, — воспримут ли ее терпимо или сочтут бесстыдной уловкой, цель которой — навязать в родню самозванца.

Я уже упоминал, что оккультист может выпускать свою душу из тела. Следует отметить, что при этом он убеждается в том, что у него действительно есть душа; это открытие, не допускающее ни тени сомнения, является побочным результатом его действий. Сравнительное изучение мифов иногда называли религиоведением. Если на свете существует подлинное религиоведение, то это, несомненно, оккультизм. Быть может, при поверхностном рассмотрении не вполне ясно, почему религиозная истина более полно открывается душе, которая временно освободилась от тела, а не

душе, познающей идеи посредством физических ощущений. Однако очевидно, что восхождение в нематериальную сферу, где познание превращается в процесс чистого восприятия, в то время как интеллектуальные способности работают в полную силу и сосредоточены в нематериальном человеке, благоприятствует расширенному постижению религиозной истины.

Я только что упомянул "нематериального человека", отличного от тела с его физическими чувствами; но утверждение, которое я должен сделать, настолько сложно, что, прежде чем склонить читателя терпимо отнестись к этой фразе, я должен забраковать ее за неточность. Оккультная философия установила, что внутренняя бесплотная сущность, которою и является человек как нечто отличное от физического тела, служит лишь оболочкой чего-то еще более бесплотного — то есть, в утонченном смысле слова, сама является материальной.

Культурные люди в большинстве своем верят, что у человека есть душа, которая так или иначе продолжает жить после смерти тела; однако они вынуждены признать, что знают о ней очень немногое. Немало людей из числа наиболее культурных питают по этому поводу самые серьезные сомнения. Кое-кто думает, что исследования в области естествознания, породившие предположение о том, что даже мысль может быть разновидностью движения, подкрепляют гипотезу о том, что после смерти тела от живого существа ничего не остается. Оккультная философия не строит никаких предположений на эту тему; она просто знает, каково реальное положение дел.

Святой Павел, который сам являлся оккультистом, говорит, что человек состоит из тела, души и духа. Такое разграничение плохо совмещается с теорией о том, что после смерти человека его душа навеки попадает на небеса или в ад. К чему же сводятся общепринятые предположения о том, что происходит при этом с духом и что представляет собою дух в качестве элемента, отличного от души? Каждый ортодоксальный мыслитель развивает на этот счет какую-нибудь собственную гипотезу. Либо душу объявляют вместилищем чувств, а дух — вместилищем интеллектуальных способностей, либо vice versa*. Никто не может подвести под эти догадки прочный фундамент, даже фундамент предполагаемого откровения. Однако, когда святой Павел употребил приведенное здесь выражение, он вовсе не находился во власти туманных фантазий. Дух, о котором он говорил, можно охарактеризовать как душу души. В данный момент это не должно нас занимать. Важное положение, выдвинутое оккультизмом, заключается в том, что хотя душа человека гораздо более тонкая, бесплотная и долговечная, нежели тело, она тем не менее сама является материальной сущностью. Она материальна не в том смысле, как это понимает химия, а в том, как это могли бы понимать естественные науки en bloc*, если бы разрозненные щупальца разных научных отраслей стали более чувствительными и работали бы в большей гармонии друг с другом. Если мы говорим о какой-либо гипотетической субстанции, что определить ее атомный вес и химические свойства невозможно, то тем самым мы вовсе не отрицаем ее материальности. Все, кто верит в существование эфира, передающего свет, считают его материальным, хотя бездна различий отделяет его даже от самого разреженного газа. К научной истине не всегда подходят с одной и той же стороны. Одно можно воспринимать непосредственно, другое — косвенно подразумевать, но последнее не становится по этой причине менее верным. Мы делаем вывод о материальности эфира, наблюдая за поведением света; основа для вывода о материальности души — то, что она подвержена воздействию различных сил. Гипнотическое воздействие — это сила, источником которой служат определенные физические свойства гипнотизера. Эта сила воздействует на душу человека на расстоянии и производит эффект, ощутимый для него и доказуемый для других. Конечно, это лишь иллюстрация, а не доказательство. Моя задача сейчас — как можно лучше рассказать об открытиях в области оккультизма (и, возможно, в моем рассказе найдется много недостатков), не пытаюсь с самого начала обосновывать доказательствами каждый элемент этих открытий. Далее я смогу доказать по крайней мере некоторые их элементы, и тогда остальные можно будет признать как истину, установленную косвенным путем.

Душа материальна, и она входит в состав более грубого материального тела; именно такое положение вещей и позволяет оккультисту делать позитивные утверждения на эту тему. Он может одним махом рассеять свои сомнения и убедиться в том, что душа существует и по природе своей материальна, когда при определенных условиях отделяет ее от тела, а затем вновь водворяет на место. Иногда оккультист способен проделывать это даже с душами других людей, но, тем не менее, главное его достижение заключается в том, чтобы сделать это со своей собственной душой. Говоря, что оккультист знает, что у него есть душа, я ссылаюсь как раз на эту его способность. Он знает об этом точно так же, как другой человек знает о том, что является обладателем отличного пальто. Он может снять свое пальто, и в этом состоянии станет очевидно, что оно есть нечто отдельное от него самого. Но когда это отделение совершилось, ему следует помнить, что он является душой, а вещь,

которую он снял, — телом. Результат этих действий — не что иное, как абсолютная уверенность в решении великой проблемы жизни после смерти. Когда речь идет о том, возможно ли существование вне тела, адепт не полагается ни на веру, ни на метафизические спекуляции. Он переходит к такому существованию, когда ему заблагорассудится. Даже если признать, что само по себе умение временно освобождаться от тела еще не гарантирует адепту знания о том, какая судьба ожидает его после окончательного освобождения от тела в момент смерти, оно тем не менее позволяет ему точно узнать, в каких условиях начнется его путешествие в мир иной. Пока тело живо, душа является, так сказать, привязным аэростатом (хотя трос, который его удерживает, очень длинный, эластичный и легкий). Совершая подъемы на привязи, пилот не обязательно узнает о том, куда поплывет аэростат, когда механизм на земле, наконец, развалится, и летательный аппарат будет нестись по воле ветра. Но если вы стали аэронавтом еще до начала путешествия и, как я отмечал ранее, точно знаете о том, что аэростаты существуют для воздухоплавания, — это уже неплохо.

Если бы эта единственная способность, описанная мною, была концом пути адепта, в ней заключалось бы безмерное величие. Но это далеко не конец — напротив, это, скорее, лишь начало. Мне дали понять, что те похожие на колдовство подвиги, на которые способны адепты оккультизма, совершаются благодаря хорошему знакомству с некоей природной силой, которая в санскритских писаниях упоминается под названием акаша. Западная наука достигла многого, исследуя свойства и возможности электричества. За много веков до этого оккультная наука достигла гораздо большего, исследуя свойства и возможности акаши. В своей книге "Грядущая раса" покойный лорд Бульвер-Литтон (чья связь с оккультизмом, очевидно, была вообще более тесной, нежели о том догадывается мир) в образной, фантастической манере описывает чудеса, совершаемые при помощи силы под названием вриль, в мире, куда попадает его герой. Совершенно ясно, что, говоря про вриль, лорд Бульвер-Литтон воспекает акашу. "Грядущая раса", изображенная в его книге, во многих существенных деталях совершенно непохожа на адептов. Во-первых, это сложившаяся нация. Все ее члены, причем еще с детства, в равной мере управляют силами, которые подвластны адептам, — или, вернее, некоторыми из них, поскольку не все они описаны в книге. Перед нами всего лишь волшебная сказка, основанная на достижениях оккультизма. Но ни один человек, тщательно изучавший последние, не может не заметить, не может не признать с убежденностью, равносильной твердой уверенности, что автор "Грядущей расы" наверняка был знаком с основными идеями оккультизма; а может быть, он знал даже гораздо больше. В не меньшей степени об этом свидетельствуют другие мистические романы лорда Бульвер-Литтона — "Занони" и "Странная история". Второстепенный персонаж романа "Занони", возвышенный Меджнур, открыто представлен в качестве великого адепта восточного оккультизма — в точности как те люди, о которых я говорил. Трудно понять, почему в этом случае, когда лорд Бульвер-Литтон явно намеревался придерживаться реальных фактов оккультизма с большей точностью, нежели в "Грядущей расе", ему вдруг вздумалось сделать Меджнура последним уцелевшим представителем братства розенкрейцеров. Стражи оккультной науки весьма немногочисленны, особенно если учесть, сколь громадную важность имеют те знания, которым они не дают исчезнуть. Эти люди спокойно мирятся с тем, что их мало. Однако они никогда не допускали, чтобы их численность снижалась до уровня, который ставит под угрозу само существование оккультистов на земле в качестве организованного сообщества. Опять же сложно понять, почему лорд Бульвер-Литтон, при тех познаниях, которыми он, несомненно, обладал, использовал свою информацию лишь для украшения художественных произведений и не постарался явить ее миру в такой форме, которая заставила бы людей более серьезно отнестись к этим сведениям. Разумеется, обыватели были бы этим очень недовольны; нельзя также исключить, что сам лорд Бульвер-Литтон настолько проникся любовью к тайне, которая естественно присуща оккультисту, что предпочел изложить свою информацию в таинственном, завуалированном виде, дабы она была понятной лишь читателям, близким автору по духу, и незамеченной проскользнула мимо банальных умов, не вызывая того гневного неприятия, которое обеспечено, например, этим страницам, если они попадут в руки фанатиков от науки, от религии и ревнителей великой философии общих мест (конечно, при условии, что книга эта вообще привлечет чье-либо внимание).

Следует понимать, что акаша — это сила, для которой у нас нет названия и по отношению к которой у нас нет опыта, способного подвести нас к пониманию ее природы. Нам может послужить подспорьем лишь мысль о том, что эта сила настолько же мощнее, тоньше и необыкновеннее электричества, насколько электричество превосходит по тонкости и разносторонности своего воздействия силу пара.

Именно благодаря знакомству со свойствами акаши, адепт может производить те физические феномены, которые, как я вскоре смогу доказать, находятся в пределах его компетенции наряду с другими, гораздо более поразительными возможностями.

II

Кто же эти адепты, управляющие колоссальными силами, о которых я веду речь? Есть основания полагать, что такие адепты жили во все исторические эпохи, а на сегодняшний день подобные люди есть в Индии или прилегающих к ней странах. То, что знания, унаследованные этими людьми, идентичны знаниям древних посвященных оккультизма, неоспоримо проявилось в ходе изучения взглядов, которых придерживаются адепты, и способностей, которые они в себе развивают. Этот вывод был сделан на основе множества литературных источников; в данный момент достаточно просто сформулировать его, а на способы связаться с посвященными будет указано позднее. Пока же рассмотрим то положение, в котором сейчас находятся адепты.

Они объединены в некое Братство, или Тайное Общество, имеющее свои отделения по всему Востоку, но главная его резиденция, я полагаю, находится сейчас в Тибете. Однако в современной Индии тоже не перевелись адепты, и именно из этой страны Общество вербует многих новых членов. Дело в том, что это великое Братство представляет собой одновременно и самую недоступную, и самую открытую организацию мира; здесь рады новобранцам любой национальности и расы, из какой бы страны они ни происходили, однако при условии, что они обладают необходимыми характеристиками. Как сказал мне один человек, который и сам входит в число адептов, врата всегда открыты для того, кто постучится в них, но таков уж путь, ведущий к этим вратам, что только самые решительные и непреклонные странники имеют шанс его одолеть. Разумеется, я могу описать опасности этого пути лишь в самых общих выражениях; однако читателю необязательно изучать секреты посвящения, чтобы понять, какой характер носит обучение, через которое должен пройти неофит, дабы удостоиться звания знатока оккультизма. Меня многократно заверяли, что адептами не рождаются, а становятся, и процесс этого становления в основном находится в руках самого человека.

В чем бы ни состояли первые испытания, преграждающие путь к низшим ступеням оккультизма, кандидата на посвящение, насколько я знаю, никогда не допускают к ним ранее чем через семь лет после того, как он был принят в качестве послушника. При этом нет никакой гарантии, что семилетний срок не будет продлен для него *ad libitum**. У кандидата даже нет уверенности в том, что его вообще когда-нибудь допустят к посвящению того или иного рода. Одной этой мучительной неопределенности оказалось бы вполне достаточно, чтобы отпугнуть большинство европейцев от попыток проникнуть в сферы оккультизма, как бы сильно он ни привлекал их в интеллектуальном плане. Но подобная неопределенность — отнюдь не каприз деспотичного общества, которое, так сказать, кокетничает со своими полными рвения поклонниками. Испытания, через которые должен пройти неофит, — это вовсе не причудливые розыгрыши и не имитация каких-то жутких опасностей. Это также не искусственные преграды, воздвигнутые мастерами оккультизма, чтобы испытать хладнокровие учеников, подобно тому, как учитель верховой езды устанавливает в своей школе барьеры для прыжков. Природа науки, которую собирается исследовать соискатель, такова, что ее откровения потрясают разум и подвергают суровому испытанию самую непреклонную отвагу. В интересах самого кандидата следует предварительно испытать его характер, стойкость в достижении цели, а может быть, также и его физические и психические качества, наблюдая за ними с безмерной осторожностью и терпением; лишь потом ему можно позволить сделать последний решительный шаг и нырнуть в море необыкновенных переживаний, которое он либо переплывет своими собственными силами, либо погибнет.

Вполне очевидно, что я не могу располагать точными знаниями о том, какие испытания ожидают кандидата на протяжении периода его развития; догадки же, основанные на отрывочных сведениях, собранных то здесь, то там, не заслуживают упоминания. Однако столь же очевидно, что особенности жизни, которую ведет обычный кандидат на звание неофита, ни в коей мере не являются секретом. Помимо всего прочего, предельное развитие адепта требует от него соблюдения абсолютной физической чистоты, и кандидат обязан с самого начала представить доказательства того, что он готов соблюдать это требование. На протяжении всего испытательного срока он должен, так сказать, соблюдать полное целомудрие, воздержанность и безразличие к любым физическим удовольствиям. Такой образ жизни не предполагает ни какой-то фантастической дисциплины, ни навязчивого аскетизма, ни бегства от мира. Ничто не мешает джентльмену из лондонского светского общества быть кандидатом в оккультисты и проходить подготовку по полной программе, причем окружающие даже не будут ничего об этом знать. С точки зрения истинного оккультизма, возвышенная преданность подлинного адепта — отнюдь не плод отталкивающего аскетизма заурядного индийского факира,

этого йога лесных дебрей, чья грязь возрастает вместе со святостью, этого фанатика, вонзающего себе в тело железные крючья или держащего руку поднятой вверх, пока она не высохнет. Отрывочное знакомство с некоторыми чисто внешними фактами, индийского оккультизма часто приводит к недоразумениям на этот счет.

Йога-видья — вот индийское название оккультной науки. Исследуя практику заблудших энтузиастов, культивирующих некоторые низшие отрасли этой науки при помощи одних лишь физических упражнений, легко усвоить множество вещей, которые и знать-то совсем не стоит. Строго говоря, такое физическое совершенствование называется хатха-йогой, а более возвышенная разновидность, которая достигается дисциплиной ума и ведет к подлинным высотам оккультизма, носит название раджа-йоги. Нет и не было ни одного человека, заслуживающего в глазах подлинного оккультиста названия адепта, который достиг бы своих возможностей при помощи трудоемких и ребяческих упражнений хатха-йоги. Я не хочу сказать, что эти низшие упражнения совершенно бесполезны. Тот, кто ими занимается, действительно приобретает некоторые паранормальные силы и способности. Описанию этих упражнений посвящено множество трактатов, и многие жители Индии могут рассказать любопытные случаи из опыта своего общения со знатоками этого необыкновенного искусства. У меня нет никакого желания заполнять страницы этой книги сообщениями о чудесах, в которых я не в состоянии отделить правду от вымысла. Однако главная мысль, на которой я здесь настаиваю, заключается в следующем: ни одна история, кем-либо прочитанная или услышанная, в которой индийская йога выглядит низкой, ограниченной или вульгарной, не может иметь ни малейшего отношения к утонченной, неземной йоге, известной под названием раджа-йоги, ведущей к величественным высотам адептства.

ТЕОСОФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Поскольку оккультная организация всегда оставалась тайной, то относительно философских взглядов, которые она сохранила или приобрела, еще следует узнать гораздо больше, нежели это может показаться. Когда я полностью опишу свой собственный опыт, станет ясно, что великие адепты оккультизма ничего не имеют против распространения своей религиозной философии постольку, поскольку эта доктрина может послужить на пользу нашему миру, который еще не готов к чистому психологическому исследованию. Они также не являются решительными противниками случайного проявления той высшей власти над силами Природы, которую они обрели в результате своих необычайных исследований. Те многочисленные, явно сверхъестественные явления, свидетелем которых я стал благодаря воздействию оккультных сил, никоим образом не могли бы иметь места, если бы общее правило, запрещающее Братьям демонстрировать свои силы перед лицом непосвященных, было абсолютным. В самом деле, это правило строго запрещает демонстрацию каких-либо оккультных феноменов с целью вызвать удивление и восхищение очевидцев. Я склонен думать, что этот запрет имеет абсолютную силу, если в дело не замешана некая более возвышенная цель. Но совершенно ясно, что иногда Братья могут мудро позволить демонстрацию паранормальных феноменов из чисто филантропического желания вызвать доверие к философской системе, которая сама по себе оказывает на человека облагораживающее действие. Это происходит в случае, если умы людей, к которым взывает адепт, способны подняться от преклонения перед чудом к подобающему уважению к философии, которую это чудо подтверждает.

История Теософического Общества служит наглядной иллюстрацией этого принципа. Эта история весьма пестра, потому что феномены, которые демонстрировались, часто не производили надлежащего эффекта, иногда преждевременно разглашались и навлекали на изучение оккультной философии, как она представлялась окружающему миру и преданным лицам, которых наскоро идентифицировали с поощрением этой философии средствами Теософического Общества, множество глупых, смешных, а иногда и злонамеренных преследований. Может возникнуть вопрос: почему же Братья позволили такое неблагоприятное поведение, если они действительно столь велики и всемогущи, как я их описываю? Но ответить на этот вопрос не так трудно, как может показаться на первый взгляд. Если описание Братьев, которое я попытался представить читателю, было верно понято, то оно покажет, что по сравнению с лицами, стоящими на более низкой ступени оккультного развития, Братья, невзирая на свои силы, менее подготовлены к задачам, включающим в себя прямые отношения с множеством обычных людей в обыденном мире. Я предполагаю, что первичная цель Братства имеет очень мало общего с той задачей, которую я выполняю сейчас, а именно — со стремлением убедить широкую публику в том, что в человечестве действительно скрыты способности к столь необыкновенному развитию, которые могут одним прыжком перенести нас в

плане познания Природы далеко за пределы того, о чем мечтает физическая наука, и в то же время дать нам позитивные доказательства относительно строения и предназначения человеческой души. Разумно предположить, что Братья с симпатией отнеслись бы к подсобной цели. Но, немного поразмыслив, мы поймем со всею очевидностью, что их первостепенная задача — поддерживать реальность того знания и тех сил, о которых я могу рассказать лишь приблизительно: Если бы Братьям пришлось взвалить на себя огромную черную работу по борьбе с флегматичным скептицизмом толпы, язвительным скептицизмом фаланги материалистов и испуганным, негодующим скептицизмом религиозных ортодоксов, можно предположить, что они — *prope vita vivendi perdere causas** — даже могли бы допустить гибель самой оккультной науки ради того, чтобы убедить человечество, что эта наука действительно существовала. Конечно, можно было бы навести оккультистов на мысль о том, что в оккультизме, как и в любой другой области, возможно разделение труда и что ряд адептов, пригодных для этой работы, можно бросить на борьбу с недоверием современной науки, в то время как остальные будут по-прежнему исполнять свои первоочередные обязанности, оставаясь в милом их сердцу уединении. Но сколь бы практичным ни выглядел подобный совет в глазах нашего практичного мира, он представляется совершенно непрактичным с точки зрения подлинного мистика. Прежде всего, человек, стремящийся стяжать лавры на ниве оккультизма, предпринимает громадные, долговременные усилия, являющиеся условием успеха, совсем не для того, чтобы по завершении своих трудов погрузиться в жизнь обычного мира — ту жизнь, которая будет неизбежно внушать ему крайнее отвращение в случае его гипотетического успеха. Вероятно, не найдется ни одного истинного адепта, которому любой образ жизни, кроме отшельничества, не внушал бы отвращения и антипатии, даже превосходящих ту антипатию, которую у нас, обычных людей, вызывает мысль о том, чтобы заживо похоронить себя в далекой горной обители, где не ступает нога человека и куда не доносится голос внешнего мира. Очень скоро я докажу вам, что присущая адептам любовь к уединению отнюдь не исключает знания европейской культуры и манер. Напротив, эта склонность вполне совместима с обладанием европейской культурой и соответствующим опытом. Обнаружив их у человека восточного происхождения, люди, знающие жизнь Востока лишь с ее обыденной стороны, бывают удивлены.

Итак, если вообразить, что некий адепт откомандирован, согласно приведенному здесь предложению, с целью доказать научному миру, что существуют области знаний, еще не исследованные наукой, и вполне достижимые для человека способности, об обладании которыми ученые пока даже не смеют мечтать, — этот адепт может либо исполнять свое задание по обязанности, либо взяться за него добровольно. В первом случае мы вынуждены допустить, что оккультное братство обращается со своими членами деспотично, в манере, которая, по моим наблюдениям, ему совсем не свойственна. Во втором случае нам придется предположить, что адепт добровольно принес в жертву то, что ему не только милее всего, но и является для него высшей жизнью. Но ради чего? Ради выполнения задачи, которую он считает не слишком важной, — конечно, лишь относительно, в сравнении с другой задачей, в решении которой он может принять участие, то есть с сохранением и, быть может, развитием самой великой науки. Но я не хочу развивать свою аргументацию, потому что это вскоре потребует иного, специального рассмотрения. На сей раз достаточно указать, что существуют определенные соображения, не позволяющие принять метод убеждения, который, по мнению обычных людей, является наиболее подходящим для того, чтобы ознакомить современный интеллект с оккультными истинами.

Судя по всему, эти соображения и побудили Братьев благосклонно отнестись к Теософическому Обществу, которое они рассматривают как более или менее несовершенный, но, за неимением лучшего, подходящий инструмент для того, чтобы выполнить определенную часть работы, в которой Братья искренне заинтересованы, хотя в данный момент они и не готовы взяться за нее сами.

Что же это за специфические обстоятельства, в силу которых Теософическое Общество, во многих отношениях несовершенное в плане организации и управления, до сих пор является органом, наиболее подходящим для распространения оккультных истин? Объяснением этому служат рвение и качества его основательницы — мадам Блаватской. Для того чтобы выразить сочувствие или оказать поддержку какому-либо обществу, занятому пропагандой оккультной философии, Братьям, несомненно, необходимо тем или иным способом наладить с этим обществом оккультные контакты. Нельзя забывать: хотя нам кажется поразительным и невообразимым, что можно спокойно сидеть дома и на расстоянии внушать свои мысли далекому другу, однако Брат, живущий в неведомой гималайской обители, не только способен совершенно свободно общаться с любым из своих друзей, которые являются посвященными, подобно ему, в какой бы части света они ни находились. Более того: он счел бы непереносимо громоздкими и неэффективными любые другие способы связи,

которыми удовлетворяются люди внешнего мира с их невысокими способностями.

Кроме того, для того чтобы Брат смог помогать обществу, которое развернуло свою деятельность среди людей, живущих в миру, он должен получать известия от этого общества с той же легкостью, с какой он сам посылает ему сообщения. Следовательно, на другом конце этой линии связи должен находиться посвященный. В конечном счете правила оккультизма, несомненно, требуют соблюдения вышеупомянутого условия или, что то же самое, запрещают мероприятия, которых можно избежать только при этом условии.

Мадам Блаватская является посвященной. Она — адепт, владеющий этой великолепной способностью психической телеграфии, которая соединяет ее с оккультными друзьями. То, что она резко остановила свое дальнейшее совершенствование в качестве адепта, которое позволило бы ей полностью преодолеть границу между нашим миром и миром оккультным, связано с тем обстоятельством, что эта дама решила взять на себя задачу, с которой, по указанным выше соображениям, вполне совместима деятельность Теософического Общества: сделать так, чтобы эти обязанности не пришлось брать на себя какому-либо высшему адепту. Что касается в высшей степени важной характеристики, то здесь мадам Блаватская действительно в точности удовлетворяла требованиям критической ситуации. Как случилось, что в своей оккультной подготовке она остановилась на достигнутом уровне и не пошла далее — этот вопрос задавать бесполезно, потому что ответ явно повлек бы за собою объяснения, которые вплотную подвели бы нас к секретам посвящения, не раскрываемым никогда и ни при каких обстоятельствах. В конце концов, она — женщина; и несмотря на то, что ее мощный интеллект, широко, хотя и беспорядочно развитый, и совершенно неукротимая отвага, доказанная, помимо всего прочего, храбрым поведением под пулями на поле боя и еще в большей степени — пройденным ею оккультным посвящением, делают слово "женщина" в его обычном значении совершенно абсурдным в приложении к мадам Блаватской, — ее пол, возможно, преградил ей путь к высшим степеням оккультизма, которых она в противном случае могла бы достичь. Как бы то ни было, пройдя семилетний курс оккультной подготовки в одной из обителей в Гималаях, который увенчал ее самозабвенные занятия оккультизмом на протяжении тридцати пяти-сорока лет, мадам Блаватская вновь появилась в миру. Она общалась с обычными людьми, которые обменивались друг с другом банальностями, — людьми, погруженными во мрак невежества, — и ее поражала самая мысль о том, какая бездна поразительного опыта отделяет ее от них. Сначала она едва выносила общение с ними, потому что думала о своих познаниях, которые неведомы этим людям и которые она обязалась не раскрывать. Каждый понимает, насколько тяжело бремя великой тайны; но бремя такой тайны, как оккультизм, и бремя великих способностей, даруемых при условии, что их можно применять лишь в пределах, ограниченных строжайшими правилами, — такое бремя должно быть воистину невыносимым.

Обстоятельства, а если выразиться более откровенно — руководство ее друзей, которых она при своем возвращении в Европу оставила далеко в Гималаях, но с которыми ей больше не грозила разлука в нашем понимании этого слова, побудили мадам Блаватскую посетить Америку. С помощью других людей, в которых разожгли интерес к оккультизму необыкновенные способности этой женщины, время от времени проявлявшиеся ею, и особенно с помощью полковника Олькотта, будущего пожизненного президента учрежденной ею организации, мадам Блаватская основала Теософическое Общество. Его изначально оговоренной целью было изучение мистических сил, скрытых в человеке, а также древней литературы Востока, в которой может таиться их разгадка и в которой можно частично обнаружить философию оккультной науки.

Общество легко пустило корни в Америке, тогда как его филиалы образовались также в Англии и в других местах; но в конце концов мадам Блаватская предоставила их самим себе и вернулась в Индию, чтобы основать Теософическое Общество там, среди аборигенов. При той естественной традиционной симпатии к мистицизму, которую питают коренные жители Индии, от них можно было ожидать горячего сочувствия к этому смелому предприятию, которое апеллировало не только к их интуитивной вере в реальность йога-виды, но также к лучшим проявлениям их патриотизма, представляя Индию как первоисточник самой высокой, хотя и наименее известной и самой изолированной культуры в мире.

Однако тут начались практические просчеты в руководстве Теософическим Обществом, приведшие к упомянутым выше инцидентам, из-за которых развитие Общества стало столь неровным. Прежде всего, мадам Блаватская была совершенно незнакома с повседневной жизнью Индии, поскольку во время своих предыдущих визитов в эту страну она общалась лишь с группой людей, совершенно не связанных с тогдашней политической системой и особенностями страны. Кроме того, ничто не могло

послужить худшей подготовкой к жизни в Индии, нежели несколько лет, проведенных в Соединенных Штатах. Поэтому мадам Блаватская отбыла в Индию, не вооружившись рекомендациями, которые с легкостью могла бы получить в Англии, а ум ее при этом был отравлен совершенно ошибочным и предубежденным восприятием характерных особенностей, свойственных британским правящим классам в Индии, и отношения этих классов к народу. Географически Индия и Соединенные Штаты далеко отстоят друг от друга. В других же отношениях они разделены еще больше. В свой первый приезд в Индию мадам Блаватская стала проявлять подчеркнутую симпатию по отношению к коренным жителям, с которой резко контрастировало ее отношение к европейцам; она настойчиво стремилась к общению с первыми и не делала никаких шагов навстречу последним. Этот факт, вкупе с ее явно русской фамилией, привел к вполне естественным последствиям: одна весьма бестактная организация, которая, наряду с различными иными функциями, старается исполнять в Индии роль политической полиции, стала воспринимать мадам Блаватскую как *suspecte**. Правда, эти подозрения развеялись почти столь же быстро, как и возникли, но перед этим мадам Блаватская успела на краткое время стать объектом слежки столь неуклюжей, что ее невозможно было не заметить. Это возбудило в мадам Блаватской негодование, доходившее до лихорадки. Более флегматичную натуру этот инцидент, вероятно, просто позабавил бы, но все эти инциденты в сумме привели к удручающим последствиям. Как русская по рождению, хотя и натурализовавшаяся* в Соединенных Штатах, мадам Блаватская, вероятно, более остро восприняла оскорбление, заключавшееся в том, что ее приняли за шпионку, чем это сделала бы какая-нибудь англичанка, менее искушенная в тонкостях политического сыска. К тому же в глубине души она осознавала, что вместо того, чтобы восторгаться тем чисто духовным и интеллектуальным предприятием, которому она посвятила жизнь, ей отказали в этом месте в обществе, которое по праву полагалось ей в силу ее высокого происхождения. Вероятно, это сделало ее негодование еще более ожесточенным, когда она поняла, что ее жертва не оценена, а обернулась против нее самой и рассматривается в качестве подтверждения грязных подозрений. Как бы то ни было, все эти обстоятельства, воздействуя на легко возбудимый темперамент, заставили мадам Блаватскую выступить с публичными протестами, благодаря которым как среди коренных жителей, так и среди европейцев стало широко известно, что в правительственных кругах на нее смотрят с неодобрением. На некоторое время это представление помешало успеху ее работы. В Индии ничего нельзя добиться, если первоначальный толчок делу не дадут европейцы; во всяком случае, отсутствие подобного импульса страшно затрудняет любое предприятие, при котором требуется сотрудничество с коренным населением. Нельзя сказать, что Теософическому Обществу не удалось вовлечь в свои ряды новых членов. Туземцам льстила позиция, занятая по отношению к ним их новыми "европейскими" друзьями, каковыми, несомненно, считались мадам Блаватская с полковником Олькоттом, невзирая на их американское гражданство. Индийцы проявляли пылкое поверхностное желание стать теософами, однако их пыл не всегда оказывался длительным, и в некоторых случаях они демонстрировали прискорбный недостаток серьезности, навсегда отпадая от Общества.

Между тем мадам Блаватская стала заводить друзей среди европейцев. В 1880 году она посетила Симлу, где начала — увы, с большим опозданием — искать правильный подход к работе. Тем не менее и тогда были снова допущены некоторые просчеты, которые замедлили утверждение Теософического Общества в Индии, мешая этой организации занять то достойное место, которое ей подобало. В разное время при большом стечении народа проводились демонстрации множества удивительных оккультных феноменов; но при этом не принимались необходимые меры предосторожности против той великой опасности, которая всегда присутствует в случае, если внимание публики к оккультной науке привлекают подобным методом. Если феномены демонстрируются в безупречных условиях перед людьми, которые достаточно умны, чтобы понять значительность этих явлений, то это, бесспорно, вызывает особый эффект, пробуждающий жажду изучения оккультной философии, — такой эффект, которого не может произвести никакое иное воздействие. Но столь же верно (хотя, на первый взгляд, это может показаться не столь очевидным), что умы, совершенно не подготовленные предшествующим обучением к тому, чтобы уловить действие оккультных сил, воспримут даже самый безупречный феномен скорее как оскорбление своему разуму, нежели как доказательство действия оккультной силы. Это в особенности относится к людям, чей ум ни в чем не выходит за рамки посредственности и чьи возможности не позволяют выдержать потрясение оттого, что им предлагают совершенно новый набор идей. Напряжение слишком велико; еще несколько разрывов логической цепи — и воспитанный на банальностях наблюдатель возвращается в свою исходную позицию бесстрастного скептицизма, совершенно не осознавая того факта, что ему предложили откровение бесценного интеллектуального значения, а он его не понял. Нет ничего привычнее заявления: "Не могу поверить в реальность необыкновенного

явления, пока не увижу его собственными глазами. Покажите его мне, тогда и поверю, но никак не раньше". Бесчисленные люди, которые это говорят, полностью заблуждаются насчет того, во что они поверили бы, если бы явление им действительно показали. Мне вновь и вновь приходилось наблюдать, как перед глазами людей, не привыкших изучать подобные явления, проходили феномены, абсолютно достоверные по своей природе, которые, однако, не производили на зрителей никакого иного впечатления, кроме раздраженной уверенности, что их непонятным образом дурачат. Именно так и случилось в Симле во время некоторых особенно ярких демонстраций оккультных явлений, произведенных в ходе упомянутого визита мадам Блаватской в этот город.

Нет нужды говорить, что при том обилии оккультных феноменов, которые либо осуществлялись самою мадам Блаватской, либо происходили при ее посредничестве, число горожан, которым не удавалось попасть на представления, значительно превышало число зрителей. А последним вся серия феноменов, как правило, казалась просто обманом. Странников данного предположения ничуть не смущало, что во всем этом деле бросается в глаза отсутствие каких-либо мотивов для жульничества и что значительная группа лиц, чья компетентность никогда не подвергалась сомнению во время дискуссий на другие темы, настойчиво заявляла о полнейшей реальности демонстрируемых феноменов. Заурядный ум оказался не в силах воспринять мысль о том, что он столкнулся лицом к лицу с откровением, которое посылает Природа; оказалось, что большинство людей предпочитает великолепной простоте истины любую сомнительную гипотезу, какими бы абсурдными и нелогичными ни были ее составляющие части.

Когда мадам Блаватская, в общем и целом, стала в Индии знаменитостью, ее контакты в кругу европейцев сделались более интенсивными. Она завела много друзей и обрела некоторое количество новообращенных последователей, уверовавших в реальность оккультных сил; но в то же время она стала невинной жертвой ожесточенного злопыхательства других своих знакомых, которые, будучи не в состоянии воспринять то, что они наблюдали в ее присутствии, встали на позиции скептицизма, перераставшего в откровенную враждебность по мере того, как сам предмет обсуждения окутывало облако более или менее эмоциональной полемики.

Нет нужды даже говорить о том, что многие газеты нажили на этой ситуации огромный капитал, высмеивая простодушные жертвы мадам Блаватской и искажая каждую крупницу информации о феноменах, которая преподносилась в самой нелепой и смехотворной форме, какую только можно себе представить. Естественно, английские друзья, открыто признававшие, что верят в оккультные способности мадам Блаватской, ожидали такого рода издевательств. Вероятно, подобные насмешки не вызвали у этих людей даже минутного раздражения. Но для той сверхчувствительной и возбудимой личности, на которую были главным образом направлены эти издевательства, они оказались неопишимо мучительными; в конце концов даже стало неясно, хватит ли у нее терпения, чтобы выдержать обрушившееся на нее напряжение, не откажется ли она совсем от неблагодарной задачи убедить весь мир принять те благие дары, которые она пожелала ему преподнести, посвятив этому всю свою жизнь. К счастью, катастрофы не произошло; но ни судьба Колумба, закованного в цепи за открытие Нового Света, ни участь Галилея, возвестившего миру истинные законы астрономии и заключенного за это в тюрьму, не производят на людей, знакомых со всеми перипетиями Теософического Общества в Индии, большего впечатления, нежели положение мадам Блаватской, которую порочило и высмеивало большинство англоязычных индийских газет и которую толпа обывателей объявила шарлатанкой после того, как она в изобилии — насколько это позволяли ей правила великого оккультного сообщества — предложила им некоторые удивительные плоды той борьбы, в которой она обрела свои необыкновенные знания и которую продолжала в течение всей своей жизни.

Между тем Теософическое Общество, вопреки всем гонениям, остается единственной организацией, которая предоставляет жаждущим оккультного знания исследователям канал связи с великим Братством, как бы хрупок он ни был. Братство это держится в тени, но заинтересовано в успешном развитии Общества и поддерживает контакты с его основательницей.

ОККУЛЬТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ НЕДАВНЕГО ВРЕМЕНИ

Именно благодаря своим контактам с Теософическим Обществом и личному знакомству с мадам Блаватской, я приобрел некоторый опыт в сфере оккультизма — опыт, который и побудил меня взяться за мою нынешнюю задачу. Первая проблема, которую мне предстояло разрешить, заключалась в том, чтобы выяснить, действительно ли мадам Блаватская обладает способностью

вызывать паранормальные явления, как мне доводилось слышать. Может показаться, что после того, как я познакомился с этой женщиной, для меня не могло быть ничего проще, нежели удовлетворить такое желание, если ее феномены действительно реальны. Тем не менее дальнейшие события служат прекрасной иллюстрацией тех препятствий, которые всегда окружают подобные исследования, — препятствий, в борьбе с которыми множество людей теряет терпение настолько, что в конце концов бесповоротно прекращает любые расспросы и всю оставшуюся жизнь проводит в полнейшем неведении истины. Несмотря на то, что после моего знакомства с мадам Блаватской, она приехала ко мне в гости и прожила полтора месяца в моем доме в Аллахабаде, за это время я смог удовлетворить свое любопытство лишь в самой незначительной степени. Конечно, в течение этих недель мадам Блаватская очень много рассказывала мне об оккультизме и о Братях; но при том, что она страстно желала дать мне самое полное представление о реальном положении дел, а сам я изо всех сил стремился докопаться до истины, трудности, возникшие перед нами, оказались почти непреодолимыми. Ведь Братья, как я уже упоминал выше, категорически настроены против саморекламы при помощи впечатляющих эффектов. Для них не имеет никакого значения, что человеком, жаждущим увидеть подобные проявления, движет не праздное любопытство, а искреннее стремление постичь истину.

Братья не хотят привлекать кандидатов на посвящение, демонстрируя им чудеса. Чудеса оказывают весьма возбуждающее влияние на умы; это подтверждает история любой религии, основатели которой были чудотворцами. Однако оккультизм — это не такое занятие, чтобы за него можно было, ничем не рискуя, взяться в порыве энтузиазма, вызванного демонстрацией необычных способностей. Не существует абсолютного правила, которое запрещало бы проявлять оккультные способности в присутствии посторонних, но высшие инстанции оккультизма принципиально не одобряют подобных действий, и мастера оккультизма, стоящие ниже определенного уровня, практически не в силах пойти против этого неодобрения. Когда мадам Блаватская впервые посетила мой дом, ей было дозволено открыто продемонстрировать лишь один феномен, да и то самый незначительный из всех, какие только можно вообразить. Ей позволили показать на практике, что человек может по собственной воле производить "столоверчение", которое спиритуалисты приписывают воздействию потусторонних сил. Это было уже кое-что, и *faute de mieux* мы уделили столоверчению много внимания.

Спиритуалистам хорошо известно, что когда группа людей, в которой имеется "медиум", сидит вокруг стола, положив на него ладони, то обычно раздаются легкие произвольные постукивания, при помощи которых присутствующие получают сообщения или ответы на свои вопросы. Множество людей во внешнем мире, не верящих в спиритизм, склонны полагать, что описанное здесь впечатление обманчиво, и вся многомиллионная армия поклонников спиритизма является жертвою заблуждения. Скептики, очевидно, столкнутся с немалыми затруднениями, если попытаются объяснить, почему это заблуждение распространилось столь широко; однако они полагают, что лучше принять любую гипотезу, нежели допустить, будто души умерших способны подобным образом общаться с живыми людьми. Если же противники спиритизма предпочитают научный подход к проблеме, то трудно понять, почему вполне очевидному, хотя и очень тонкому материальному следствию, не предшествует материальная же причина. Подобные люди, вероятно, благосклонно воспримут объяснения, которые я намерен привести; я же стремлюсь здесь доказать, что гипотеза о массовом самообмане в среде спиритуалистов (настолько неуклюжая, что ее не может придерживаться никто, кроме оппонентов, наделенных самой смехотворной самонадеянностью) не является единственной теорией, примиряющей признание доказанных фактов спиритизма, во всяком случае, тех, которые имеются в нашем распоряжении на сегодняшний день, — с неприятием того объяснения, которое дает этим фактам гипотеза самих спиритуалистов.

Итак, вскоре я обнаружил, что постукивания всегда возникали за тем столом, за которым садилась мадам Блаватская, намереваясь произвести этот эффект, причем все мыслимые подозрения в обмане были быстро отменены после сравнения разных экспериментов, которые мы смогли осуществить. Прежде всего, у нас не было необходимости усаживать за стол других людей. Мы могли работать с любыми столами и в любых условиях, а также обходиться вообще без стола. Для этих целей одинаково годились оконное стекло, дверь, стена — словом, абсолютно все, что издает звук при ударе. Полуоткрытая дверь, наполовину сделанная из стекла, сразу же оказалась наилучшим инструментом для наших опытов. Ведь в этом случае можно было стоять напротив мадам Блаватской и наблюдать, как она кладет одну или обе ладони на дверное стекло и держит их неподвижно (отмечу, что на пальцах ее не было ни одного кольца). При этом возникало негромкое тиканье, напоминавшее стук кончика карандаша по стеклу или потрескивание искорок, проскакивающих между электродами электрофорной машины. Был еще один весьма удобный способ вызывать постукивания, которым мы

частенько пользовались по вечерам. Нужно было поставить на коврик перед камином большой стеклянный колпак от часов и уговорить мадам Блаватскую снять все кольца и положить руки на колпак, отодвинувшись от него так, чтобы его не касалась ни одна часть ее одежды. Установив лампу напротив колпака и сидя на коврике рядом с ним, можно было видеть снизу ладони мадам Блаватской. Они неподвижно лежали на стекле; тем не менее даже при этих идеальных условиях наблюдения, на звонкой поверхности стекла возникали отчетливо слышные постукивания.

Мадам Блаватская была не в силах точно объяснить нам, как возникают эти постукивания. Любое применение оккультных способностей связано с тем или иным секретом, и как бы бледно ни выглядели эти постукивания по сравнению с другими феноменами, они все равно относятся к разряду материальных эффектов, осуществляемых усилием воли. Способы тренировки воли для достижения мелких материальных эффектов бывают настолько схожи с методами тренировки, целью которых являются феномены более крупные, что правила оккультизма не позволяют точно разъяснить суть этих методов лицам непосвященным. Но то, что постукивания подчинялись человеческой воле, можно было считать бесспорным фактом, в том числе и по следующей причине: когда мы работали с оконным стеклом или со стеклянным колпаком, я иногда просил назвать по буквам какое-нибудь имя, выбранное мною наугад. Затем я устраивал "переключку" буквам алфавита, и каждый раз, как я называл подходящую букву, раздавалось постукивание. Я заказывал определенное число постукиваний — и моя просьба осуществлялась. Я просил произвести серию постукиваний в определенной ритмической последовательности — и они раздавались. Но и это еще не все. Иногда мадам Блаватская клала кому-нибудь на голову одну или обе ладони и вызывала постукивания, которые мог уловить внимательный слушатель и которые ощущал человек, к которому она прикасалась. Последнему казалось, что при каждом легком ударе на него словно перескакивает искра из электрофорной машины.

На более поздней стадии своих исследований мне случалось наблюдать постукивания и при гораздо лучших условиях, когда руки мадам Блаватской вообще не прикасались к объекту ее воздействия. Это случилось в Симле не далее как летом прошлого (1880) года; однако, говоря о постукиваниях, я позволю себе немного забежать вперед. В Симле мадам Блаватская вызывала постукивания на маленьком столике, окруженная группой внимательных наблюдателей, ни один из которых к столику не прикасался. Начав постукивания, то есть вызвав их путем определенного воздействия, при котором она на несколько секунд положила руки на стол, мадам подняла руки примерно на один фут над столом и стала производить над ним гипнотические пассы, на каждый из которых столик отзывался знакомыми звуками. Мадам Блаватская проделывала это не только в нашем доме и не только с нашими столами. То же самое происходило и в домах у друзей, куда она ходила вместе с нами. Дальнейшее развитие главного эксперимента заключалось в следующем: оказалось, что одно и то же постукивание могут ощущать несколько человек одновременно. Иногда четыре-пять человек клали свои руки на стол, одну поверх другой; мадам Блаватская клала свою ладонь сверху и пропускала через все соприкасающиеся руки нечто вроде тока, порождавшего звук. Этот ток одновременно ощущали все участники опыта; дойдя до поверхности стола, он производил постукивание.

Любой, кому доводилось участвовать в этом эксперименте, не может не ощущать всего идиотизма гипотез, которые высказывают в индийских газетах непреклонные скептики, эти здравомыслящие личности, не поддающиеся обману, которые утверждают, что мадам Блаватская якобы производит указанные звуки, стуча ногтями больших пальцев рук или щелкая каким-нибудь суставом.

Чтобы подвести итог обсуждению этого вопроса, процитирую письмо, написанное мною в то время: "Мадам Блаватская кладет ладони на стол, и на нем слышатся постукивания. Иные умники полагают, что она достигает этого, постукивая ногтями больших пальцев друг о друга. Она кладет на стол только одну руку — и постукивания продолжают по-прежнему. Может быть, она прячет под ладонью какое-нибудь миниатюрное устройство? Мадам Блаватская полностью отрывает руку от стола и держит ее в воздухе — но постукивания все так же продолжают. Может быть, она заранее что-то сделала со столом? Она прижимает руку ладонью к оконному стеклу, к раме картины, затем прикасается подряд к дюжине других мест в комнате — и каждый раз оттуда доносятся эти таинственные постукивания. Может быть, дом, где она обитает вместе со своими близкими друзьями, заранее подготовлен? Мадам Блаватская посещает с полдюжины других домов Симлы и вызывает постукивания в каждом из них. Может быть, постукивания идут не из того места, откуда кажется, а совсем из другого? Может, это просто чрево вещание? Мадам Блаватская кладет ладони вам на голову — и вы ощущаете нечто, напоминающее серию слабых электрических разрядов, а если рядом с вами будет сидеть внимательный слушатель, он заметит, что они производят легкие постукивания по вашему черепу.

Может быть, вы лжете, когда утверждаете, что чувствуете удары тока? Полдюжины человек складывают свои руки на столе одну поверх другой, мадам Блаватская кладет ладонь на самый верх. При этом каждый участник опыта ощущает, как через его руку проходит легкая пульсирующая энергия, и слышит на столе слабые постукивания, в которые она преобразуется. Если человек наблюдал за этими опытами множество раз, подобно мне, вы можете себе представить, какое впечатление на него произведет фраза вроде следующей: "Все эти постукивания — просто фокусы, и не более того. Разве Маскелин и Кук не сделают то же самое всего за десять фунтов за вечер?" Но в тех условиях, которые я описываю, Маскелин и Кук не смогут сделать этого ни за десять фунтов за вечер, ни за миллион индийских рупий".

Я впервые услышал эти постукивания во время первого визита мадам Блаватской в Аллахабад, и это сразу же полностью убедило меня в том, что она обладает определенными паранормальными способностями. Эта уверенность стала единственной причиной, по которой я с доверием отнесся еще к паре феноменов, правда, иного рода, которые имели место в это же время. Условия, при которых они происходили, были небезупречны, так что упоминать об этих явлениях здесь не стоит. Однако было обидно, что нам не удастся даже приблизиться к полной уверенности относительно тех вопросов, которые нас действительно интересовали, а именно: существуют ли люди, действительно наделенные чудесными способностями, которые приписывают адептам, и может ли обычный человек этим путем обрести точное знание о том, каковы свойства его собственной духовной природы. Следует помнить, что мадам Блаватская не проповедовала на этот счет никакого особого учения. Все, что она сообщала нам об адептах и о своем собственном посвящении, мы вытянули из нее в ходе настойчивых расспросов. Теософия, которой она стремилась заинтересовать всех своих друзей, не выдвигает никакого определенного мнения на эту тему, просто предлагая теорию, согласно которой человечество следует рассматривать как Всеобщее Братство, каждый из членов коего должен исследовать духовные истины, при этом не сковывая себя предубеждениями какой-либо определенной религиозной догмы. Хотя позиция мадам Блаватской по всем этим вопросам освобождала ее от морального обязательства доказывать истинность оккультизма, в личных беседах и в своей книге "Разоблаченная Изиды" она раскрывала такой взгляд на вещи, который естественным образом вызывает у людей тягу к дальнейшим исследованиям. Мы испытывали танталовы муки, ощущая, что эта женщина одновременно и может и не может представить нам окончательные доказательства, которых мы так сильно жаждали, — доказательства того, что оккультная подготовка наделила ее реальной способностью воздействовать на материальные объекты, причем способностью такого рода, что если бы у нас могла быть уверенность в том, что мадам Блаватская обладает ею на самом деле, то это полностью разрушило бы главные основы материалистической философии.

Но в одном вопросе мы все же обрели полную уверенность, а именно — в честности этой женщины. Неприятно даже думать о том, что это ее качество вообще могло быть поставлено под сомнение. Однако в Индии люди, занявшие враждебную позицию по отношению к ее взглядам, высказывали подобные сомнения с такою жестокостью и безрассудством, что было бы просто притворством обойти молчанием этот вопрос. С другой стороны, если бы я стал поминутно доказывать честность мадам Блаватской, в которой постепенно убедился благодаря близкому знакомству с нею, это было бы слишком большой уступкой низменным нападкам недоброжелателей. Она неоднократно бывала у нас в гостях, приблизительно за два года прожив в моем доме в общей сложности более трех месяцев. Для непредвзятого ума очевидно, что при указанных обстоятельствах я наверняка мог составить о ее подлинных душевных качествах более верное мнение, нежели то, которое вывели из своих поверхностных наблюдений лица, видевшие мадам Блаватскую не более одного-двух раз в жизни. Конечно, я не приписываю своему свидетельству никакой научной ценности, когда речь идет о подтверждении того, производит ли мадам Блаватская феномены паранормального характера.

Имея дело с такой колоссальной проблемой, когда на карту поставлена достоверность фундаментальных положений современной физической науки, мы вправе опираться лишь на научные методы исследования. Какие бы эксперименты мы ни проводили, я неизменно старался исключить не только вероятность, но и возможность мошенничества; я также не позволил себе включить в общий итог своих заключений результаты тех экспериментов, при проведении которых не мог обеспечить надлежащих условий. Но мне представляется, что будет правильно предпринять робкую попытку загладить позорную обиду, нанесенную благородной и исключительно достойной женщине (если можно назвать просто обидой явное оскорбление и клевету). С этой целью я хочу отметить, что мы с моей супругой пришли к полной уверенности в том, что мадам Блаватская — дама абсолютно честная и порядочная по натуре, которая пожертвовала не только положением в обществе и богатством, но и

всяким стремлением к личному благосостоянию и любым формам комфорта. Она отеклась от этих благ сначала из-за страстного увлечения оккультными занятиями, а затем — ради той особой задачи, которую она возложила на себя в качестве посвященного, хотя и скромного члена великого оккультного братства, а именно — задачи руководства Теософическим Обществом.

Во время первого визита мадам Блаватской в наш дом мы имели возможность наблюдать, помимо постукиваний, еще один феномен. На несколько дней мы отправились с нашей гостьей в Бенарес, где поселились в доме, предоставленном нам махараджей Визьянаграма. Он представлял собою просторное, скудно обставленное и некомфортабельное по европейским меркам жилище. Как-то вечером, после ужина, мы сидели в центральной зале. Вдруг прямо между нами упали три или четыре цветка; это оказались срезанные розы. Именно таким образом подобные предметы иногда падают в темноте, царящей на спиритических сеансах. Но в данном случае в комнате горело несколько ламп и свечей. Потолок залы был сделан из цельных простых крашеных досок и балок, которые поддерживали плоскую цементную крышу здания. Феномен был столь неожиданным (насколько я понимаю, не менее неожиданным, чем для всех нас, он оказался и для мадам Блаватской, которая читала, сидя в кресле), что произвел на наши умы несколько меньший эффект, нежели это было бы в противном случае. Если бы за несколько секунд до этого феномена кто-нибудь объявил: "А теперь с потолка упадет несколько цветков", чтобы мы успели посмотреть вверх и увидеть, как цветы внезапно появляются прямо из воздуха у нас над головами, то такой из ряда вон выходящий случай произвел бы самое сильное впечатление. Но даже и в той форме, в какой осуществился этот феномен, он навсегда стал для его очевидцев одним из этапов на пути к тому, чтобы уверовать в реальность оккультных сил. Нельзя ожидать от людей, просто услышавших рассказ об этом явлении, что они сколько-нибудь серьезно поверят в него. Они, естественно, начнут задавать различные вопросы об устройстве комнаты, о том, кто жил в этом доме и так далее. И даже если дать на эти вопросы правдивые ответы, исключаящие любые гипотезы о том, что дождь из цветов мог оказаться каким-то мошенническим трюком, в глубине души у вопрошающего останутся вызывающие какую-то неловкость подозрения насчет того, действительно ли полными были полученные объяснения. Наверное, вряд ли вообще стоило бы перегружать повествование упоминанием об этом эпизоде, если бы это не давало мне повода отметить, что феномены, происходящие в присутствии мадам Блаватской, не обязательно бывают вызваны ею самой.

Сейчас, когда я перехожу к подробностям, связанным с более значительными тайнами оккультизма, я удручен тем, как труден переход к изложению сведений, которые, насколько мне известно, носят строго фактический характер, являясь фактами столь же безусловными, как, например, вокзал Черинг-Кросс. И все-таки я буду подводить к ним постепенно, чтобы не шокировать людей, которым абсолютно непривычен любой подход к физическим феноменам, кроме скольжения по проторенной интеллектуальной колее. Тем не менее верно, что "Брат" (как иногда фамильярно называют адептов оккультизма), который, возможно, поддавшись порыву, решил преподнести нам на вечеринке в Бенаресе описанный мною сюрприз, — этот "Брат" вполне мог находиться в Тибете, в Южной Индии или в любой другой точке земного шара и при этом осыпать нас розами с таким же успехом, как если бы он находился в одной комнате с нами. Я уже говорил, что адепт способен присутствовать "мысленно" (как сказали бы мы), или "в астральном теле" (как выразился бы оккультист) в любом отдаленном месте, переносясь туда по собственной воле в мгновение ока. Присутствуя там подобным образом, он может проявить в этом отдаленном месте некоторые психические силы, которыми он обладает, причем с той же полнотой, как и находясь в физическом теле там, где он действительно пребывает (в нашем понимании этих слов). Я не претендую на то, чтобы объяснить, каким образом адепт достигает того или иного результата, и не намекаю на то, что знаю это. Я лишь отмечаю тот достоверный факт, что в моем присутствии осуществлялись результаты различных оккультных действий, и объясняю читателям только то, что сумел выяснить сам. Но, так или иначе, мне давно стало ясно: где бы ни находилась мадам Блаватская и где бы ни находились Братья, последние могут вызвать там, где пребывает эта женщина, самые потрясающие феномены и действительно постоянно вызывают их, причем в осуществлении этих явлений госпожа Блаватская принимает либо очень мало участия, либо вообще никакого. В отношении любого феномена, происходящего в ее присутствии, необходимо помнить, что никогда нельзя сказать наверняка, в какой степени были задействованы ее собственные силы, в какой степени ей могли "помочь" извне и оказала ли она вообще какое-либо влияние на полученный результат. Точные объяснения в вопросах такого рода прямо противоречат правилам оккультизма, который, как нам неизменно следует помнить, отнюдь не пытается убедить мир в своем существовании. Это я пытаюсь своею книгою убедить мир в существовании оккультизма, а это уже совсем другое дело. Всякий, кто хочет знать, какова на самом деле истина, должен стать на

точку зрения, подобающую искателю истины. Он — не судья, которого оккультизм умоляет проявить доверие. Поэтому оспаривать сделанные нами наблюдения на том основании, что кто-либо хотел бы сделать наблюдения иного рода, нежели удалось нам, бесполезно. Вопрос заключается лишь в том, содержат ли наши наблюдения данные, на основе которых можно делать надежные выводы.

Следует рассмотреть еще одно соображение насчет характера тех наблюдений, которые я имел возможность делать до сих пор. Можно сказать, что это соображение относится вообще к любому поиску доказательств существования оккультной силы, производящей физические феномены, которые являлись бы чудесами, происходи они без ее участия. Я предчувствую, что многие люди станут утверждать (как ни глупо звучит это возражение), будто эксперименты, с которыми я имел дело, становятся менее убедительными по той причине, что им присуще определенное поверхностное сходство с трюками иллюзиониста. Конечно, причина этого кроется в том, что все иллюзионисты стремятся придать своим фокусам определенное поверхностное сходство с оккультными феноменами. Пусть каждый читатель, как бы он ни относился к этому вопросу в действительности, на минуту вообразит, что он счел разумным допущение о существовании некоего оккультного братства, которое владеет удивительной властью над силами Природы, — властью, неведомой остальному человечеству; что в этом братстве действуют правила, препятствующие проявлению необыкновенных способностей, но не налагающие на подобное проявление абсолютного запрета. Затем пусть читатель представит себе, что он предложил произвести ряд тестов, относительно мелких, но убедительных в научном плане; что он попросил провести эти тесты в доказательство существования упомянутых способностей или, по крайней мере, некоторых из них, и при этом вдруг выяснилось, что нельзя найти ни одного теста, который не отличался бы известным поверхностным сходством с трюком иллюзиониста. Но ведь отсюда совсем не следует, что в силу этого ценность данного теста должна непременно снизиться в глазах людей, которым доступны не только поверхностные, но и существенные характеристики эксперимента.

В действительности разница между любым из тех оккультных феноменов, к описанию которых я вскоре перейду, и трюком фокусника, имитирующим этот феномен, просто колоссальна, и обусловлена она тем, что обе эти вещи протекают в совершенно различных условиях. Иллюзионист выступает на своей собственной сцене или в специально подготовленной комнате. Самые замечательные феномены, которые я наблюдал в присутствии мадам Блаватской, происходили на открытом воздухе, в местах, выбранных наугад, в лесу или на холмах. Иллюзионисту помогают из-за кулис ассистенты; их столько, сколько нужно фокуснику. Когда мадам Блаватская приехала в Симлу, она никого там не знала; в течение всего визита она гостила в моем доме, находясь под моим личным наблюдением. Иллюзионисту платят за то, что ему удалось так или иначе обмануть наши чувства. Мадам Блаватская, как я уже объяснял, женщина с честным и порядочным характером, которая всегда с готовностью помогала своим друзьям (если они искренне хотели стать свидетелями феноменов) увидеть некоторые проявления тех способностей, ради обретения которых она (не помышляя о деньгах, в противоположность иллюзионистам) пожертвовала всем, чем мир обычно дорожит: общественным положением и прочими благами, которые были неизмеримо выше того, о чем может мечтать любой иллюзионист или мошенник. Упуская все это из виду, противники оккультной теории постоянно забывают об элементарных доводах здравого смысла, преследуя мадам Блаватскую оскорбительными подозрениями.

В первых числах сентября 1880 года мадам Блаватская приехала в Симлу, чтобы погостить у нас. В течение последующих полутора месяцев имели место различные феномены, которые стали тогда же предметом толков среди всех англичан, проживающих в Индии, и вызвали какое-то взволнованное, раздраженное отношение со стороны тех, кто горячо поддерживал предположение, будто эти явления — сплошной обман. Вскоре нам стало очевидно: независимо от того, что лежало в основе ограничений, которые связывали нашу гостью прошлой зимой в Аллахабаде, позволяя ей продемонстрировать лишь самую незначительную часть своих способностей, теперь эти ограничения стали менее строгими, чем прежде. Через некоторое время мы познакомились с феноменом, с которым ранее не сталкивались. Видоизменяя действие силы, при помощи которой она вызывает звук постукивания по разным предметам, мадам Блаватская может производить в воздухе серебристый звон колокольчика, не нуждаясь для этого вообще ни в каком твердом объекте. Порою это бывает перезвон или небольшая рулада трех или четырех колокольчиков, вызывающих разные ноты. Нам часто рассказывали об этих колокольчиках, но нам еще никогда не доводилось их слышать. Первый раз мы услышали эти звуки однажды вечером, после ужина, когда еще сидели за столом. Звон колокольчика раздавался в воздухе над нашими головами несколько раз подряд, а в одном случае вместо звучания одного-единственного колокольчика комнату огласили те самые перезвоны, о

которых я говорил. Впоследствии я слышал подобные звуки в самых разных местах — и на открытом воздухе, и в тех домах, в которые время от времени заглядывала мадам Блаватская.

Как и в случае с постукиваниями, приверженцы гипотезы о сознательном мошенничестве не смогли выдвинуть никакого объяснения звону колокольчика, которое не рухнуло бы после сравнения конкретных случаев и условий, при которых я слышал эти звуки. В действительности же теория о мошенничестве по отношению к колокольчикам опирается лишь на одно ограниченное предположение. Звук постукивания можно произвести множеством различных способов; следовательно, чтобы убедиться, что постукивание не было произведено обычными средствами, человек вправе попросить провести этот опыт много раз в варьирующихся условиях. Зато способы вызвать звон колокольчика в физическом плане весьма немногочисленны. Для этого вам понадобится либо колокольчик, либо подобный ему звенящий предмет. Но если вы сидите в хорошо освещенной комнате, внимательно наблюдая за происходящим, и перезвон раздается у вас над головой, где физически нет никакого колокольчика, который мог бы его производить, — какими предположениями можно тогда обосновать версию о мошенничестве? Может быть, звук доносится вообще не из этой комнаты, а из соседней, где их издает какой-нибудь ассистент или аппарат? Прежде всего, отметим, что ни один разумный человек, слышавший эти звуки, не станет выдвигать такого предположения, потому что сам их характер несовместим с подобной идеей. Они никогда не звучат громко (по крайней мере, я такого не слышал), но всегда бывают чистыми и на редкость отчетливыми. Если вы легонько ударите ножом по краю тонкого бокала для вина, получится звук такого рода, что вряд ли кто-нибудь поверит, что он донесся из соседней комнаты. Именно на звон бокала и похож таинственный звон колокольчика, только последний еще яснее и чище, без всякого дребезжащего призвука. Независимо от этого, мне, как я уже говорил, доводилось слышать такой звон и на открытом воздухе; он доносился в вечерней тишине прямо с неба. В комнатах он не всегда слышался над головой; иногда он возникал снизу, у самых ног собравшихся слушателей.

Однажды в доме одного из друзей, когда этот звон два-три раза раздался в гостиной, где мы обедали, один из присутствующих джентльменов поднялся и пошел в столовую, находившуюся за две комнаты от гостиной, чтобы взять небольшую чашку для ополаскивания пальцев и при помощи нее воспроизвести звук невидимого колокольчика (это обычная форма эксперимента). Находясь в столовой, где больше никого не было, этот джентльмен услышал, как рядом звенит колокольчик, хотя мадам Блаватская оставалась в гостиной. Этот пример убедительно опровергает теорию о том, что мадам Блаватская носила с собою какой-то аппарат, производящий звуки, — теорию, которая представляется совершенно абсурдной людям, часто слышавшим таинственный звон в самых разнообразных местах. Что же касается предположения об участии сообщников, то его опровергает тот факт, что я неоднократно слышал звон колокольчиков на улице, следуя рядом с джампаном мадам Блаватской, когда возле нас не было никого, кроме носильщиков.

Невидимые колокольчики — не просто забавный пример, иллюстрирующий свойства тех токов, которые приходят в действие, чтобы произвести звон. Этот феномен служит непосредственной практической цели — поддержанию "телеграфной связи" между оккультистами. Судя по всему, когда между подготовленными оккультистами установлена таинственная магнетическая связь, которая, чем бы она ни являлась, позволяет обмениваться мыслями, то эти люди могут производить звон невидимого колокольчика на любом расстоянии от себя, там, где находится собрат-посвященный, внимание которого они хотят привлечь. Вечером, когда мы все сидели дома в своем узком кругу и спокойно читали, я неоднократно слышал, как мадам Блаватскую вызывали подобным образом. Внезапно раздавался тихий звон колокольчиков, и мадам Блаватская вставала и уходила в свою комнату, чтобы предаться каким-то оккультным занятиям, которые и были причиной вызова. Прекрасный пример того, как некий собрат-посвященный может произвести такие звуки на расстоянии, мы наблюдали однажды вечером при следующих обстоятельствах.

У нас ужинала одна дама, гостившая в Симле у своих знакомых. Около одиннадцати часов мне принесли записку от хозяина дома, где она остановилась. Туда было вложено письмо, которое он просил передать мадам Блаватской, чтобы последняя оккультным способом переправила его определенному члену великого Братства, с которым состояли в переписке и я, и упомянутый джентльмен. (О том, каковы были обстоятельства этой переписки, я расскажу позднее). Нас всех очень интересовало, можно ли отправить это оккультное послание, причем мы хотели узнать это сразу же, до того, как гостя автора записки вернется в его дом: ведь тогда она могла бы передать ему ответ. Но мадам Блаватская заявила, что ее способностей недостаточно для такого подвига. В послании же задавался вопрос о том, сможет ли определенное лицо, один не вполне зрелый брат,

проживавший в окрестностях Симлы, оказать автору письма необходимую помощь. Мадам Блаватская сказала, что посмотрит, сумеет ли она "найти того человека", и, взяв послание, отправилась на веранду, куда мы все за нею и последовали. Опершись на балюстраду и созерцая широко простиравшуюся перед нами долину Симлы, мадам Блаватская несколько минут стояла в молчании, совершенно неподвижная, как и все мы; ночь уже давно наступила, и все обычные звуки умолкли, поэтому ничто не нарушало царившую вокруг тишину. Вдруг в воздухе перед нами прозвучала чистая нота невидимого колокольчика. "Все в порядке, — воскликнула мадам, — он получит послание!" И вскоре это письмо и вправду было передано надлежащим образом. Но о том, какой феномен был связан с его передачей, будет лучше рассказать в связи с иными примерами.

Я перехожу теперь к ряду эпизодов, которые выставляют оккультные силы в более поразительном свете, нежели любой из случаев, описанных мною выше. Для научного ума воспроизведение звуков при помощи силы, неизвестной обычной науке, должно быть не менее ясным доказательством существования этой силы, нежели более поразительные феномены, связанные с передачей на расстоянии твердых предметов оккультным путем. Звук достигает нашего слуха лишь благодаря колебанию воздуха; а ведь с точки зрения обычного сознания вызвать силою мысли даже самое слабое колебание воздуха столь же невозможно, как и выкорчевать дерево с корнями из земли. Тем не менее в сфере чувственно воспринимаемых явлений существуют разные степени чудесного, какою бы нелогичной ни была эта градация.

Первый эпизод из той разновидности, к которой я намерен сейчас перейти, не относится к феноменам, способным послужить безупречным доказательством в глазах стороннего наблюдателя. Я описываю этот случай в основном для тех читателей, которые уже осознали возможность подобных феноменов благодаря занятиям спиритизмом или опытам иного рода и которых больше интересуют не просто тесты и проверки, а эксперименты, бросающие свет на происхождение подобных явлений. Если бы этот эксперимент был организован немного лучше, он мог бы сыграть роль прекрасной научной проверки; но когда мадам Блаватская предоставлена в этих делах сама себе, она неизменно является наихудшим изобретателем тестов, какого только можно себе представить. Совершенно не понимая проявлений самоуверенного и недоверчивого темперамента, посвятив всю жизнь личному развитию в кругу азиатских мистиков и обладая скорее творческими, нежели критическими способностями, она никогда не могла встать на позиции наблюдателей-европейцев, высказывающих самые замысловатые подозрения при встрече с простейшей формой чудесного. Чудесное, причем в проявлениях настолько фантастических, что они почти ускользают от обыденного понимания, ежедневно питало ее жизнь на протяжении многих лет; легко понять, что в глазах этой женщины ревнивое недоверие, которым обычные люди встречают малейшие проявления оккультной силы, и их стремление найти хоть какую-нибудь лазейку для своих подозрений выглядят не менее глупыми и утомительными, чем лежачая личность — в глазах обывателя.

Однажды днем, в последних числах сентября, моя супруга направилась вместе с мадам Блаватской на вершину соседнего холма. Их сопровождала одна приятельница. В тот раз меня с ними не было. Находясь на вершине, мадам Блаватская шутливым тоном спросила мою супругу, каково ее заветное желание. Жена ответила наобум, экспромтом: "Получить послание от одного из Братьев". Мадам Блаватская вынула из кармана чистый кусок розовой бумаги, оторванный от записки, которую она получила в тот день. Сложив листок и засунув его внутрь небольшого компаса, она встала на гребень холма. Несколько мгновений подержав в руках компас, она вернулась и сообщила, что отправила листок Брату. Вскоре после этого, мысленно связавшись с далеким Братом оккультными методами, мадам Блаватская сказала, что он спрашивает, в каком именно месте моя супруга предпочтет получить предназначенное ей письмо. Сперва моя жена пожелала, чтобы письмо, порхая в воздухе, упало ей на колени; однако затем они принялись обсуждать, действительно ли это наилучший способ, и в конце концов пришли к решению, что моя супруга найдет послание на определенном дереве. Это, конечно, было ошибкой, которая открывает путь подозрениям категорически настроенных скептиков. Она наверняка даст почву предположениям, что у мадам Блаватской были свои причины настаивать на том, чтобы выбрать в качестве почтового ящика именно дерево. Я лишь считаю нужным повторить для читателей, которые поддержат это подозрение, ознакомившись со всей предысторией, что привожу здесь данный случай не в качестве доказательства чего-либо, а просто как безызыскный эпизод.

Видимо, сначала мадам Блаватская неверно описала то дерево, на которое указал далекий Брат; не без труда вскарабкавшись на нижнюю ветку голого ствола, лишенного листьев, моя супруга так ничего и не нашла. После этого мадам снова вступила в контакт с Братом и поняла свою ошибку. Другое

дерево стояло чуть подальше; к нему не стали приближаться ни мадам, ни ее вторая спутница. Моя супруга взобралась на это дерево и, оказавшись на высоте нескольких футов над землей, внимательно осмотрела ветки. Сначала она ничего не обнаружила, но затем, не меняя положения тела, повернула голову и увидела на тоненькой веточке, где еще секунду назад не было ничего, кроме листьев, маленькую записку на розовой бумаге. Записка была наколота на черенок листа, сорванного совсем недавно, потому что черенок этот был еще зеленым и влажным; ведь если бы лист сорвали загодя, черенок, как можно догадаться, имел бы увядший вид. В послании содержались следующие слова: "Меня попросили оставить здесь записку для вас. Чем я могу быть вам полезен?" Внизу стояла подпись — несколько букв тибетского алфавита. Судя по всему, письмо было написано на том самом листке розовой бумаги, который мадам Блаватская вынула из кармана незадолго до этого — только тогда листок был еще чист.

Как же удалось сначала переправить этот листок Брату, который написал на нем свое краткое послание, а затем вернуть его обратно, на вершину холма? О том таинственном способе, которым записка попала на дерево, я даже не говорю. Какие бы предположения я сам ни выдвигал на этот счет, подробно излагать их будет преждевременно, пока я как следует не изучил наблюдаемые факты. Бесполезно дискутировать об устройстве плавников летучей рыбы с людьми, которые вообще не верят в существование летучих рыб и отказываются признавать какие-либо феномены, кроме чудес, признанных ортодоксальной церковью.

Теперь я перейду к рассказу о происшествиях одного чрезвычайно замечательного дня. Необходимо отметить, что накануне мы предприняли небольшую экспедицию, которая обернулась *сюр танке**, хотя впоследствии у нас были все основания предполагать, что если бы не несколько досадных просчетов, она могла бы привести к весьма интересным результатам. Мы сбились с пути, направляясь в некое место, которое мадам Блаватской неточно описали (а может быть, она и сама неточно поняла описанное). Указанное описание она получила в ходе оккультной беседы с одним из Братьев, находившимся в тот момент проездом в Симле. Если бы мы двигались правильным маршрутом, то получили бы счастливую возможность встретиться с этим Братом, поскольку он остановился на одну ночь в каком-то старом тибетском храме или гостинице для путешественников. Такие заведения попадаются в Гималаях, и лишь глухое безразличие английских обывателей виною тому, что последние не придают подобным местам особого значения и вообще не проявляют к ним никакого интереса. Мадам Блаватская совершенно не знала Симлы; уже то, как она описала место, куда хотела нас отвести, наводило на мысль, что она имела в виду совершенно иной пункт назначения. Мы тронулись в путь, и долгое время мадам утверждала, что мы движемся в верном направлении, поскольку она чувствует определенные токи.

Впоследствии выяснилось, что значительная часть дороги, по которой мы шли, совпадала с правильным маршрутом, но, слегка отклонившись от него в одном месте, мы попали на переплетение троп, которые вели по холмам в совершенно неверную сторону. В итоге мадам полностью потеряла ориентацию, и мы попытались вернуться в то место, где сбились с дороги. Мы обсуждали топографию Симлы, которую хорошо знали, стараясь догадаться, где находится то место, куда нас пыталась привести мадам Блаватская, но наши усилия были тщетны. На склоне одного холма мадам Блаватская заявила, что вновь ощущает исчезнувшие были токи, и мы решительно двинулись вниз. Однако оккультные токи могут проходить и в таких местах, где путешественники пройти не в состоянии; когда мы попробовали одолеть этот спуск, я уже понимал, что наше дело обречено. Через некоторое время экспедицию пришлось прервать, и мы в расстроенных чувствах вернулись домой.

Возможно, читатель спросит: "Почему же этот всеведущий Брат не почувствовал, что мадам Блаватская заблудилась, и вовремя не указал вам правильное направление?" Я предвижу этот вопрос, так как знаю по опыту, что людям, не привыкшим заниматься подобными предметами, трудно понять отношение Братьев к исследователям вроде нас. Например, в нашем случае никоим образом нельзя было сказать, что Брат, о котором идет речь, с нетерпением ждет нас, горя желанием доказать факт собственного существования ареопагу высокоумных англичан. Нам так мало дано узнать о повседневной жизни адепта оккультизма, что мы, непосвященные, можем сказать лишь очень немного о его подлинных интересах; однако в наших силах выяснить, по крайней мере, то, что интересы, постоянно занимающие его внимание, связаны с его непосредственной работой, к которой никоим образом не относится удовлетворение любопытства людей, увлекающихся оккультизмом, но не проходящих систематического оккультного обучения.

Напротив, адепту даже возбраняются любые уступки подобному любопытству, кроме как в самых исключительных обстоятельствах. В нашем же случае события, вероятно, развивались следующим

образом. Мадам Блаватская, очевидно, ощутила своими оккультными "щупальцами", что поблизости оказался один из ее выдающихся друзей. Страстно желая порадовать нас, она немедленно поинтересовалась, можно ли привести нас к нему. Наверное, он отреагировал на ее просьбу примерно так же, как королевский астроном* отнесся бы к вопросу друга, можно ли привести в обсерваторию группу леди, которым хочется посмотреть на звезды в телескоп. Тем не менее желая доставить удовольствие мадам Блаватской, своему неоперившемуся собрату по оккультизму, адепт, вероятно, сказал: "Прекрасно, приводите их, если вам угодно; я буду в таком-то месте". Затем он вернулся к работе и вспомнил о нашем несостоявшемся визите лишь тогда, когда было уже поздно. Только после этого адепт, надо думать, направил свое оккультное восприятие на обстоятельства произошедшего.

Однако как бы это ни происходило в действительности, экспедиция, первоначально запланированная нами, провалилась. На следующий день мы снова собрались на пикник; мы не столько рассчитывали увидеть Брата, сколько действовали просто из принципа, в надежде, вдруг что-нибудь да произойдет. На сей раз мы двигались в другом направлении, которое теперь, когда вчерашний маршрут оказался неверным, представлялось нам правильной дорогой к месту, описанному Братом.

Утром в назначенное время мы пустились в путь. Сначала мы предполагали отправиться вшестером, но прямо перед выходом к нам присоединился седьмой человек. Мы несколько часов спускались по холму, а затем присмотрели для завтрака местечко в лесу, в том месте, откуда низвергался водопад. Корзины с едой были еще не распакованы; слуги разожгли чуть поодаль костер, как обычно делают на пикниках в Индии, и занялись приготовлением чая и кофе. Мы принялись шутить над тем, что из-за появления седьмого участника у нас на пикнике не хватает чашки и блюдца, и кто-то со смехом попросил мадам Блаватскую сотворить упомянутые предметы. Шутливое предложение было сделано безо всякого умысла, однако когда мадам Блаватская заявила, что это очень трудно, но она все же попробует, это сразу привлекло всеобщее внимание. Как обычно, мадам провела телепатическую беседу с одним из Братьев, а потом немного походила неподалеку от того места, где мы сидели, прогуливаясь в радиусе пяти-десяти ярдов вокруг скатерти, расстеленной для пикника. Я внимательно следил за нею, ожидая, что же произойдет. Потом мадам Блаватская отметила на земле какое-то место и попросила одного джентльмена из нашей компании принести нож, чтобы было чем копать. Выбранное ею место находилось на гребне покатого склона, густо поросшего травами, сорняками и кустистым подлеском. Джентльмен с ножом (назовем его X., поскольку в дальнейшем я еще буду о нем упоминать) первым делом принялся вырывать из земли растительность; это стоило ему большого труда, потому что кусты были жесткими и корни их тесно переплелись. Разрезая ножом землю и спутанные корни и извлекая debris* руками, он наткнулся на край какого-то белого предмета, который, когда его полностью выкопали, и оказался пресловутой чашкой. Немного погодя, чуть больше углубившись в землю, джентльмен обнаружил там и блюдце, которое подходило к чашке. Оба эти предмета поставили на землю, покрытую разбросанными корнями, так что казалось, будто корни растут прямо вокруг них. И формой своей, и рисунком эти чашка и блюдце ничем не отличались от тех, которые мы принесли с собою на пикник, и, оказавшись на скатерти, составили седьмую чайную пару. Сразу хочу добавить, что, когда мы пришли домой, моя супруга сразу же спросила нашего главного кхитмутгара, сколько у нас чашек и блюдец в этом самом сервизе. Поскольку сервиз был старым, несколько предметов из него уже успели разбиться, но слуга немедленно ответил, что чайных чашек осталось девять. Когда мы их собрали и пересчитали, оказалось, что их действительно девять, если не считать ту чашку, которую мы выкопали из земли. Вместе с нею их стало десять. Этот сервиз отличался довольно своеобразным рисунком и был куплен в Лондоне много лет назад, так что подобрать к нему чашку того же образца, находясь в Симле, было практически невозможно.

Конечно, сама мысль о том, что человек может создавать материальные объекты, пользуясь для этого лишь психической энергией, вызовет реакцию отторжения у тех, кому полностью чужда эта тема. Подобная идея не станет более приемлемой для этих людей, даже если сказать им, что чашка с блюдцем, о которых идет речь, были не сотворены, а возникли скорее как "дубликаты" уже существующих предметов. "Дублирование" объектов представляется просто особой разновидностью их сотворения — сотворением по готовому образцу. Так или иначе, но все события этого утра происходили именно так, как я их изложил. Я постарался строжайшим образом следовать правде, описывая каждую мелочь во всех подробностях. Если этот феномен был не тем, чем нам казался, то есть не чудеснейшей демонстрацией силы, о которой современная наука пока не имеет ни малейшего представления, — значит, он являлся тщательно продуманным мошенничеством. Но даже если оставить в стороне тот факт, что участие мадам Блаватской в подобном обмане представляется совершенно невероятным с нравственной точки зрения, данная гипотеза выглядит весьма шаткой. Ни

один человек нормальных умственных способностей, который ознакомится с изложенными фактами или просто доверяет моему свидетельству, не может рассматривать эту версию как окончательное решение проблемы. Нет никаких сомнений в том, что чашку и блюдце выкопали из земли именно так, как я описал. Если они оказались там не с помощью оккультной силы, значит, их заранее закопали в этом месте. Но я уже описывал состояние почвы, откуда их извлекли; судя по характеру растительности, эта земля много лет оставалась нетронутой. Можно, конечно, настаивать на том, что с другого участка холма к данному месту заблаговременно прорыли тоннель, по которому и протолкнули чашку с блюдцем. Однако это предположение едва ли оправдано с физической точки зрения. Если выкопать тоннель того размера, который требуется для подобной цели, на земле наверняка останутся следы работ — однако никаких следов не было видно. Мы не нашли их даже после того, как специально осмотрели землю вскоре после феномена.

Но истина состоит в том, что теория о предварительном "захоронении" не выдерживает никакой критики, поскольку невозможно было предвидеть, что из бесчисленного множества вещей, о которых можно попросить, мадам Блаватской придется сотворить именно чашку и блюдце. Эта просьба была обусловлена конкретными, сиюминутными обстоятельствами. Если бы в последний момент к нам не присоединился еще один человек, то нам хватило бы тех чашек с блюдцами, которые упаковали слуги, и на посуду вообще никто не обратил бы особого внимания. Ее выбирали слуги; они с легкостью могли взять вместо данных чашек какие-то другие, и никто из гостей не знал об их выборе заранее. Если бы чашку и блюдце действительно зарыли в землю с целью обмана, мошенникам в процессе подготовки пришлось бы также заставить нас выбрать для пикника именно то место, которое мы выбрали; но конкретное место, куда поставили джампаны наших дам, выбирал я сам, вместе с джентльменом, которого мы условились называть "Х.", причем место это находилось в нескольких ярдах от точки, где потом обнаружили чашку. Если оставить в стороне прочие несообразности, которыми блистает версия о мошенничестве, возникает вопрос: кем могли быть люди, которые закопали в землю чашку и блюдце, и когда именно они осуществили эту операцию? Мадам Блаватская безвыходно находилась в нашем доме с вечера накануне, когда мы договорились отправиться на пикник, и до момента, когда мы двинулись в путь. Единственный слуга, которого она привезла с собою (парнишка из Бомбея, абсолютно не знающий Симлу), постоянно был где-то в доме с предыдущего вечера до утреннего пробуждения домочадцев. Случилось так, что в середине ночи он говорил с моим собственным посыльным, когда мне не давала спать дверь, ведущая на чердак. Ее забыли закрыть, и она хлопала на ветру; я позвал слуг и велел ее запереть. Шум разбудил мадам Блаватскую, и она послала своего слугу, который всегда спал поблизости, чтобы узнать, в чем дело. Полковник Олькотт, президент Теософического Общества, в это время также гостил у нас. Он тоже провел с нами весь вечер с того момента, как мы вернулись из своей неудавшейся экспедиции, и присутствовал при нашем отправлении на пикник. Предположение, что он потратил ночь, чтобы пройти четыре или пять миль вниз по неудобному кхуду и по лесу, где трудно найти тропинку, задавшись целью закопать чашку и блюдце, которые могли и не совпасть по виду с посудой, взятой на пикник, и даже не имея никакой гарантии, что мы направимся именно в это место, а не в другое, — словом, при ничтожной вероятности того, что все его ухищрения действительно помогут осуществить предполагаемое мошенничество, такое предположение представляется мне слишком экстравагантным. Есть еще одно соображение: к конечной цели нашего путешествия ведут две дороги, проходящие через противоположные концы верхнего полукружья холмов, на которых стоит Симла. Мы были вольны выбрать любой из двух путей, и я могу заверить, что ни мадам Блаватская, ни полковник Олькотт не принимали в этом выборе никакого участия. Если бы мы пошли по другой дороге, то ни в коем случае не попали бы в то место, где расположились на завтрак.

С какой стороны ни рассматривай предположение о том, что описанный мною феномен был мошенничеством, такая версия все равно противоречит здравому смыслу. Но это еще не все: по мере развития моего повествования, когда только что изложенный эпизод можно будет сравнить со случаями, произошедшими позднее, подозрение в мошенничестве будет выглядеть все более и более нелепым. Но я еще не закончил рассказ о событиях того утра, когда мы выкопали из земли чашку.

Джентльмен, названный мною Х., много общался с нами в течение одной-двух недель, которые пролетели со дня приезда мадам Блаватской. На него, как и на многих наших друзей, произвели сильное впечатление феномены, происходившие в ее присутствии. Этот джентльмен со всею определенностью пришел к выводу, что Теософическое Общество, предмет забот мадам Блаватской, оказывает положительное влияние на коренных индийцев. Это мнение он не раз высказывал мне с самым горячим чувством. Х. также заявлял о своем намерении последовать моему примеру и вступить в Общество. Когда мы обнаружили в земле чашку с блюдцем, это произвело сильнейшее

впечатление на большинство присутствующих, в том числе и на Х.; во время последующей беседы нам пришла мысль, что Х. может прямо сейчас официально стать членом Общества. Насколько я помню, автором этой идеи был именно я; но я бы не стал ее выдвигать и развивать, если бы Х. не принял самостоятельного и, насколько я понял, хладнокровного решения вступить в Общество. Кроме того, этот шаг не подразумевает решительно никаких обязательств, а просто служит выражением симпатии к обретению оккультных знаний и общего согласия с главным филантропическим учением, проповедующим братские чувства по отношению ко всему человечеству, независимо от национальности, расы и вероисповедания. Об этом необходимо упомянуть, принимая во внимание те мелкие досадные неприятности, которые произошли чуть позже.

Х. был вполне готов принять предложение о том, чтобы прямо на месте официально вступить в члены Общества. Но для этого ему должны были вручить определенные документы: официальный диплом, который новые члены получали после того, как им сообщали масонские опознавательные знаки, принятые в Обществе. Но где нам было взять диплом? Разумеется, для собравшихся возникшая трудность была еще одной удачной возможностью испытать способности мадам. Сможет ли она раздобыть диплом при помощи "магии"? После телепатической беседы с одним из Братьев, который интересовался, как у нас идут дела, мадам сообщила нам, что диплом вот-вот будет доставлен. Она описала и его внешний вид: бумажный свиток, обмотанный чрезвычайно длинным шнуром и обернутый листьями ползучего растения. Нам предстояло найти его в лесу, где мы находились, причем искать свиток мог каждый, но найти его мог лишь человек, которому предназначался диплом, то есть сам Х. Так и случилось. Мы обыскали все вокруг, и деревья, и подлесок, заглядывали всюду, куда подсказывало любопытство, но нашел свиток именно Х., причем диплом выглядел в точности так, как его описала мадам Блаватская.

К тому времени мы уже закончили завтрак. Полковник Олькотт провел формальное "посвящение" Х. в члены Общества. Некоторое время спустя мы передвинули свой бивуак несколько ниже в лес, туда, где стоял маленький тибетский храм, он же — гостиница для путешественников, где, по словам мадам Блаватской, прошлую ночь останавливался Брат, проезжавший через Симлу. Мы развлекались, рассматривая маленькое здание снаружи и изнутри и "купаясь в волнах позитивного магнетизма", как выразилась мадам Блаватская. Потом мы улеглись на траве рядом с храмом, и кому-то из нас пришло в голову, что было бы неплохо еще раз выпить кофе. Слугам отдали соответствующее распоряжение, но оказалось, что у нас кончился запас воды. Вода из рек и ручьев в окрестностях Симлы не годится для подобных целей, и на пикник всегда приходится брать с собою чистую профильтрованную воду. Все бутылки для воды, которые лежали в наших корзинах, были уже пусты. Слуги подкрепили сообщение об этом наглядной демонстрацией пустых бутылок. Нам оставалось только одно: послать кого-нибудь на пивоваренный завод — самое близкое к нам здание, находившееся всего в одной миле от места нашей стоянки, и попросить воды. Я написал карандашом записку, и один из кули отправился в путь, прихватив с собою пустые бутылки. Время шло, и кули вскоре вернулся, но, к нашему величайшему возмущению, без воды. В тот день на заводе не было ни одного европейца (пикник происходил в воскресенье), отдать записку было некому, а кули оказался настолько глуп, что потащился назад с пустыми бутылками под мышкой, вместо того, чтобы как следует расспросить людей на заводе и найти человека, кто мог бы снабдить его водой.

Тут наша компания слегка поредела: Х. и еще один джентльмен пошли прогуляться. Никто из участников пикника, оставшихся на месте, не ожидал новых феноменов, когда мадам Блаватская внезапно встала, подошла к корзинам, стоявшим в десяти или двадцати ярдах от нас, извлекла оттуда бутылку (полагаю, это была одна из пустых бутылок, которые принес назад кули) и вернулась к нам, пряча ее между складками платья. Когда мадам, смеясь, продемонстрировала нам бутылку, оказалось, что та полна воды. Совсем как фокус иллюзиониста, скажете вы? Да, совсем — если не считать условий, в которых все происходило. Чтобы фокус получился, иллюзионист должен заранее знать, что ему предстоит делать. В нашем же случае предсказать нехватку воды было столь же невозможно, как и предвидеть, что нам неожиданно понадобятся дополнительные чашка и блюдо. Тот факт, что на пивоваренном заводе не оказалось никого из европейцев, а также то, что кули, посланный за водой, проявил тупость, необычную даже для кули, и вернулся ни с чем только потому, что не нашел ни одного европейца, которому мог бы передать мою записку, — оба эти обстоятельства были чистой случайностью. Между тем без них у нас не возникло бы необходимости добывать воду оккультным способом. Кроме того, оба эти момента стали возможны лишь в результате другой, основополагающей и крайне маловероятной случайности, заключавшейся в том, что слуги отпустили нас на пикник, не снабдив необходимыми припасами. У меня не укладывается в голове, что кто-нибудь из присутствовавших на пикнике мог предположить, будто какая-то бутылка с водой осталась

незамеченной на дне корзины; ведь слуг уже выбрали за то, что они не взяли достаточно воды; перед этим они полностью опустошили все корзины, потому что мы не могли смириться со своим положением, пока не убедились, что воды действительно больше нет. Более того: попробовав воду, "сотворенную" мадам Блаватской, я убедился, что она не походит по вкусу на ту, которая выходила из наших собственных фильтров. У нее был какой-то земляной привкус, не свойственный воде, которую подают в современную Симлу; но вода мадам Блаватской столь же сильно, хотя и по-иному, отличалась от отвратительной грязной воды из единственной реки, которая протекает в том лесу.

Как же появилась эта загадочная вода? В подобных случаях ответ на такой вопрос представляет собою великую тайну, которую я способен раскрыть лишь в самых общих чертах; однако невозможность понять, как адепты манипулируют материей, — это одно, а невозможность отрицать, что они действительно манипулируют ею при помощи метода, который Запад по своему невежеству именуется сверхъестественным, — это совсем другое. Это реальный факт, независимо от того, можем мы его объяснить или нет. Грубое народное присловье, гласящее, что "коровью ляжку не оспоришь", несет в себе здравую мысль, которую наши осторожные скептики слишком часто упускают из виду, рассматривая вопросы вроде тех, которыми я сейчас занимаюсь. Нельзя опровергнуть существование факта, просто утверждая, что, по вашему мнению, он должен был бы быть иным, а не таким, каким он является на деле. Еще сложнее будет отмахнуться от множества фактов, приведенных мною здесь, выдвигая с этой целью ряд нелепых и противоречивых гипотез. Наши непреклонные оппоненты частенько не замечают, что скептицизм, который до определенного момента свидетельствует об остроте ума, становится признаком интеллектуальной ущербности, если цепляться за него перед лицом надежных и несомненных доказательств.

Я помню, как вскоре после изобретения фонографа чиновник по делам науки, состоявший на службе британского правительства в Индии, прислал мне статью, написанную по поводу первых сообщений об этом аппарате. Там он доказывал, что эта новость — не что иное, как мошенничество, поскольку описанное устройство невозможно с научной точки зрения. Рассчитав частоту вибраций, необходимую для воспроизведения звуков, этот господин весьма убедительно доказал, что результат, которого добились изобретатели фонографа, принципиально недостижим. Но когда фонографы в должное время завезли в Индию, этот ученый оставил свои прежние заявления, что подобное невозможно и что в каждом фонографе сидит по человеку, хотя снаружи этого незаметно. Последнее — это позиция самодовольных личностей, которые решают проблему, связанную с происхождением оккультных и духовных феноменов, просто отрицая существование оных, хотя о нем на собственном опыте свидетельствуют тысячи людей и целые полки книг, которых твердолобые скептики не читают.

Здесь я должен добавить, что Х. впоследствии изменил свое мнение насчет того, насколько удовлетворителен был феномен с чашкой и блюдцем. Он заявил, что, по его мнению, версия о канале, прорытом снизу, от реки, по которому могли подбросить эти предметы, обесценивает данное явление в качестве научного доказательства. Я уже обсуждал эту версию, и констатация того факта, что Х. перешел на другую точку зрения, никоим образом не затрагивает изложенных мною обстоятельств. Я упомянул здесь о перемене его мнения лишь для того, чтобы читатели, которые, возможно, слышали или читали где-то в другом месте о феномене, произошедшем в Симле, не подумали, будто я стараюсь скрыть от них, что мнение Х. изменилось. И в самом деле, убежденность в реальном существовании оккультных сил, которую я обрел в конце концов, является совокупным результатом всего накопленного мною опыта, так что я затрудняюсь точно определить, какой именно вклад внес в эту уверенность каждый конкретный феномен, который мне довелось наблюдать.

Вечером того же дня, когда произошел феномен с чашкой, имел место случай, которому суждено было стать предметом необычайно широких дискуссий во всей англоязычной прессе Индии. Я говорю о знаменитом "случае с брошью". Все факты были затем изложены в небольшом заявлении, подготовленном для публикации и подписанном девятью очевидцами. Я непосредственно ознакомлю читателя с этим заявлением; но комментарии, которых оно удостоилось впоследствии, доказали, что текст его был слишком лаконичным, чтобы дать полное и точное представление о произошедшем. Поэтому я опишу здесь ход событий более подробно. При этом я могу достаточно свободно называть имена участников, потому что все они были приведены в приложении к опубликованному документу.

Мы, то есть моя супруга, я сам и наши гости, поднялись на холм, чтобы пообедать с мистером и миссис Хьюм, которые нас пригласили. Нас было одиннадцать человек; мы разместились за круглым столом, причем мадам Блаватская, сидевшая рядом с хозяином, была усталой, подавленной и необыкновенно молчаливой. В начале обеда она не произнесла почти ни единого слова, и мистер Хьюм беседовал в основном с леди, которая сидела по другую руку от него. В Индии принято во

время обеда ставить на стол перед каждым гостем особый металлический нагреватель, наполненный горячей водой. Поданная тарелка с кушаньем находится на нем, пока ее не унесут. В тот вечер мы тоже пользовались этими приспособлениями, и между переменах блюд мадам Блаватская с отсутствующим видом грела над своим нагревателем руки. Прежде мы замечали, что постукивания и звон незримого колокольчика получаются у мадам Блаватской легче, а производимый ими эффект бывает лучше, если она предварительно согреет руки подобным образом; поэтому кто-то из присутствующих, видя, как она это делает, задал ей какой-то вопрос, косвенно намекающий на оккультные феномены. В тот вечер я не ожидал никаких оккультных явлений, да и мадам Блаватская была в равной степени далека от намерения совершать их и совсем не ждала, что их осуществит кто-либо из Братьев. Поэтому когда ее спросили, почему она согревает руки, она в шутку велела нам самим согреть руки и посмотреть, что из этого получится. Перебрасываясь шутивными фразами, некоторые из присутствующих действительно так и сделали. После этого миссис Хьюм всех рассмешила, вытянув свои руки со словами: "Ну вот, я их согрела, а что теперь?" Как я уже говорил, мадам Блаватская была совсем не настроена на оккультные подвиги; но, как мне удалось выяснить впоследствии, в тот самый момент или чуть раньше она при помощи неведомых большинству человечества оккультных способностей ощутила, что в комнате "в астральном теле", невидимо для всех остальных, присутствует один из Братьев. Дальше мадам Блаватская действовала, следуя его указаниям; разумеется, в это время никто из нас не подозревал, что она получает какой-то импульс извне. Внешне дальнейшие события выглядели следующим образом: когда миссис Хьюм произнесла приведенную мною фразу и все рассмеялись в ответ, мадам Блаватская через соседа дотянулась до миссис Хьюм и, взяв ее за руку, спросила: "Ну что ж, может быть, у вас есть какое-то особое желание?" — или, как говорят юристы, "имеете ли вы что сказать по этому поводу?" Я не могу точно повторить произнесенные тогда фразы и воспроизвести то, что ответила миссис Хьюм в первый момент, пока до конца не оценила ситуацию; но все проявилось буквально за несколько минут. Некоторые из гостей, которые первыми разобрались в том, что происходит, стали ей объяснять: "Подумайте о чем-нибудь, что вам хотелось бы получить; это может быть все, что угодно, в том числе любая вещь, которую вы стремитесь приобрести по чисто житейским соображениям. Может быть, есть какой-то предмет, который, как вам кажется, очень трудно достать?" Только такие предложения и раздавались в короткий промежуток времени, который прошел между сообщением миссис Хьюм о том, что она отогрела руки, и моментом, когда она назвала избранный ею предмет. Она сказала, что поняла, какая вещь ей нужна. И что же это было? Старая брошь, которую ей когда-то давно подарила мать и которую миссис Хьюм потеряла.

Разумеется, когда речь впоследствии заходила о броши, которую, как выяснится из заключительной части этой истории, в итоге удалось вернуть оккультными средствами, то люди говорили: "Ну конечно, мадам Блаватская нарочно подвела разговор к той конкретной вещи, которую заранее приготовилась сотворить". Но я описал все, что говорилось за столом на тему предстоящего феномена, прежде чем миссис Хьюм упомянула про брошь. Перед этим речь не шла не только о самой броши, но и вообще ни о чем похожем. Еще пять минут назад никто из присутствующих, разумеется, и понятия не имел о том, что им предстоит стать свидетелями феномена, связанного с возвращением пропавшей вещи или чего-то в этом духе. А когда миссис Хьюм задумалась над тем, что бы ей попросить, она ни словом не обмолвилась о том, в каком направлении устремились ее мысли.

Начиная с этого момента в опубликованном нами отчете события излагаются практически настолько полно, насколько необходимо — во всяком случае, настолько просто, что читатель сможет легко усвоить все факты. Поэтому я воспроизведу здесь этот отчет в полном объеме.

"В воскресенье, третьего октября, в доме мистера Хьюма, расположенном в Симле, состоялся обед, на котором присутствовали мистер и миссис Хьюм, мистер и миссис Синнетт, миссис Гордон, мистер Ф.Хогг, капитан П.Дж.Мэйтленд, мистер Битсон, мистер Дэвидсон, полковник Олькотт и мадам Блаватская. Поскольку многие из этих лиц совсем недавно были свидетелями необычайных явлений, которые происходили в присутствии мадам Блаватской, то разговор зашел об оккультных феноменах. В ходе беседы мадам Блаватская спросила у миссис Хьюм, нет ли у нее какого-либо особого желания. Сначала миссис Хьюм колебалась, но вскоре сказала, что ей больше всего хотелось бы получить одно небольшое ювелирное изделие, ранее принадлежавшее ей; впоследствии она передала эту вещицу другому человеку и по его вине лишилась украшения. Тогда мадам Блаватская сказала, что если миссис Хьюм сконцентрируется на образе предмета, о котором идет речь, то она, мадам Блаватская, постарается доставить ей эту вещь. Миссис Хьюм сказала, что ей живо припоминается это украшение; она описала его как старомодную нагрудную брошь, обрамленную по краям жемчугом, со стеклянной вставкой спереди. Сзади брошь открывалась, так что в ней можно было хранить прясть

волос.

По просьбе мадам Блаватской, миссис Хьюм бегло нарисовала на бумаге приблизительное изображение броши. Затем мадам Блаватская взяла монетку, висевшую на цепочке ее часов, завернула ее в два листка папиросной бумаги и спрятала в платье. После этого она заявила, что надеется, что брошь будет у нее в течение вечера. Когда обед уже подходил к концу, мадам Блаватская сказала миссис Хьюм, что монетка, обернутая бумагой, исчезла, а чуть позже, в гостиной, добавила, что брошь не будет доставлена в дом и что ее нужно искать в саду. Когда все общество перешло в сад вместе с мадам Блаватской, последняя сообщила, что увидела оккультным зрением, как брошь упала в цветочную клумбу, имеющую форму звезды. Мистер Хьюм повел нас к указанной клумбе, которая находилась в дальней части сада. Вооружившись фонарями, мы предприняли долгие и тщательные поиски, и, наконец, миссис Синнетт нашла маленький пакетик, состоявший из двух листков папиросной бумаги. Его немедленно развернули и обнаружили в нем брошь, которая в точности соответствовала описанию и в которой миссис Хьюм опознала некогда потерянное украшение. Никто из присутствовавших, исключая мистера и миссис Хьюм, никогда не видел этой броши и не слышал о ней. Мистер Хьюм не вспоминал о ней уже много лет. Миссис Хьюм никогда ни с кем не заговаривала о броши с тех пор, как с нею рассталась, и даже не думала о ней. Как заявила после обнаружения броши сама миссис Хьюм, воспоминание об этом украшении, подарке ее матери, промелькнуло в ее сознании только после того, как мадам спросила ее, не желает ли она получить какую-нибудь вещь.

Миссис Хьюм — не спиритуалистка и до этого случая вообще не верила ни в оккультные явления, ни в способности мадам Блаватской. Все очевидцы убеждены, что этот феномен совершенно безупречен по своим характеристикам и служит доказательством того, что оккультные явления действительно возможны. Найденная брошь — бесспорно, та самая, которую когда-то потеряла миссис Хьюм. Даже если предположить практически невозможное, а именно — что вещь, потерянная за несколько месяцев до того, как миссис Хьюм впервые услышала о мадам Блаватской, вещь, на которой не было ни инициалов, ни других признаков, позволяющих определить его владелицу, досталась мадам Блаватской обычным путем, то даже и в этом случае мадам не могла предвидеть, что ее попросят именно о броши; сама же миссис Хьюм много месяцев подряд ни разу не вспоминала об этой вещи.

Данный отчет, предварительно зачитанный всей группе, подписали:

А. О. Хьюм

М. А. Хьюм

Ф. Р. Хогг

А. П. Синнетт

Элис Гордон

П. Дж. Мэйтленд

У. Дэвидсон

Пейшенс Синнетт

Стюарт Битсон".

Нечего и говорить, что после публикации отчета на девятерых вышеназванных очевидцев обрушилась лавина насмешек; впрочем, издевки несколько не поколебали уверенности этих людей в том, что изложенный в статье случай является вполне убедительным доказательством реального существования оккультных сил, — уверенности, о которой свидетельствовали их подписи. Потoki критики, более или менее идиотской, имели целью показать, что все это происшествие наверняка было мошенническим трюком. Для многих жителей Индии наиболее авторитетным, несомненно, является следующее объяснение. Миссис Хьюм постепенно и весьма искусно готовили к тому, чтобы она попросила доставить ей именно это конкретное украшение, — готовили при помощи долгой предварительной беседы о демонстрации феномена, ради которого мадам Блаватская и пришла в ее дом. Другое авторитетное мнение, которого придерживается часть общественности в Индии, заключается в том, что брошь, которую миссис Хьюм подарила своей дочери, эта молодая леди вовсе не потеряла, а передала самой мадам Блаватской год назад, по дороге в Англию, проезжая через Бомбей, где в то время жила мадам. Самодовольные авторы этой гипотезы совершенно не пытаются разобраться в заявлении молодой леди, где она утверждает, что потеряла брошь еще до того, как

поехала в Бомбей, и вообще до того, как впервые увидела мадам Блаватскую. При этом люди, считающие сам факт того, что брошь некогда принадлежала дочери миссис Хьюм и что эта молодая леди однажды виделась с мадам Блаватской в Бомбее, достаточно "подозрительным", чтобы уничтожить впечатление от случая с брошью в том виде, в каком он был описан выше, — эти люди, как я понял, даже не пытаются проследить последовательную цепь событий и сопоставить свои подозрения с реальными обстоятельствами, при которых миссис Хьюм вновь обрела свою брошь. Как ни организовывай условия для демонстрации оккультных сил, как ни старайся устранить любую возможность мошенничества, это все равно не поможет предотвратить обвинения в обмане со стороны тех, кто готов использовать любой, даже самый абсурдный аргумент для нападков на непривычную идею.

Что касается самих свидетелей феномена, то условия, в которых он осуществился, были столь безупречны, что эти люди, размышляя о том, какие возражения может выдвинуть против него публика, не смогли угадать ни одного из ее будущих аргументов — ни версию о том, что миссис Хьюм постепенно наводили на мысль о броши в процессе разговора, ни предположение, что мисс Хьюм ранее передала эту брошь мадам Блаватской. Ведь очевидцы знали, что не было никаких предварительных разговоров ни о броши, ни о какой-либо демонстрации оккультных способностей, и мысль о том, чтобы миссис Хьюм попросила для себя какую-нибудь конкретную вещь, родилась спонтанно, а сама миссис Хьюм упомянула о броши почти сразу же после этого. Что же до гипотезы, будто бы осуществлению феномена, сама того не ведая, способствовала мисс Хьюм, то им и в голову не приходило, что можно предположить нечто подобное. Они не предвидели, что кто-нибудь окажется настолько туп, чтобы, закрывая глаза на важные обстоятельства, сосредоточить все внимание на совершенно незначительной подробности. Если же взять саму по себе версию о том, что брошь (хотя это практически невозможно) попала к мадам Блаватской каким-то естественным путем, то и в этом случае мадам никоим образом не могла заранее догадаться, что у нее попросят именно эту вещь.

Размышляя о том, что именно послужит причиной грядущего недоверия публики к произошедшему феномену (а в том, что публика откажется верить, почти не приходилось сомневаться), очевидцы могли предположить лишь обвинение в лжесвидетельстве и сокрытии ряда фактов, которые, по мнению критиков, уверенных в превосходстве своего интеллекта, обесценивают все остальное, либо обвинение, что миссис Хьюм тоже состояла в заговоре. Это предположение, которое наверняка придет в голову читателям в Англии, было воспринято очевидцами феномена как один из наиболее забавных его результатов. Ведь все мы знали, что миссис Хьюм столь же не расположена к участию в тайных сговорах такого рода, сколь и не способна на нарушение морали, которое подразумевает подобное участие.

Более того, на определенной стадии своей работы мы рассмотрели вопрос о том, насколько удовлетворительны условия, в которых осуществляется феномен. Раньше уже случалось, что в феноменах мадам Блаватской в конечном счете обнаруживались недостатки, вызванные тем, что никто не удосуживался заранее продумать условия эксперимента. По этой причине в случае, который я описываю сейчас, после того, как мы встали из-за стола, один из наших друзей высказал предположение, что, прежде чем мы двинемся дальше, будет уместно задать всем присутствующим следующий вопрос: если брошь удастся "сотворить", будет ли этот успех в данных обстоятельствах служить удовлетворительным доказательством участия оккультных сил? Тщательно продумав то, как развивалась ситуация, мы все пришли к выводу, что этот тест будет совершенно идеальным и что в цепочке аргументов не найдется ни одного слабого звена. Именно после этого мадам Блаватская сообщила, что брошь окажется в саду и что мы можем направиться туда и приступить к поискам ее.

Для лиц, которым ранее уже довелось наблюдать другие феномены, описанные мною, особый интерес представляло одно обстоятельство: как было сказано выше, мы нашли брошь завернутой в два листка папиросной бумаги. Рассмотрев их дома при ярком свете, мы заметили, что на них до сих пор сохранился отпечаток монеты с цепочки часов мадам Блаватской — той монеты, которую мадам завернула в эти листки, прежде чем отправить их к таинственной цели. Когда все оправились после первого потрясения (ведь присутствующим было крайне трудно поверить, что материальные объекты можно транспортировать при помощи оккультной силы), то эти листки опознали, признав, что именно их мы и видели, сидя за обеденным столом.

Оккультная транспортировка предметов на большие расстояния не является "магической" в том смысле, как это понимают западные читатели; при этом ей можно дать частичное объяснение, доступное даже для обыкновенных читателей, для которых остаются совершенно непостижимыми способы управления задействованными в ней силами. Нельзя сказать, что токи, которые

используются при такой транспортировке, переносят соответствующий предмет одною сплошною массой, в том виде, в каком его воспринимают наши органы чувств. Следует предполагать, что переносимый предмет сначала дезинтегрируется, затем переносится на расстояние в виде бесконечно малых частиц, а в пункте назначения вновь собирается в единое целое. Первое, что требовалось сделать в случае с брошью, — это найти ее. Но это было всего лишь проявлением ясновидения, когда оккультист улавливает, так сказать, "запах" объекта, исходящий от человека, который говорит об этом предмете и обладал им в прошлом. Западный мир просто не знает ясновидения, сравнимого по своей яркой, живой силе с тем ясновидением, которое присуще адепту оккультизма. После того как местонахождение объекта обнаружено, вступает в действие процесс дезинтеграции, и желаемый предмет транспортируется туда, куда его решил поместить адепт, им занявшийся. Роль, которую сыграли в нашем феномене листки папиросной бумаги, заключается в следующем: чтобы мы могли найти брошь, надо было связать ее с мадам Блаватской при помощи оккультного "запаха". Листки бумаги, которые она всегда носила с собою, в силу этого пропитались ее магнетизмом; когда их забрал Брат, за ними потянулся оккультный след. По этому-то следу листки с завернутою в них брошью и перебросили затем в нужное место.

"Намагниченность" листков папиросной бумаги, которые мадам Блаватская постоянно держала при себе, позволила ей провести при их помощи небольшой сеанс демонстрации своего искусства, который все, для кого он проводился, сочли исчерпывающим примером доказательства, хотя чисто внешнее сходство с трюком иллюзиониста, отличавшее этот эксперимент, сбило с толку обычных читателей, которые знали о подобных случаях из газет. Дискуссии, развернувшиеся вокруг этого проявления оккультного мастерства, будет удобнее всего проиллюстрировать, приведя три письма, которые были опубликованы 23-го октября в газете "Pioneer". Вот они:

"Сэр, сообщение о том, как была найдена брошь миссис Хьюм, вызвало поток писем; было задано множество вопросов, и на некоторые из них я смогу при случае ответить в будущем. Однако я полагаю, что будет правильнее сначала сделать новое свидетельство об оккультных способностях мадам Блаватской. Человек, подобным образом выступающий перед публикой, должен быть готов к тому, что его примутся высмеивать, хотя люди, что-либо смыслящие в вопросах, о которых идет речь, вполне вправе презирать такое оружие, как насмешки. В прошлый четверг, утром, около половины одиннадцатого, я беседовала с мадам Блаватской, сидя в ее комнате, и мимоходом поинтересовалась, не могла бы она послать мне что-нибудь оккультным способом, когда я вернусь домой. Она ответила: "Нет" — и объяснила некоторые законы, согласно которым она действует. Один из них заключается в том, что она должна знать место, куда посылает предмет, и предварительно побывать там, дабы создать магнетические токи, причем чем меньше времени пройдет с момента посещения, тем лучше. Тут мадам Блаватская спохватилась, что уже побывала кое-где сегодня утром; еще через мгновение она вспомнила, чей именно дом она посетила с визитом.* Мадам Блаватская сказала, что может переправить в этот дом сигарету, если я сразу же отправлюсь туда, чтобы проверить это. Я, конечно же, согласилась. Должна здесь упомянуть, что однажды я уже видела, как мадам Блаватская проделывает подобный опыт; причина, по которой она посылает именно сигареты, заключается в том, что папиросная бумага и табак всегда находятся при ней, в результате чего сильно "намагничиваются" и лучше поддаются воздействию ее силы, которая, как настойчиво заявляет мадам Блаватская, отнюдь не является сверхъестественной; по ее словам, эта сила — лишь проявление неизвестных нам законов. Однако продолжу свой рассказ. Мадам Блаватская вытасила листок папиросной бумаги и медленно оторвала от него уголок, стараясь, чтобы линия разрыва получилась как можно более неровной. При этом я не спускала глаз с ее рук. Затем она дала мне оторванный уголок, который я сразу же спрятала в конверт; могу утверждать, что он все время находился при мне. Из надорванного листка мадам свернула сигарету, а потом сказала, что попробует провести эксперимент и что он может и не удался, но если неудача и произойдет, то не по моей вине. Затем мадам весьма уверенно бросила сигарету в огонь, и я наблюдала, как та сгорает, после чего я немедленно отправилась в дом того джентльмена; мне с трудом верилось, что в указанном месте я найду основную часть листка, уголок которого был у меня, но, представьте себе, она действительно оказалась там, в виде той самой свернутой сигареты. В присутствии хозяина дома и его супруги я развернула сигарету; края этого листка и имевшегося у меня оторванного уголка идеально совпали друг с другом в месте разрыва. Было бы бессмысленно пытаться строить какие-либо гипотезы в связи с этими феноменами; неразумно ожидать, что кто-нибудь в них поверит, не убедившись на собственном опыте в возможности подобных чудес.

* Дом, где была обнаружена сигарета, принадлежит мистеру О'Мера, который изъявил полное согласие на то, чтобы я сообщил об этом.

Единственный результат, которого можно ожидать и на который можно рассчитывать, сводится к тому, чтобы подвигнуть некоторых наиболее разумных членов общества к исследованию огромного количества накопленных свидетельств о феноменах, происходящих повсюду в Европе и Америке. Достойно сожаления, что большинство людей вынуждено пребывать в столь явном неведении относительно этих фактов; любой, кто посетит Англию, сможет сам убедиться в том, что они истинны.

Элис Гордон".

"Сэр, меня попросили дать отчет о случае, который имел место в моем присутствии 13-го числа сего месяца. В тот вечер я сидел вместе с мадам Блаватской и полковником Олькоттом в гостиной в доме мистера Синнетта в Симпле. Мы немного побеседовали на разные темы, и мадам Блаватская сказала, что хотела бы провести эксперимент по способу, предложенному мистером Синнеттом. Затем она достала из кармана два листочка папиросной бумаги и начертила на каждом из них карандашом несколько параллельных линий. Затем от каждого листочка поперек начерченных линий она оторвала по уголку, и отдала оторванные кусочки мне. Все это время мадам Блаватская сидела поблизости от меня, и я внимательно наблюдал за ее действиями; руки ее находились не более чем в двух футах от моих глаз. Я попросил мадам позволить мне самому начертить эти линии или оторвать уголки, но она отклонила мою просьбу, утверждая, что если к листочкам будут прикасаться другие люди, то бумага пропитается их личным магнетизмом, который нейтрализует ее собственный. Тем не менее оторванные уголки мадам передала лично мне, и я отчетливо видел, что у нее не было никакой возможности подменить их другими кусочками бумаги, используя ловкость рук. Основанием подлинности или неподлинности феноменов, описанных далее, служит именно это обстоятельство. Оторванные уголки я все время сжимал в левом кулаке до самого конца эксперимента. Из листочков, от которых они были оторваны, мадам Блаватская скрутила одну за другою две сигареты; первую она дала поддержать мне, пока сворачивала вторую. Я чрезвычайно внимательно рассмотрел первую сигарету, чтобы опознать ее впоследствии. Доделав сигареты, мадам встала и, зажав их обе между ладоней, стала тереть ладони друг о друга. Через двадцать — тридцать секунд резкое шуршание растираемой бумаги, которое сперва было слышно чрезвычайно отчетливо, прекратилось. Тогда мадам сказала, что в этом конце комнаты проходит по кругу особый ток*, и я могу послать сигареты лишь в место, находящееся не слишком далеко. Мгновение спустя мадам сообщила, что одна сигарета упала на фортепьяно, а другая — рядом с консолью. Я сидел, откинувшись на спинку дивана, который стоял вплотную к стене; фортепьяно стояло напротив, а консоль, служившая подставкой для фарфоровой посуды, — справа, между фортепьяно и дверью. Комната была очень узкой, поэтому и фортепьяно, и консоль были превосходно видны. Вся верхняя часть фортепьяно была занята стопками музыкальных книг, и мадам Блаватская решила, что сигарета найдется именно между ними. Я снял одну за другою все книги, но так ничего и не обнаружил. После этого я приподнял крышку фортепьяно и нашел одну сигарету внутри, на узенькой полочке. Достав эту сигарету, я узнал в ней ту, которую мне дала поддержать мадам Блаватская. Вторая сигарета оказалась в закрытой чашке на консоли. Обе сигареты еще не просохли в тех местах, где края листочков смочили слюной, чтобы склеить. Я положил сигареты на один из столов, не давая мадам Блаватской и полковнику Олькотту не только прикоснуться к ним, но даже взглянуть на них. Развернув сигареты и разгладив листочки, я убедился, что неровные края в месте разрыва в точности совпадают с краями оторванных от них уголков, которые я все это время держал в руке. Карандашные линии тоже совпали. Следовательно, можно заключить, что эти листочки — явно те же самые, которые были разорваны в начале эксперимента. Все эти бумажки я по-прежнему храню у себя. Остается лишь добавить, что в течение всего эксперимента полковник Олькотт сидел рядом со мною, спиною к мадам Блаватской, и не двигался до конца опыта.

П.Дж.Мэйтленд, капитан".

* Суть этой теории заключается в том, что тот ток, который только и можно назвать магнетизмом, создается для переноса объектов, предварительно разложенных на частицы при помощи той же силы, на любое расстояние и вне зависимости от вмешательства любого количества материи.

"Сэр, в связи с письмами, которые касаются недавних оккультных феноменов мадам Блаватской, ваших читателей, возможно, заинтересует мой рассказ о поразительном случае, произошедшем в моем присутствии на прошлой неделе. Мне представилась возможность побеседовать с мадам

Блаватской; в ходе нашей встречи она оторвала уголок от листочка папиросной бумаги и попросила меня поддержать его, что я и сделал. Из оставшейся части листка мадам обычным способом скрутила сигарету, которую через несколько секунд заставила исчезнуть у себя прямо из рук. В тот момент мы находились в гостиной. Я поинтересовался, возможно ли снова найти эту сигарету, и после небольшой паузы мадам Блаватская попросила меня пройти вместе с нею в столовую, где, по словам мадам, мы должны были найти ту самую сигарету на верху занавеса, висящего на окне. Придвинув к окну стол и водрузив на него стул, я не без труда добрался до верхнего края занавеса и извлек сигарету из указанного места. Развернув ее, я обнаружил, что листок папиросной бумаги, из которого она была скручена, в точности соответствует тому листочку, который я видел в гостиной несколько минут назад. Край оторванного уголка, который я держал при себе, в точности совместился с рваным, неровным краем бумаги, в которую был завернут табак. Насколько я понимаю, это был самый совершенный и удовлетворительный тест, какой только можно себе представить. Я воздерживаюсь от того, чтобы высказать собственное мнение о причинах, вызвавших такой результат, будучи уверен, что те из ваших читателей, которые интересуются подобными феноменами, предпочтут иметь по данному вопросу собственное суждение. Я всего лишь привожу неприкрашенное изложение того, что видел своими глазами. Позволю себе добавить, что не являюсь членом Теософического Общества и не склонен к пристрастной защите оккультных наук, хотя горячо сочувствую целям, провозглашаемым Обществом, во главе которого стоит полковник Олькотт.

Чарльз Фрэнсис Мэсси".

Конечно, всякий, кто знаком с искусством иллюзиониста, знает, что имитацию этого "фокуса" способен организовать любой человек, мало-мальски наделенный ловкостью рук. Вы берете два сложенных вместе листка бумаги и в таком виде отрываете уголок, так что неровная линия разрыва на обоих листках будет совпадать. Из одного надорванного листка вы сворачиваете сигарету и кладете туда, где запланировали найти ее в финале. Второй листок вы подкладываете под другой, на сей раз целый, от которого отрываете уголок на глазах у очевидца. Однако вместо этого уголка вы подсовываете зрителю в руку один из уголков, которые оторвали заранее, скручиваете сигарету из оставшейся части листка, затем прячете ее куда угодно и позволяете свидетелю найти ту сигарету, которую вы приготовили загодя. Легко вообразить прочие вариации этого метода; бесполезно доказывать людям, которым не довелось лично наблюдать, как мадам Блаватская демонстрирует оккультную транспортировку сигареты, что мадам проводит ее совсем не так, как производил бы иллюзионист, и что у зрителя, который не лишен элементарного здравого смысла, не возникает ни тени сомнения в том, что уголок, который ему вручают, действительно был только что оторван (уверенность в этом при необходимости могут укрепить карандашные пометки на бумаге). Однако хотя я и знаю по опыту, что лица посторонние склонны рассматривать маленький феномен с сигаретой как "подозрительный", даже самые проницательные очевидцы никогда не отрицали, что он вполне убедителен. Тем не менее когда речь идет о подобных феноменах, тупость наблюдателя способна обречь на поражение все попытки добиться понимания с его стороны, независимо от того, насколько безупречен был демонстрируемый эксперимент.

Сейчас я понимаю это гораздо более ясно, чем в то время, о котором веду рассказ. Тогда я преимущественно беспокоился о том, чтобы эксперименты были по-настоящему совершенны во всех деталях и не оставляли ни малейшей лазейки для подозрений в мошенничестве. Поначалу это требовало от меня самых напряженных усилий, потому что мадам Блаватская была несговорчивым и крайне возбудимым экспериментатором, а если речь шла о более серьезных феноменах, могла полагаться лишь на благосклонную помощь со стороны Братьев. И я допускал, что Братья, возможно, и сами не совсем четко представляют себе то настроение, с которым люди, принадлежащие к европейской культуре, обычно воспринимают чудеса, подобные тем, с которыми мы имели дело. Поэтому Братья далеко не всегда в полной мере учитывали необходимость создания условий, при которых эксперименты, связанные с демонстрацией феноменов, были бы совершенны и неопровержимы во всех отношениях, вплоть до мельчайших деталей. Конечно же, я знал, что члены Братства не горят желанием убедить обычных людей в чем бы то ни было; но раз уж Братья так часто помогали мадам Блаватской в осуществлении феноменов, не имевших иной цели, кроме как подействовать на умы людей, принадлежащих к внешнему миру, то мне казалось, что в данных обстоятельствах они все же могли бы сделать нечто такое, что исключало бы саму возможность выдвинуть подозрения в мошенничестве.

Поэтому однажды я спросил у мадам Блаватской: если я напишу одному из Братьев письмо с изложением своих взглядов, сумеет ли она отправить это послание? Сам я полагал, что это вряд ли

возможно, поскольку знал о том, как недоступны обычно бывают Братья; но так как мадам пообещала попробовать, я написал письмо, адресовав его "Неизвестному Брату", и передал мадам Блаватской, чтобы посмотреть, выйдет ли из этого что-нибудь. Моя идея оказалась необычайно удачной, ибо это робкое начинание вылилось в самую интересную переписку, в которой я когда-либо имел честь состоять, и я счастлив сообщить, что переписка эта обещает продолжиться. Она составляет *raison d'être** этой книжки в большей степени, нежели любой из оккультных феноменов, которые мне довелось наблюдать, хотя наиболее чудесные из них мне еще только предстоит описать.

Идея, особенно занимавшая мое воображение, когда я писал это письмо, состояла в том, что самым лучшим экспериментальным феноменом, какой только можно пожелать, явилось бы "сотворение" свежего экземпляра лондонской "Таймс" с сегодняшней датой, проделанное здесь, в Индии, прямо у нас на глазах. Я аргументировал это тем, что, имея на руках такое доказательство, я смог бы убедить любого жителя Симлы, способного мысленно связать друг с другом эти два факта, что при помощи оккультного воздействия можно добиться физических результатов, неподвластных обычной науке. Мне жаль, что я не сохранил копии того первого моего письма и писем, последовавших за ним, — ведь это помогло бы мне легко и удобно объяснить содержание ответных посланий; однако в то время я не мог предвидеть грядущее развитие событий. К тому же, в конце концов, те письма, которые я получал в ходе нашей переписки, представляют основной интерес, а те, которые я отправлял, — лишь минимальный.

Пролетело дня два, прежде чем я что-либо услышал о судьбе своего письма, и тут мадам Блаватская сообщила мне, что я вот-вот получу ответ. Впоследствии я узнал, что в первый раз ей не удалось найти Брата, который согласился бы принять мое послание; те, к кому она обратилась вначале, отказались, заявив, что это для них слишком обременительно. Наконец ее психический телеграф принес ей положительный ответ от одного из Братьев, с которым она некоторое время не поддерживала связи. Этот Брат сообщил, что примет послание и ответит на него.

Услышав об этом, я пожалел, что не написал более пространныго письма и недостаточно полно изложил свои взгляды на необходимую уступку. Поэтому, не дожидаясь, когда ответ придет на самом деле, я написал еще одно письмо.

Через день-два я нашел у себя на письменном столе первое письмо от своего нового корреспондента. Сразу поясню здесь, что, как я узнал впоследствии, он родился в Пенджабе и уже в раннем детстве увлекся оккультизмом. В юные годы его отправили в Европу по настоянию родственника, который сам был оккультистом. Там молодой человек постиг знание Запада, а затем получил полное посвящение в более глубокое знание Востока. С точки зрения обычного самодовольного европейца, это странная перестановка привычного хода вещей, но сейчас у меня нет необходимости прерывать свое повествование ради того, чтобы рассмотреть это соображение.

Я знаю своего корреспондента под именем Кут Хуми Лал Сингх. Это "тибетское мистическое имя": надо полагать, что пройдя посвящение, оккультисты принимают новые имена, — эта практика, несомненно, дала начало обычаям, которые повсеместно и прочно закрепились в ритуалах римско-католической церкви.

Письмо начиналось *in medias res**, с обсуждения предложенного мною феномена. "Эксперимент с воссозданием экземпляра лондонской газеты, — писал Кут Хуми, — неприемлем именно потому, что он заткнул бы рты скептикам. Под каким углом зрения на это ни посмотреть, мир находится пока лишь на первом этапе своего освобождения от рабства... и, следовательно, еще не готов к подобному. То, что мы работаем при помощи естественных, а не сверхъестественных методов и законов, — сущая правда. Но, с одной стороны, поскольку наука, в ее нынешнем состоянии, еще неспособна дать объяснение чудесам, которые во имя нее и совершаются, а невежественные людские массы, с другой стороны, восприняли бы этот феномен как некое чудо, то каждый, кто стал бы очевидцем подобного случая, утратил бы душевное равновесие, что привело бы к плачевным результатам. И поверьте, что особенно плачевным он окажется для вас, как автора этой идеи, и для той преданной женщины, которая столь безрассудно устремилась в широко открытую дверь, ведущую к дурной славе. Эта дверь, хотя и распахнутая столь дружественною рукою, как ваша, оказалась бы для нее ловушкой, причем ловушкой роковою. А ведь это наверняка не является вашей целью... Стали бы вы призывать нас идти навстречу вашим желаниям, если бы знали, какие последствия на вас обрушатся в случае успеха? Неумолимая тень, сопутствующая любым человеческим нововведениям, становится все ближе, но мало кто осознает ее приближение и связанные с нею опасности. Чего же тогда следует ожидать тем, кто предлагает миру новшество, которое, если люди его и оценят, будет приписано тем

темным силам, в которые до сих пор верит и которых страшится две трети человечества?.. Успех эксперимента, подобного тому, что вы предлагаете, необходимо тщательно рассчитать; он должен быть основан на доскональном знании людей, которые вас окружают. Он всецело зависит от социального и морального состояния людей, определяющего их отношение к наиболее глубоким и таинственным вопросам, какие только могут занимать человеческий ум, — вопросам божественных способностей человека и возможностей, заключенных в самой Природе. Многие ли из ваших друзей, даже самых лучших, проявляют к этим трудным для понимания проблемам нечто большее, нежели чисто внешний, поверхностный интерес? Вы можете пересчитать таких людей по пальцам правой руки. Ваш народ похвально тем, что освободил в этом веке тот дух, который столь долго томился в тесном сосуде догматизма и нетерпимости, — дух знания, мудрости и свободомыслия. Этот народ утверждает, что невежественные предрассудки и религиозный фанатизм, подобно древнему джинну, пойманы соломоном от науки, запечатаны ими в бутылку и покоятся на дне морском, так что уже никогда не смогут вырваться на поверхность и править миром, как было в стародавние времена; что общественное сознание теперь совершенно свободно и готово принять любую истину, которую ему предъявят. Но так ли это, мой уважаемый друг? Знание, основанное на опыте, ведет начало совсем не с 1662 года, когда Бэкон, Роберт Бойль и епископ Честерский, согласно королевской хартии, преобразовали свой "невидимый колледж" в общество поддержки экспериментальной науки. За много веков до того, как Королевское Общество стало реальностью, согласно плану "Пророческой программы", врожденная тяга к сокровищу, страстная любовь к Природе и стремление ее изучить побуждали людей каждого поколения проникать в ее секреты глубже, нежели это делали их ближние. *Roma ante Romulum fuit* — это аксиома, которой учат в ваших английских школах... Вриль "Грядущей расы" был привычным достоянием ныне исчезнувших рас. Подобно тому, как сегодня оспаривается само существование наших предков-исполинов (хотя в Химавате*, на той самой территории, которая принадлежит вам, у нас есть пещера, полная скелетов этих гигантов, это ничего не меняет: обнаружив их колоссальные остовы, их неизменно объявляют случайными причудами Природы), так же и вриль, или акаша, как мы называем эту силу, считается чем-то невозможным, мифическим. А может ли наука надеяться объяснить подобные феномены без досконального знания акаши, ее комбинаций и свойств? Мы не сомневаемся в том, что люди западной науки открыты для убеждения, но сначала им нужно продемонстрировать факты; однако для того, чтобы ученые восприняли их именно как факты, эти сведения должны стать их собственным достоянием и поддаваться их методам исследования. Загляните в предисловие к "Микрографии", и вы найдете, что, как вытекает из слов Хукса, самые тесные отношения объектов имели в его глазах меньше веса, нежели их внешнее влияние на разум, и замечательные открытия Ньютона нашли в лице этого ученого своего главного оппонента. Современных Хуксов — великое множество. Подобно этому образованному, но невежественному человеку прошлого, ваши современные ученые стремятся не столько к тому, чтобы установить физическую связь между фактами, которая открыла бы им многие тайные силы Природы, сколько к созданию удобной классификации научных экспериментов, так что главным качеством, которое требуется научной гипотезе с их точки зрения, является не истинность, а всего лишь правдоподобие.

Вот и все, что известно о науке. Что же касается человеческой природы в целом, она осталась такою же, какою была миллион лет назад. Предрассудки, основанные на эгоизме, всеобщее нежелание отказаться от сложившегося порядка вещей ради нового образа жизни и нового образа мыслей (а оккультные занятия требуют не только всего этого, но и гораздо большего), гордыня и упорное сопротивление истине, если она хотя бы просто опрокидывает привычные представления, — вот характерные черты вашей эпохи... К каким же результатам могут привести даже самые поразительные феномены в случае, если мы дадим согласие на их реализацию? Сколь бы успешными ни оказались эти эксперименты, опасность будет возрастать прямо пропорционально успеху. Вскоре у вас останется только один выбор: продолжать в том же духе и даже *crescendo** или пасть от собственного оружия в бесконечной борьбе с предрассудками и невежеством. От вас потребуют все новых и новых экспериментов, которые придется соответственно организовывать; все будут ждать, что каждый последующий феномен окажется более удивительным, чем предыдущий. Повседневный опыт подсказывает вам, что от человека нельзя ожидать веры в то, чего он не видел собственными глазами. А хватит ли жизни на то, чтобы убедить скептиков всего мира? Пожалуй, довольно несложно сделать так, чтобы количество уверовавших в Симле возросло до сотен и тысяч. Но как быть с сотнями миллионов тех, кому не удастся стать очевидцами феноменов? Не имея возможности бороться с невидимыми операторами, невежды могут в один прекрасный день выместить свою злобу на видимых экспериментаторах; высшие и образованные классы будут, как всегда, упорствовать в своем неверии, разбивая в пух и прах все ваши аргументы, как это было и раньше. Вместе со многими другими людьми вы порицаете нас за нашу великую скрытность. Однако мы кое-что знаем о

человеческой природе, поскольку этому нас научил опыт долгих веков — да, долгих, долгих столетий. И мы знаем, что пока науке есть что изучать, а людские массы еще не избавились в душе от призрака религиозного догматизма, общественные предрассудки следует преодолевать постепенно, шаг за шагом, а не стремительным натиском. Не один Сократ пал их жертвою в седой древности, и туманное будущее породит еще не одного мученика. Освобожденная наука презрительно отворачивалась от взглядов Коперника, возрождавшего теории Аристарха Самосского, который "утверждал, что земля кругообразно обращается вокруг своего центра", а церковь за несколько лет до того угрожала Галилею сожжением, собираясь принести его в жертву Библии. Роберта Рекорда, самого талантливого математика при дворе короля Эдуарда VI, обрекли на медленную смерть в тюрьме его же коллеги, которые смеялись над его "Твердыней Знаний" и объявили его открытия бесплодными фантазиями... Дела давно минувших дней, скажете вы? Воистину так, однако хроника нашего времени не слишком отличается от хроники предшествующих эпох. Достаточно только вспомнить недавние гонения на медиумов в Англии, сожжение на костре подозреваемых в ведьмовстве и чародействе, имевшее место в Южной Америке, России и на окраинах Испании, и вы поймете: единственным спасением для подлинных знатоков оккультных наук является скептицизм публики, а шарлатаны и обманщики служат естественным щитом для адептов. При этом мы лишь упрочиваем общественную безопасность, держа в секрете ужасное оружие, которое в противном случае могло бы быть использовано против общества и которое, как вы уже отметили, становится смертоносным в руках людей злых и своекорыстных".

Оставшаяся часть письма связана преимущественно с вопросами личного характера, и приводить ее здесь не стоит. Цитируя письма Кут Хуми, я, разумеется, буду неизменно опускать пассажи, касающиеся лично меня и не имеющие непосредственного отношения к публичным дискуссиям. Читатель, однако, должен помнить (и я сейчас утверждаю это самым недвусмысленным образом), что я не изменяю ни единого слова в цитируемых мною отрывках. Крайне важно заявить об этом со всею определенностью, потому что чем ближе мои читатели знакомы с Индией, тем труднее им будет поверить, что письма Кут Хуми в том виде, в каком я их здесь публикую, написаны уроженцем Индии, если только автор не подтвердит это самым убедительным образом. Тем не менее это факт, не подлежащий никаким сомнениям.

Насколько я помню, отвечая на письмо, пространно процитированное выше, я возразил, что мышление европейцев не отличается столь безнадежной неподатливостью, как это описал Кут Хуми. Он прислал мне второе письмо, в котором говорилось следующее:

"Мы так и будем спорить в письмах, пока не станет совершенно очевидно, что у оккультной науки свои собственные методы исследования, столь же постоянные и деспотические, как и методы ее противоположности — физической науки. У последней есть свои предписания, но есть они и у первой; и тот, кто пересек границу невидимого мира, может определять свои дальнейшие действия в столь же ограниченной степени, в какой путешественник, пытающийся проникнуть во внутренние подземные тайники благословенной Лхасы, способен указывать дорогу своему проводнику. Наши тайны никогда не были и никогда не смогут стать достоянием широкой публики — по крайней мере, до того долгожданного дня, когда наша религиозная философия станет всемирной. Во все времена тайнами Природы владел лишь узкий круг, едва заметное меньшинство, хотя свидетелями того, что обладание этими тайнами вполне возможно, становилось множество людей. Адепт — это редкостный цветок, порожденный поколением исследователей; чтобы стать адептом, человек должен повиноваться глубинному духовному импульсу, который не зависит от благоразумных соображений, продиктованных светской наукой или практическим умом. Вы желаете, чтобы вам дали возможность поддерживать прямую связь с одним из нас, без посредничества со стороны мадам Блаватской или иного медиума. Насколько я понимаю, ваша идея состоит в том, чтобы наладить подобные контакты (через письма, как в данном случае, или через устное общение) для того, чтобы один из нас руководил вами, помогая управлять общественностью, а главным образом — просвещать ее. И все же, стремясь ко всему этому, вы, по вашим собственным словам, до сих пор не нашли достаточных оснований, чтобы отказаться от своего образа жизни, прямо враждебного подобным способам связи. Это едва ли разумно. Тот, кто готов высоко поднять знамя мистицизма и провозгласить его грядущее царство, должен сам служить примером для других. Он должен первым изменить свой образ жизни и, рассматривая изучение оккультных тайн как высшую ступень лестницы познания, обязан заявить об этом во всеуслышание, вопреки установкам точных наук и противодействию общества. "Царствие Небесное силою берется", — утверждают христианские мистики. И современный мистик может надеяться достичь своей цели лишь с оружием в руках и с готовностью победить или погибнуть.

Полагаю, в своем первом письме я сумел ответить на все вопросы, содержащиеся в вашем втором и даже третьем послании. Так как я уже тогда высказал свое мнение о том, что мир в целом еще не созрел для любого слишком ошеломляющего доказательства существования оккультной силы, нам остается лишь общаться с отдельными личностями, которые, подобно вам, стараются проникнуть через завесу материи в мир первопричин — т.е. нам нужно теперь рассматривать только конкретные случаи: ваш и мистера [Хьюма]".

Здесь я должен сделать пояснение: один из моих друзей, заинтересованный в успехе этого исследования столь же глубоко, как и я, сам написал письмо моему корреспонденту после того, как я дал ему прочитать первое послание, полученное от Кут Хуми. Находясь в условиях, которые более благоприятствовали подобному предпрятию, нежели те обстоятельства, в которых находился я, он даже предложил полностью пожертвовать другими своими стремлениями и удалиться в уединение, затворившись в месте, которое ему укажут; он предполагал, что если оккультисты возьмут его в ученики, то он сможет там основательно выучиться, дабы затем вернуться в мир, вооружившись способностями, которые позволят ему демонстрировать реальность духовного совершенствования и глубину заблуждений современного материализма. После этого он собирался посвятить свою жизнь борьбе с современным скептицизмом, ведя людей к практическому пониманию лучшей жизни. Возвращаясь к письму Кут Хуми.

"Этот джентльмен оказал мне большую честь, обратившись лично ко мне; он задал мне несколько вопросов и сформулировал условия, на которых он готов серьезно работать для нас. Но поскольку ваши и его мотивы и стремления диаметрально противоположны и, следовательно, ведут к различным результатам, я должен ответить каждому из вас в отдельности.

Когда мы решаем, принять или отвергнуть ваше предложение, то первое и главное соображение для нас заключается в том, какие мотивы и стремления побуждают вас просить наших наставлений и, в определенном смысле, руководства с нашей стороны; последнее, насколько я понимаю, в любом случае остается обратимым; следовательно, решение этого вопроса не зависит ни от чего другого. Так каковы же ваши мотивы? Я попытаюсь определить их в общих чертах, оставив подробности для дальнейшего рассмотрения. Мотивы эти таковы:

1. Желание увидеть несомненные и безупречные доказательства того, что в Природе действительно существуют силы, о которых наука ничего не знает.

2. Надежда когда-нибудь овладеть этими силами (и чем раньше, тем лучше, так как ждать вы не любите), с тем чтобы это позволило вам: а) продемонстрировать их существование немногим избранным умам Запада; б) рассматривать будущую жизнь как некую объективную реальность, опираясь на фундамент разума, а не веры; и в) быть может, самый важный для вас мотив, хотя и наиболее тайный и сокровенный: узнать, наконец, всю правду о наших ложах и о нас самих; говоря коротко — обрести уверенность в том, что "Братья", о которых все столько слышали, но которых практически никто не видел, — это реальные существа, а не плод воспаленного воображения. Так мне видятся мотивы, по которым вы обратились ко мне, если рассматривать их в самом лучшем свете. В таком же духе я на них и отвечаю, надеясь, что моя искренность не будет неверно истолкована или отнесена на счет моей предполагаемой враждебности.

Эти мотивы, которые с точки зрения мира представляются искренними и заслуживающими самого серьезного внимания, по нашему мнению, являются эгоистическими. (Вы должны простить мне подобную резкость в выражениях, если действительно желаете того, о чем заявляете, — то есть постигать истину и получать наставления от нас, принадлежащих к совсем другому миру, нежели общество, в котором вращаетесь вы). Эти мотивы эгоистичны, потому что вы должны осознать, что главная цель Теософического Общества — не столько потворствовать индивидуальным устремлениям, сколько служить нашим ближним, и подлинное значение слова "эгоистичный", возможно, режущего ваш слух, пронизано для нас особым, специфическим смыслом, которого это слово не может иметь для вас. Следовательно, вы должны принимать его в том же значении, что и мы, и никак иначе. Быть может, вы сумеете лучше воспринять это значение, если я скажу вам, что в нашем понимании самые возвышенные помыслы о благе человечества отравлены эгоизмом, если в душе филантропа затаилась хотя бы тень стремления к личной выгоде или склонность творить несправедливость, несмотря на то, что он сам может даже не осознавать этого. Ведь вы уже обсуждали, не отставить ли в сторону идею Вселенского Братства, ставили под вопрос ее полезность и советовали реорганизовать Теософическое Общество по принципу колледжа для индивидуального изучения оккультизма...

Теперь оставим личные мотивы и перейдем к анализу тех условий, на которых вы согласны помочь нам в работе на общее благо. В общих чертах эти условия таковы: во-первых, основание англо-индийского Теософического Общества, осуществленное с вашей любезной помощью, — Общества, в руководстве которого не будет иметь права голоса никто из наших нынешних представителей*; и, во-вторых, один из нас должен взять новую организацию "под свою опеку", наладив при этом "свободные и прямые контакты с ее руководителями" и представив им "непосредственные доказательства того, что он реально обладает высшим знанием о силах Природы и свойствах человеческой души, — доказательства, которые вызвали бы надлежащее доверие к его руководству". Я дословно привожу здесь ваши собственные выражения, чтобы избежать неточности в определении вашей позиции.

* Поскольку здесь не приведено мое письмо, на которое отвечает Кут Хуми, данная фраза может создать у читателя представление, что мною двигали какие-то враждебные чувства по отношению к упомянутым выше представителям — мадам Блаватской и полковнику Олькотту. Дело обстояло совсем не так, но мистер *** и я отчетливо осознавали ошибки в управлении Теософическим Обществом, совершенные в то время, и предполагали, что можно было достичь лучших общественных результатов, если начать работу de novo* и, следовательно, взяв на себя руководство теми мероприятиями, которые расположили бы современное общество в пользу изучения оккультизма. С нашей стороны это убеждение уживалось с горячей дружбой, основанной на истинном уважении к обоим вышеупомянутым особам.

С вашей точки зрения, эти условия являются столь разумными, что просто не могут вызвать несогласие, и, конечно, большинство ваших соотечественников, если не большинство европейцев вообще, согласилось бы с вами. Что, скажете вы, может быть разумнее просьбы о том, чтобы учитель, жаждущий распространять свои знания, и ученик, предлагающий ему этим заняться, встретились друг с другом лицом к лицу и чтобы один из них предоставил другому экспериментальное подтверждение истинности своих наставлений? Как светский человек, живущий в миру и в полном согласии с ним, вы, несомненно, правы. Но людей иного, нашего мира, которых не обучали вашему образу мыслей и которым порою бывает очень трудно уловить и понять ход таких умозаключений, — этих людей едва ли можно упрекать в том, что они отвечают на ваши предложения не столь охотно, как последние, по вашему мнению, заслуживают. Первое и самое серьезное возражение связано с нашими собственными правилами. Действительно, у нас есть свои школы и учителя, свои неопиты и "шабероны" (высшие адепты), и если в нашу дверь постучится подходящий человек, ему всегда откроют. Мы встречаем вновь прибывшего с неизменным радушием; правда, не мы идем к нему, а он должен прийти к нам. Более того: пока он не дошел на пути оккультизма до той точки, откуда уже нет пути назад благодаря клятве, которою человек бесповоротно связывает себя с нашим Обществом, мы никогда, кроме самых исключительных случаев, не посещаем его и даже не переступаем в зримом облике порога его дома.

Есть ли среди вас человек, который настолько стремится к знанию и благотворным способностям, которые оно дарует, что он готов покинуть свой мир и перейти в наш? Если да — пусть придет; однако он не должен помышлять о возвращении, пока его уста не замкнет печать тайны, которую не смогут сломать даже его возможные слабость и неблагоразумие. Пусть приходит любым путем, как ученик к учителю, не ставя никаких условий, или же пускай ждет, как приходится ждать столь многим, и довольствуется теми крохами знания, которые сможет найти на своем пути.

Предположим, что вы придете к нам, как уже пришли двое ваших соотечественников, как сделала мадам Б. и сделает в будущем мистер О.; предположим, что вы оставили все ради истины, дабы годами устало влачиться по трудной, крутой дороге, не страшась препятствий, умея устоять перед любыми искушениями; что вы преданно хранили в сердце тайны, вверенные вам в порядке испытания; что вы бескорыстно трудились изо всех сил, чтобы распространять истину, побуждая людей правильно мыслить и правильно жить; сочли бы вы справедливым, если бы после всех ваших усилий мы предоставили мадам Б. или мистеру О., как "посторонним", те условия, которые вы сейчас спрашиваете для себя? Одна из этих двоих посвятила нам три четверти своей жизни, другой — шесть лучших лет зрелости, и оба будут так же трудиться до конца своих дней; всегда работая за заслуженное вознаграждение, они тем не менее никогда не требовали его и не роптали, если бывали лишены награды. Даже если бы они свершили гораздо меньше, чем на самом деле, разве не стало бы явной несправедливостью игнорировать их в этой важной сфере теософских усилий? Среди наших пороков нет неблагодарности, и я не в силах представить, что вы советуете нам проявить это качество.

Ни один из этих двоих не имеет ни малейшего намерения мешать руководству предполагаемого англо-индийского отделения или навязывать свою волю его сотрудникам. Однако новое Общество, если оно вообще будет сформировано и даже получит свое собственное, особое название, должно фактически оставаться дочерним ответвлением основной организации, подобно Британскому Теософическому Обществу в Лондоне, и вносить свой вклад в поддержание жизнеспособности и эффективности этой материнской организации, проводя в жизнь ее передовую идею Всемирного Братства, а также иными возможными способами.

Какими бы неудачными не были демонстрации феноменов, среди них все же есть, как вы сами согласились, и совершенно безупречные. "Звук постукивания по столу, к которому никто не прикасается", и "звон невидимых колокольчиков в воздухе", по вашим словам, всегда оценивались как "удовлетворительные".

Исходя из этого, вы убеждаете меня в том, что хорошие экспериментальные феномены "можно с легкостью умножать ad infinitum*. Да, можно — везде, где постоянно существуют наши магнетические и иные условия и где нам не приходится действовать через слабое тело женщины, в которой, если можно так выразиться, большую часть времени бушует ураган жизненной энергии. Но каким бы несовершенным ни был наш зримый посредник, в настоящее время эта личность наиболее пригодна для подобных целей, и феномены, которые она демонстрирует, вот уже около полувека изумляют и ставят в тупик ряд самых выдающихся умов вашего столетия..."

Две или три коротеньких записки, впоследствии полученные мною от Кут Хуми, имели отношение к одному случаю, который я должен сейчас описать и который в качестве экспериментального феномена представляется мне более совершенным, нежели любой другой из числа описанных мною выше. Между прочим, стоит отметить, что хотя обстоятельства этого случая излагались тогда в индийских газетах, веселая компания зубоскалов, наводнивших прессу своими глуповатыми комментариями по поводу феномена с брошью, так и не удосужилась обсудить "случай с подушкой".

Однажды мы вместе со своими гостями отправились на вершину соседнего холма, где решили устроить ланч. Накануне вечером у меня были основания полагать, что мой корреспондент, Кут Хуми, вступил со мною в особое общение, которое я, в целях данного объяснения, назову субъективной коммуникацией. Я не стану вдаваться в подробности, поскольку обычного читателя совершенно ни к чему обременять впечатлениями такого рода. Утром, обсудив этот вопрос, я нашел на столе в зале записку от Кут Хуми, в которой он обещал дать мне на вершине холма нечто такое, что послужит знаком его (астрального) присутствия возле меня минувшей ночью.

Мы направились к цели нашей прогулки, расположились лагерем на вершине холма и уже занялись ланчем, когда мадам Блаватская сообщила, что Кут Хуми спрашивает, где именно мы хотели бы найти тот предмет, который он собирается мне послать. Следует учесть, что до этого момента не велось никаких разговоров относительно ожидаемого мною феномена. Мой рассказ, вероятно, вызовет обычные намеки на то, что мадам Блаватская специально "подвела" меня к тому выбору, который я совершил. Фактически же дело обстояло так: во время разговора совершенно на другую тему мадам насторожилась, услышав свой "окультурный голос", а затем сразу же сообщила мне, о чем был задан вопрос, и более не сделала по этому поводу ни одного замечания, которое могло повлиять на мой выбор. Не было никакой общей дискуссии по этому поводу, мой выбор был самостоятельным и совершенно спонтанным. Немного поразмыслив, я сказал: "Вон в той подушке", — указывая при этом на подушку, на которую опиралась одна из леди, сидевших напротив меня. Едва я произнес эти слова, как моя супруга воскликнула: "О нет, лучше в моей!" — или что-то в этом роде. Мадам Блаватская своим способом спросила у Кут Хуми, подходит ли такой вариант, и получила положительный ответ. Таким образом, моя свобода в выборе места, где нам предстояло найти предмет, была абсолютной и не связанной никакими условиями. При данных обстоятельствах и с учетом наших предыдущих опытов было бы наиболее естественно, если бы я предложил поместить предмет на каком-нибудь дереве или в определенном месте под землей; но назвать внутренность зашитой подушки, тут же выбранной наугад, — эта мысль осенила меня, когда мой взгляд ненароком упал на подушку, которую я указал первой. Но если сам я при этом думал о любой подушке, то поправка к первоначальному предложению, внесенная моею супругой, оказалась реальным усовершенствованием, так как выбор в результате пал на ту конкретную подушку, с которой моя супруга ни на мгновение не расставалась все утро. Эта была обычная подушка из джампана; жена опиралась на нее все время пути от дома, продолжала сидеть точно так же, пока джампан поднимали на вершину холма, и не изменяла позы во время разговора. Сама подушка была прочно сшита вручную из камвольной ткани и бархата и принадлежала нам уже много лет. Когда мы были дома, эта подушка постоянно находилась в

гостиной, на видном месте, на одном из диванов; если моя жена отлучалась из дома, она брала подушку с собою в джампан, а возвращаясь, приносила ее обратно.

Когда мы договорились насчет подушки, моей супруге велели положить ее под плед, и жена сделала это в джампане своими собственными руками. Подушка пробыла под пледом примерно около минуты, когда мадам Блаватская сказала, что теперь мы можем ее разрезать. Я взрезал подушку перочинным ножом, причем на это потребовалось определенное время, потому что она была очень прочно прошита со всех сторон, и швы пришлось распарывать чуть ли не стежок за стежком. Когда чехол с одной стороны был полностью распорот, выяснилось, что перьевая начинка заключена в еще один, внутренний чехол, края которого были также прошиты со всех сторон. Между внутренней подушкой и наружным чехлом мы не нашли ничего и потому продолжали распарывать внутреннюю подушку; когда мы с этим справились, моя жена пошарила рукою в перьях.

Первым, что она обнаружила, оказалась маленькая треугольная записка, адресованная мне и написанная почерком моего оккультного корреспондента. В ней говорилось следующее:

"Мой "дорогой Брат"! Эта брошь, под № 2, помещена в сие необычное место, причем единственно для того, чтобы продемонстрировать вам, что произвести настоящий феномен на редкость легко, а усомниться в его подлинности — еще легче. Расценивайте это, как вам угодно; можете даже отнести меня к разряду хитрецов-заговорщиков.

Я постараюсь устранить проблему, сопряженную с обменом письмами между нами, о которой вы говорили вчера ночью. Один из наших учеников в скором времени посетит Лахор и N. W. P.; вам будет послан адрес, которым вы можете пользоваться постоянно — если, конечно, не предпочтете поддерживать нашу переписку при помощи подушек! Пожалуйста, обратите внимание: местом отправления этой записки явилась не "тайная Ложа", а одна из долин Кашмира".

Пока я читал записку, моя жена продолжала ворошить перья и нашла в них упомянутую брошь. Это оказалась одна из наших собственных брошей, очень старая и прекрасно нам знакомая; если моя супруга не надевала эту вещицу, то оставляла ее на своем туалетном столике. Нельзя было ни придумать, ни представить себе лучшего подтверждения действия оккультной силы вроде каких-либо механических доказательств, которое явилось бы для нас, лично знающих все упомянутые обстоятельства, более неопровержимым и убедительным, чем этот случай. Общая убедительность и значение, которое имело для нас возвращение броши, зависели от моих субъективных впечатлений, полученных прошлой ночью. Причина, по которой брошь была выбрана в качестве объекта передачи, возникла именно тогда, и не раньше. Гипотеза гласит — и это делает ее гипотезой, идиотской во всех отношениях, — что над подушкой заранее потрудились мадам Блаватская; однако в таком случае мадам должна была добраться до подушки уже после того, как я заговорил о своих впечатлениях тем утром, вскоре после завтрака; но в этот день мадам Блаватская с момента пробуждения практически не исчезала из нашего поля зрения — она сидела с моею супругой в гостиной, делая это, кстати, вопреки своему желанию, потому что в тот период она что-то писала и хотела было поработать в своей комнате, но в то утро ее голоса велели ей идти в гостиную и сидеть там с моей женой. Мадам так и сделала, ворча на то, что ее работу прервали, и будучи совершенно не в состоянии догадаться, почему ей велют так поступать. Впоследствии повод вполне прояснился: он был связан с предстоящим феноменом. Желательно было, чтобы у нас не зародилось никакой *arrière pensee** насчет того, чем занималась мадам Блаватская в то утро — на случай, если эксперимент примет такой оборот, что это сможет повлиять на уверенность в его истинности. Конечно, если бы можно было предвидеть, что выбор падет именно на эту подушку, было бы незачем мучить нашу "старую Леди", как мы обычно называли мадам Блаватскую. Хватило бы и того, чтобы пресловутая подушка все утро оставалась в гостиной под присмотром моей жены. Но мне предоставили полную свободу в выборе тайника для броши; а такой предмет, как подушка, не мог заранее прийти в голову никому, да и мне самому тоже.

Текст приведенной выше записки включал в себя множество мелких деталей, понятных для нас. Вся в целом она была косвенным образом связана с разговором, который произошел за нашим обеденным столом прошлым вечером. Тогда я как раз заговорил о маленьких характерных черточках, которые отличали длинные письма от Кут Хуми; невзирая на блестящее владение языком и совершенство стиля, в его посланиях проскальзывали один-два оборота, которые никогда бы не употребил англичанин. Например, это сказывалось в форме обращения к адресату, которое было окрашено восточным колоритом в тех двух письмах, которые я уже цитировал. "Но как же ему тогда следовало к вам обращаться?" — поинтересовался кто-то из собеседников, и я ответил: "В подобных

обстоятельствах англичанин, вероятно, написал бы просто: "мой дорогой Брат". Далее: упоминание долины Кашмира как места отправления письма, в противовес Ложе, также отсылало к тому же самому разговору; к нему же относилось и подчеркивание буквы "к": ведь мадам Блаватская тогда сказала, что Кут Хуми пишет слово "скептицизм" через "к", но в его случае это не американизм, а просто филологический каприз*.

Происшествия этого дня не закончились даже с обретением броши. Вечером, когда мы пришли домой и я за обедом развернул салфетку, из нее выпала маленькая записка. Ее содержание носит слишком личный и конфиденциальный характер, чтобы воспроизвести его целиком, но часть записки я принужден процитировать из-за присутствующего в ней упоминания на оккультный *modus operandi**. Должен пояснить, что перед тем, как отправиться на холм, я набросал несколько строк в благодарность за обещание, содержавшееся в вышеупомянутом послании. Свою записку я передал мадам Блаватской, чтобы она при случае передала ее адресату оккультным способом. Когда мадам Блаватскую и мою супругу несли в джампанах по аллее для гуляния, мадам держала эту записку в руке, поскольку удобный случай переправить ее представился лишь после того, как они преодолели половину пути. Затем послание все же удалось переправить — один оккультизм знает, каким образом. Это обстоятельство мы тоже обсуждали во время пикника; когда я открывал найденную в подушке записку, кто-то предположил, что в ней, вероятно, должен содержаться ответ на мое только что отправленное послание. Но, как станет ясно читателю уже сейчас, о моем письме в этой записке не упоминалось вообще.

В записке, полученной мною за обедом, говорилось следующее: "Еще несколько слов — на сей раз о том, почему вам пришлось испытать разочарование, не получив непосредственного ответа на ваше предыдущее послание. Ваше письмо было доставлено в мою комнату примерно через полминуты после того, как установились и в полную силу заработали токи, необходимые, чтобы переправить дак* в вашу подушку. А необходимости отвечать не было..."

Когда слышишь, как о "токах", используемых для достижения того, что в глазах всей европейской науки является чудом, говорят вот так запросто, это, по-видимому, на шаг приближает человека к пониманию реального положения дел.

Да, этот феномен являлся чудом для всей европейской науки — и в то же время неопровержимым фактом для нас, таким же неопровержимым, как и существование комнаты, в которой мы тогда находились. Мы знали, что явление, очевидцами которого мы стали, есть удивительная реальность; что сила мысли человека, находящегося где-то в Кашмире, подняла со стола в Симле материальный предмет и, разложив его на частицы при помощи некоего процесса, о постижении которого наука Запада не может пока даже мечтать, пронесла сквозь другую материю, а затем восстановила его в первоначальной целостности, так, что каждая из рассеявшихся частиц заняла свое прежнее место, и материальный объект был воссоздан в прежнем виде, вплоть до мельчайшей черточки и царапки на его поверхности. (Кстати, когда мы извлекли предмет из подушки, то обнаружили на нем метку, которой раньше не было: инициалы нашего друга.) И мы знали, что записки, написанные на вполне материальной, осязаемой бумаге, в тот день носились от нас к нашему другу и обратно, курсируя со скоростью электричества, хотя между нами на сотни миль пролегли хребты Гималаев.

И мы так же знали, что умы людей, образующих научное сообщество Запада, окружены непроницаемой стеною, воздвигнутой из их собственных предрассудков и упрямства, ученого невежества и безукоризненной тупости, и что мы никогда не сумеем передать через эту стену свой опыт и факты, которыми мы владеем. Сейчас, рассказывая историю, которую я должен рассказать, я испытываю подавленность куда более сильную, чем может представить себе человек, никогда не бывавший в подобном положении; ведь я постоянно осознаю, что идеальная точность моих воспоминаний в самых мелких деталях и предельная правдивость в каждом слове едва ли может послужить для чего-то большего, нежели успокоение моей собственной совести, — ведь те ученые умы Запада, которым до этих пор из всех культурных людей особенно симпатизировал я сам, наиболее безнадежно закрыты для моих свидетельств. "Даже если кто-либо восстанет из мертвых" и так далее. Это старая история, старая, во всяком случае, в той ее части, которая касается сокрушительного воздействия на общественное мнение, которое должны иметь свидетельские сообщения, подобные моим. Улыбка недоверия, которое мнит себя столь мудрым, будучи столь безрассудным, подозрения, которые льстят себе собственной изобретательностью, в действительности являясь плодом столь невероятной тупости, вспыхнут над страницами этой книги, уничтожая все ее значение для читателя, который так улыбнется.

Но я полагаю, что Кут Хуми прав не только когда заявляет, что мир пока не созрел для слишком потрясающего доказательства существования оккультной силы, но и когда он (как вскоре будет видно) проявляет к этой небольшой книжке дружеский интерес, расценивая ее как один из факторов, способных постепенно подточить основу догматизма и глупости, на которой так прочно укоренилась наука, мнящая себя столь либеральной.

Следующее письмо от Кут Хуми, его третье длинное послание, дошло до меня вскоре после того, как я вернулся в Аллахабад из-за холодов. Но перед этим, в самый день возвращения в Аллахабад, я получил от него еще одно послание, а именно телеграмму. Эта телеграмма, не особенно важная по содержанию (в ней всего лишь выражалась благодарность за ряд писем, которые я написал в газеты), тем не менее косвенным образом представляет собою значительный интерес. Она дает мне подтверждение того, что письма Кут Хуми не были делом рук мадам Блаватской, как то предполагают некоторые остроумные личности, нимало не смущаясь разнообразными механическими трудностями, связанными с этой теорией, — причем подтверждение, убедительное не только для меня, но и для других людей. Для человека, знающего мадам Блаватскую так же близко, как я, достаточно ознакомиться со стилем этих писем, чтобы счесть чистой абсурдом предположение о том, что их писала она. Что касается утверждения, будто мадам как автор "Разоблаченной Изиды" наверняка владеет языком настолько хорошо, что затруднительно определить, что именно она могла или не могла написать, то на него ответить легко. Братья так много помогали ей в создании этой книги, что значительные фрагменты текста вообще не принадлежат мадам Блаватской. Она никогда не скрывала этого факта, хотя подобные сведения бесполезно сообщать обществу в целом, поскольку они совершенно непонятны для всех, кроме людей, которые кое-что знают о внешних фактах, — во всяком случае, об оккультизме. Стиль Кут Хуми, по моему мнению, совершенно не похож на стиль мадам Блаватской. Что касается некоторых посланий, которые я получил, когда она находилась в доме рядом со мной, то у нее чисто физически не было ни малейшей возможности их написать.

Итак, телеграмма, полученная мною в Аллахабаде, была отправлена из Джелама и явилась ответом на одно послание, которое я написал Кут Хуми непосредственно перед выездом из Симлы и вложил в письмо, адресованное мадам Блаватской; она выехала несколькими днями раньше меня и в тот момент находилась в Амритсаре. Она получила мое письмо вместе с упомянутым приложением в Амритсаре, 27-го октября; я узнал об этом не только по дате отправления, но и по дате на конверте, который она отправила мне обратно по указанию Кут Хуми, нисколько не подозревая о том, зачем он попросил ее это сделать. Сначала я не мог взять в толк, какой может быть прок от старого конверта, но отложил его в сторону, а впоследствии, когда мадам Блаватская написала мне, что Кут Хуми хочет, чтобы я сохранил оригинал его джеламской телеграммы, я окончательно понял ход его мысли. Благодаря вмешательству одного друга, близкого к администрации телеграфного департамента, мне, в конце концов, удалось увидеть оригинал телеграммы. В ней было около двадцати слов. После этого я понял, какое значение имел конверт. Текст сообщения был написан почерком самого Кут Хуми и представлял собою ответ на письмо, на конверте которого стоял почтовый штампель, свидетельствующий о том, что письмо доставили адресату в Амритсаре в тот же день, когда была послана телеграмма. В тот день мадам Блаватская, несомненно, сама была в Амритсаре и в связи с работой Теософического Общества виделась со множеством людей; тем не менее телеграмма, которую в этот же день отправили с джеламского телеграфа, была написана тем же почерком, что и остальные письма Кут Хуми. Таким образом, хотя некоторые письма Кут Хуми, адресованные мне, прошли через руки мадам Блаватской, нет никаких сомнений, что она не является их автором, так как почерк, которым они написаны, принадлежит определенно не ей.

Очевидно, Кут Хуми в то время действительно был в Джелама или в его окрестностях, на несколько дней, при особых обстоятельствах, окунувшись в мирскую жизнь, чтобы увидеться с мадам Блаватской. Письмо, которое я получил в Аллахабаде вскоре после моего возвращения, объяснило это.

Нашу дорогую "старую Леди" глубоко ранило поведение некоторых скептически настроенных людей в Симле, которых она встречала в нашем доме или еще где-нибудь; будучи не в состоянии усвоить опыт, связанный с демонстрацией феноменов, они постепенно пришли во враждебное расположение духа, являющееся одной из фаз чувства, развитие которого я уже привык наблюдать. Будучи не в состоянии доказать, что феномены являются обманом, но полагая, что они должны являться мошенничеством в силу своей непонятности, люди определенного темперамента становятся одержимыми тем духом, который в пору младенчества естественных наук вдохновлял церковные власти на преследования. По неудачному стечению обстоятельств, у одного джентльмена,

настроенного подобным образом, вызвала досаду мелкая оплошность полковника Олькотта, который в письме в одну из бомбейских газет процитировал некоторые выражения, которые он ранее употребил в честь Теософического Общества и его благотворного влияния на коренных жителей. Раздражение, возникшее из-за этого, подействовало на легко возбудимый темперамент мадам Блаватской в такой степени, какую только способны вообразить люди, знакомые с этой женщиной. Это объясняет соответствующий намек в письме Кут Хуми. Упомянув о важных делах, которыми он занимался с того времени, как написал мне последнее письмо, Кут Хуми продолжил так:

"Вы понимаете, что у нас есть заботы более важные, нежели размышления о мелких обществах; однако Теософическим Обществом не следует пренебрегать. Это начинание получило импульс, который, если его не направить в надлежащее русло, может привести к весьма неприятным последствиям. Вызовите у себя в памяти образ снежных лавин в ваших любимых Альпах и вспомните о том, что вначале масса их мала, а энергия движения — невелика. Быть может, вы назовете это избитым сравнением, однако я не могу придумать более удачную иллюстрацию, когда наблюдаю, как пустяковые события, постепенно накапливаясь, перерастают в опасность, которая угрожает будущему Теософического Общества. Это сравнение с огромной яркостью возникло в моем воображении на днях, когда, спускаясь по ущельям Куньлуна (вы его называете Каракорум), я увидел падение лавины. Я лично побывал у нашего руководителя... и переправлялся через Ладакх по дороге домой. Какие еще умозрительные построения могли за этим последовать, я не могу сказать. Но стоило мне воспользоваться той ужасающей тишиной, которая обычно следует за подобным катаклизмом, чтобы составить себе более ясное представление о положении дел и о наклонностях "мистиков" в Симле, как меня грубо вернули к действительности. Знакомый голос, такой же резкий, как тот, который приписывают павлину Сарасвати, спугнувшего, если верить традиции, царя нагов, пронесся через токи: "Кут Хуми, быстрее приезжай и помоги мне!" В волнении она, по-видимому, забыла, что говорит по-английски. Должен сказать, что когда "старая Леди" выходит на связь, ее "телеграммы" обрушиваются на адресата, словно камни, выпущенные из катапульты.

Что мне еще оставалось делать, как не приехать? Вести на расстоянии спор с человеком, пребывающим в беспросветном отчаянии и в состоянии душевного смятения, было бесполезно. Поэтому я решил выйти из своего многолетнего уединения и провести некоторое время с мадам Блаватской, чтобы утешить ее, насколько смогу. Однако она — не из тех, кто может принудить себя к философскому смирению в духе Марка Аврелия. Парки не написали, что она сможет сказать: "Воистину царственное величие заключено в том, чтобы делать добро, слыша, что о тебе говорят дурно". Я приехал на несколько дней, но теперь обнаружил, что более не могу выдерживать удушающий магнетизм, исходящий даже от моих соотечественников. Я видел, как некоторые из наших гордых старых сикхов шатались, пьяные, на мраморных ступенях своих священных храмов. Я слышал, как один англоговорящий вакиль* громил йога-видью и теософию как заблуждение и обман, утверждая, что английская наука освободила индийцев от столь низменных суеверий, что для Индии оскорбительно заявление, будто грязные йоги и саньясины что-либо знают о тайнах Природы и что кто-либо из живых людей может или хотя бы мог демонстрировать какие-либо феномены. И завтра я уезжаю домой.

...В телеграмме я выразил вам признательность за то, что вы любезно пошли навстречу моим пожеланиям в вопросе, о котором упомянули в своем письме от 24-го числа... полученном в Амритсаре 27-го, в два часа пополудни. Я получил ваше письмо пять минут спустя, находясь примерно милях в тридцати за Равалпинди, и в тот же день, в четыре часа пополудни, отправил вам из Джелама телеграмму с выражением благодарности. Как видите, наши способы ускоренной доставки почты и быстрой коммуникации* не стоит недооценивать ни западному миру, ни даже скептически настроенным англоговорящим арийским вакилям.

Я не мог пожелать для своего союзника более справедливого настроения духа, нежели то, которое начинаете ощущать в себе вы. Брат мой, вы в определенной степени уже изменили свое отношение к нам. Что может помешать нам достичь в один прекрасный день полного взаимопонимания?.. Ваш народ мог бы проявить по отношению к нам, в лучшем случае, благожелательный нейтралитет; вряд сейчас можно ожидать большего. Две цивилизации, которые соответственно представляют оба наших народа, имеют между собою так мало точек соприкосновения, что иной, пожалуй, мог бы сказать, что они вообще почти ни в чем не пересекаются. Они действительно соприкасаются лишь в глазах немногих людей — назвать ли мне их эксцентриками? — которые, подобно вам, лелеют более смелые и прекрасные мечты, нежели все остальные, и, пробуждая мысль, сближают эти две цивилизации благодаря своей замечательной смелости".

* Многие старые индийцы, а также авторы некоторых книг о восстании сипаев упоминают, что вести о событиях, произошедших на значительном расстоянии, иногда совершенно непонятным образом распространялись по туземным базарам, прежде чем их узнавали европейцы, живущие в тех местах, невзирая на то, что в распоряжении последних находились самые быстрые средства связи. Как мне сообщили, это объяснялось тем, что Братья, стремившиеся сохранить британское владычество в Индии и рассматривавшие его как более удачную власть, нежели любая местная система управления, которая могла прийти ему на смену, оперативно распространяли информацию своими способами, если это помогало утихомирить народные волнения или предотвратить новые восстания, снизив накал страстей. Чувство, которое тогда вдохновляло Братьев, одушевляет их по-прежнему, и со стороны Правительства было бы весьма разумно всячески поощрять и поддерживать влияние Теософического Общества в Индии. В самом начале подозрения, направленные против основателей Общества, при всей их ложности, были вполне простительны, но сейчас, когда характер движения в целом стал более понятен, для чиновников британской администрации в Индии было бы лучше при малейшей возможности делать все, что в их силах, дабы продемонстрировать свою симпатию по отношению к патронам Общества, которые неизбежно вынуждены взвалить на себя тяжелую задачу — действовать без указанных проявлений симпатии.

Письмо, лежащее передо мною в настоящее время, в такой степени посвящено вопросам, касающимся меня лично, что я могу привести лишь отдельные цитаты из него; однако они представляют собою особый интерес, поскольку придают аромат реальности тем предметам, о которых обычно говорят туманно и напыщенно. Кут Хуми страстно желал предостеречь меня от чрезмерной идеализации Братьев, возникшей на основе того восхищения, которое у меня вызывали их чудесные способности.

"Уверены ли вы, — писал он, — что приятное впечатление, которое, возможно, сложилось у вас в ходе нашей переписки, не разрушится тотчас же, как только вы меня увидите? И кто из наших праведных шаберонов обладает преимуществом хоть какого-нибудь университетского образования и имеет хоть намек на европейские манеры? Вот вам пример: мне хотелось, чтобы из двух-трех арийских пенджабцев, изучающих йога-видью и являющихся мистиками по своей природе, мадам Блаватская выбрала одного, дабы я, не слишком перед ним раскрываясь, мог отрядить его в качестве посредника между вами и нами, — посредника, которого я горячо желал направить к вам с рекомендательным письмом, чтобы он при этом побеседовал с вами о йоге и ее практическом воздействии. Этот юный джентльмен, чистый, как сама чистота, полный самых высокодуховных и благородных стремлений и помыслов, юноша, способный одним лишь усилием воли проникать в области мира, лишеного форм, — этот юный джентльмен не годится для гостинной. Объяснив ему, что для его страны было бы величайшим благом, если бы он помог организовать отделение английских мистиков, практически доказав англичанам, к каким чудесным результатам ведет изучение йоги, мадам Блаватская в сдержанных и очень деликатных выражениях попросила его сменить одеяние и тюрбан перед отправлением в Аллахабад, так как (эту причину она ему не назвала) они были грязны и неряшливы. "Вам надо передать мистеру Синнетту, — сказала она ему, — что вы привезли ему письмо от Брата, с которым он переписывается, но если мистер Синнетт спросит у вас что-нибудь об этом Брате или о других Братьях, отвечайте ему просто и искренне, что вам не позволено распространяться на эту тему". Согласившись на наше предложение, этот молодой человек впоследствии написал ей следующее любопытное письмо: "Мадам, — говорилось там, — вы, которая проповедует высочайшие стандарты морали, правдивости и так далее, и тому подобное, — вы заставили бы меня сыграть роль обманщика. Вы просите меня переодеться, рискуя создать ложное представление о моей личности и вводя в заблуждение того человека, к которому вы меня посылаете". Вот вам иллюстрация трудностей, с которыми сопряжена наша работа. Будучи не в состоянии послать вам неофита, прежде чем вы сами не дали нам торжественного обещания, мы вынуждены либо держаться в стороне, либо посылать того, кто, в лучшем случае, вас шокирует, а то и вовсе внушит вам отвращение".

Кроме этого рассуждения, в данном письме остается совсем немного высказываний, которые уместно здесь процитировать. Кут Хуми конфиденциально сообщил, что как только возникнет возможность связаться со мною "письмом (в подушке или без оной) или посредством личных визитов в астральном теле", это будет сделано. "Но помните, — добавил он, — что Симла находится на 7000 футов выше Аллахабада, и трудности, которые приходится преодолевать в последнем случае, воистину громадны". Для обычного ума проявления "магии" едва ли могут отличаться по степени сложности;

таким образом, слабый намек, содержащийся в последней фразе, может показать, что хотя феномены Братьев и кажутся магическими (если отбросить в сторону тупоумную версию об обмане), это такая магия, которая подчиняется своим собственным законам. На заре химии большинство тел Природы считались элементами, но количество последних уменьшалось по мере проведения все более и более глубоких исследований закона комбинаций. Так обстоит дело и с магией. Гонять облака в корзине или посылать сообщения по морскому дну — это могло быть магией в одну историческую эпоху, но стать обыденным явлением в другую. Для большинства представителей нынешнего поколения феномены в Симле являются магией, но несколько поколений спустя психический телеграф сам по себе может стать если не достоянием человечества, то хотя бы научным фактом, столь же неоспоримым, как и дифференциальное исчисление, и будет известно, что подобные способности доступны подходящим людям, которые возьмутся за их изучение. То, что достичь его и других аналогичных явлений в одних слоях атмосферы легче, нежели в других, — это уже практическое предложение, направленное на то, чтобы спустить эти способности из сферы магии или, если сформулировать данную мысль по-другому, поднять их в область точных наук.

Мне было дозволено вставить в книгу большую часть письма, которое Кут Хуми адресовал другу, упомянутому в предыдущем отрывке. Это письмо стало началом их переписки, где они обсуждали идею, которую указанный друг обдумывал при определенных обстоятельствах, а именно — идею целиком посвятить себя занятиям оккультизмом. Письмо в значительной степени проясняет метафизические концепции оккультистов; а ведь не стоит забывать, что их метафизика — это нечто гораздо большее, нежели абстрактные умозрительные построения.

"Дорогой сэръ! Пользуясь первыми выпавшими мне свободными минутами, чтобы официально ответить на ваше письмо от 17-го числа прошлого месяца, сообщаю о результатах совещания с нашим руководством относительно предложения, изложенного в вашем письме, и одновременно постараюсь ответить на все ваши вопросы.

Прежде всего, хочу поблагодарить вас от имени целого отдела нашего Братства, особо заинтересованного в благосостоянии Индии, за предложение помощи, важность и искренность которого не вызывает сомнений. Ведя свое происхождение через превратности развития индийской цивилизации еще с отдаленного прошлого, мы испытываем к нашей родине столь глубокую и страстную любовь, что смогли сохранить ее даже в условиях расширяющего и космополитизирующего (извините меня, если это не английское слово) воздействия, которое оказывает на нас изучение законов Природы. И поэтому я, как и любой другой патриот Индии, испытываю сильнейшую благодарность за каждое доброе слово или поступок, совершенный в ее интересах.

Теперь поймите: коль скоро все мы убеждены, что упадок Индии во многом вызван удушением ее древней духовности и что все, помогающее восстановить высокий уровень мышления и морали, является для индийской нации возрождающей силой, каждый из нас естественным образом, безо всякого понукания, склонен способствовать созданию общества, о котором мы сейчас ведем речь, особенно если оно действительно мыслится как организация, чуждая всяким эгоистическим побуждениям и имеющая свою целью возродить древнюю науку и восстановить в мире уважение к нашей стране. Считайте это вещь само собою разумеющейся, которая не требует дальнейших торжественных заявлений. Но вы, как любой человек, сведущий в истории, знаете, что патриоты могут страдать напрасно, если обстоятельства оборачиваются против них. Временами случалось, что никакая человеческая власть и даже яростная сила высочайшего патриотизма не были в состоянии изменить неумолимый ход железного рока, и тогда народы угасали, погружившись во тьму гибели, словно факелы, опущенные в воду. Поэтому мы, ощущающие упадок нашей страны, но не имеющие сил немедленно возвысить ее, не можем действовать так, как стали бы действовать при иных обстоятельствах, — ни в главном, ни в этом частном вопросе. Мы не имеем права принять ваше предложение более чем наполовину, хотя внутренне ощущаем готовность к этому, и потому вынуждены сказать, что идея, которую лелеете вы с мистером Синнеттом, осуществима лишь частично. Коротко говоря, ни меня, ни какого-либо другого Брата, ни даже продвинутого неопита нельзя специально назначить духовным руководителем или начальником англо-индийского отделения. Мы знаем, что было бы неплохо иметь возможность регулярно обучать вас и нескольких ваших коллег, демонстрируя вам феномены и сопровождая их рациональным объяснением. Хотя нам не удалось убедить никого, кроме вашей немногочисленной группы, нам было бы все же бесспорно выгодно привлечь к изучению азиатской парапсихологии хотя бы нескольких англичан, одаренных первоклассными способностями. Мы осознаем все это, а также гораздо большее; поэтому мы не отказываемся от переписки с вами и от того, чтобы разными способами оказывать вам иную помощь.

Но от чего мы отказываемся, так это от любой ответственности, помимо периодической переписки и помощи советами, а также помимо демонстрации материальных, по возможности зримых, доказательств нашего присутствия, способных удовлетворить ваш интерес, — демонстрации, которую мы будем производить при благоприятном стечении обстоятельств. "Руководить" вами мы не согласны. Как бы велики ни были наши возможности, мы можем лишь обещать, что в полной мере воздадим вам по заслугам. Заслужите много — мы окажемся честными должниками; заслужите мало — сможете ожидать лишь возмещения своих затрат. Это не просто цитата из школьной прописи, хотя так может показаться; это всего лишь грубое изложение закона нашего ордена, и мы не можем преступить этот закон. Если бы нам, совершенно не знакомым с западным, особенно с английским, образом мысли и действия, пришлось вмешаться в деятельность такого рода организации, то вы бы обнаружили, что ваши установившиеся привычки и традиции непрерывно вступают в противоречие если не с новыми устремлениями, взятыми сами по себе, то, по крайней мере, со способами их реализации, которые мы стали бы вам предлагать. Вы не смогли бы получить от нас единодушного разрешения даже на то, чтобы дойти до тех пределов, которых вы можете достичь самостоятельно. Я попросил мистера Синнетта составить проект, включающий ваши совместные идеи, дабы представить его нашим руководителям, потому что это кажется мне кратчайшим путем к достижению взаимного согласия. Ваше отделение не могло бы существовать под нашим "руководством"; вы вообще не те люди, которыми можно руководить в подобном смысле. Следовательно, общество родилось бы преждевременно и потерпело бы фиаско, выглядя столь же нелепо, как парижский экипаж, влекомый упряжкой индийских яков или верблюдов. Вы просите, чтобы мы обучали вас истинной науке — оккультному аспекту известной стороны Природы; и вы полагаете, что сделать это так же легко, как и попросить об этом. Похоже, вы не осознаете огромных трудностей, существующих на пути передачи даже элементарных начатков нашей науки тем, кого обучали привычными вам методами. Вы и в самом деле не понимаете, что чем в большей мере вы обладаете знанием одного рода, тем менее вы способны инстинктивно понять знание другого рода, потому что мысль человека обычно устремляется по привычной колее, и если у него не хватит смелости восполнить недостающее и проложить себе новые пути, то ему волей-неволей придется двигаться по проторенным дорожкам. Позвольте привести вам несколько примеров. Согласно точным наукам, вам следовало бы выделить лишь одну космическую энергию, не делая разницы между энергией, которую затрачивает путешественник, чтобы отодвинуть куст, преграждающий ему дорогу, и таким же количеством энергии, которое ученый-экспериментатор затрачивает на то, чтобы привести в движение маятник. Мы смотрим на это по-другому и знаем, что между двумя указанными случаями существует колоссальная разница. В первом случае человек попусту рассеивает и распыляет силу, во втором — концентрирует и сохраняет ее. Пожалуйста, поймите меня правильно: я имею в виду не относительную полезность обоих действий, как может показаться, но лишь тот факт, что в одном случае речь идет только о грубой силе, которая разбрасывается безо всякой трансмутации этой грубой энергии в более высокую возможную форму духовной динамики, а во втором случае указанное превращение как раз присутствует. Прошу вас, не считайте, что я пускаюсь в туманные метафизические рассуждения. Мысль, которую я хочу выразить, состоит в том, что результатом высшей деятельности ума, занятого научными изысканиями, является эволюция сублимированной формы духовной энергии, которая может достигать неограниченных результатов в своем космическом действии; в то время как мозг, работающий автоматически, удерживает, или накапливает в себе, лишь определенное количество грубой силы, которая не породит никакого блага ни для индивидуума, ни для человечества. Человеческий мозг — неистощимый генератор самой утонченной космической силы, которую он производит из низкой, грубой энергии Природы; высший адепт делает себя центром, излучающим потенциальные возможности, которые зон за зоном порождают все новые взаимосвязи. В этом состоит разгадка способности адепта проецировать в видимый мир и материализовывать в нем формы, которые его воображение создало в невидимом мире из инертной космической материи. Адепт не создает ничего нового, он только пользуется и манипулирует накопленными в Природе материалами, которые находит вокруг себя, — материалами, которые прошли через все формы в течение бесконечных веков. Ему остается лишь выбрать ту форму, какую он пожелает, и призвать ее к объективному существованию. Разве это не покажется бредом сумасшедшего любому из ваших "ученых" биологов?

Вы говорите, что существует ряд отраслей науки, с которыми вы совершенно не знакомы, и что, по вашему мнению, вы сможете сделать немало добра, если ознакомитесь с ними, посвятив учению долгие годы. Несомненно, так оно и есть; но позвольте мне вкратце более ясно изложить вам разницу между методами физических наук (в приложении к которым эпитет "точные" часто является всего лишь комплиментом) и наук метафизических. Мистер Тиндаль ставит метафизические науки, которые, как вы знаете, не поддаются проверке перед смешанной аудиторией, в один ряд с поэтическим

творчеством. С другой стороны, реалистическая наука, основанная на фактах, сугубо прозаична. Но для нас, бедных безвестных филантропов, любой факт как тех, так и других наук интересен лишь в той мере, в какой он потенциально может принести нравственные результаты и пользу человечеству. А что может быть более безразличным ко всем и вся в своем гордом одиночестве и более связанным с исключительно эгоистическими потребностями в своем распространении, нежели материалистическая наука фактов? Позвольте мне спросить... какое отношение имеют законы Фарадея, Тиндаля и прочих к филантропии, взятой в ее абстрактном отношении к человечеству, если рассматривать его как разумное целое? Что они дают человеку как отдельному атому этого великого и гармоничного целого, даже если и могут порою приносить этому атому практическую пользу? Космическая энергия есть нечто вечное и непрерывное; материя неразрушима, и это подтверждают научные факты. Усомнитесь в них — и вы невежда; отрицайте их — и вы опасный безумец, фанатик; сошлитесь на усовершенствование теорий — и вы наглый шарлатан. Но даже эти научные факты никогда не давали обществу экспериментаторов никакого доказательства того, что Природа сознательно предпочитает, чтобы материя была более неразрушимой в органических, а не в неорганических формах, и что Природа медленно и непрерывно работает, стремясь к своей цели — к возникновению сознательной жизни из инертного вещества. Отсюда проистекает невежество ученых в вопросах распыления и сгущения космической энергии в ее метафизическом аспекте, отсюда их разногласия по поводу теории Дарвина, неуверенность относительно того, какова степень сознательной жизни в отдельных стихиях, и, как неизбежное следствие, презрительное неприятие любого феномена, который не вписывается в ими же установленные условия, равно как и неприятие самой мысли о том, что в укромных уголках Природы трудится бесчисленное множество если не мыслящих, то, во всяком случае, полуразумных сил. Вот вам еще одна практическая иллюстрация: мы видим громадную разницу между качеством двух одинаковых количеств энергии, которые затрачивают два человека, один из которых идет на свою скромную ежедневную работу, а другой — в полицейский участок доносить на приятеля. Люди науки в этом случае не замечают никакого различия. Это не они, а мы видим специфическую разницу между энергией ветра и энергией вращающегося колеса. А почему? Потому что любая мысль человека, развиваясь, переходит в духовный мир и становится активной сущностью, присоединяясь, или, как еще можно выразиться, срастаясь с одним из элементалов, то есть с одною из полуразумных сил соответствующего царства. Она продолжает жить в качестве активного разумного существа, порождения человеческого сознания, и период ее жизни определяется изначальной интенсивностью усилия мозга, которое эту мысль породило. Таким образом, добрая мысль сохраняется в качестве деятельной, благотворной силы, злая — в качестве вредоносного демона. Вот так человек непрерывно населяет энергетический поток, создаваемый им в пространстве, творениями своих фантазий, желаний, побуждений и страстей; этот поток реагирует на любой организм, вступающий с ним в контакт и наделенный нервной системой или просто чувствительностью, — реагирует пропорционально своей динамической интенсивности. Буддисты называют этот поток "шандба", индуисты дают ему название "карма". Адепт сознательно развивает эти формы, другие люди исторгают их из себя бессознательно. Чтобы достичь успеха и сохранить свою силу, адепт должен жить в одиночестве, более или менее погрузившись в глубины собственной души. Точные науки еще меньше способны осознать, что муравей, сооружающий муравейник, пчела за работой и птица, вьющая гнездо, накапливают, каждый своим нехитрым способом, столько же космической энергии в ее потенциальной форме, сколько Гайдн, Платон или пахарь, проводящий борозду плугом, — своими способами; напротив, охотник, убивающий добычу ради удовольствия или выгоды, или позитивист, напрягающий свой разум, дабы доказать, что плюс, умноженный на плюс, дает минус, тратят не меньше энергии, чем тигр, набрасывающийся на жертву. Все они грабят Природу, вместо того чтобы обогащать ее, и всем им придется держать за это ответ в зависимости от степени их разумности.

Точные науки, основанные на опыте, не имеют ничего общего с моралью, добродетелью и филантропией; следовательно, они не могут притязать на нашу помощь, пока не придут в гармонию с метафизикой. Они представляют собою лишь холодную классификацию фактов, внешних по отношению к человеку, — фактов, которые существовали до него и будут существовать после него, и сфера полезности этих наук прекращается для нас на внешней границе этих фактов; точные науки мало волнуют, какие заключения и результаты последуют для человечества из материалов, добытых их методами. Следовательно, коль скоро наша сфера лежит так же далеко за пределами сферы точных наук, как орбита Урана — за пределами орбиты Земли, мы определенно отказываемся быть колесованными на колесе вашей науки. Для точных наук теплота — всего лишь вид движения, а движение порождает теплоту, но почему механическое движение вращающегося колеса должно иметь в метафизическом плане гораздо большую ценность, нежели теплота, в которую это движение

постепенно преобразуется, — это точным наукам еще предстоит открыть. Для людей науки немислимо философское и трансцендентное (а потому нелепое) представление средневековых теософов о том, что кульминацией окончательного прогресса человеческого труда, подкрепленного нескончаемыми человеческими открытиями, должен стать некий процесс, который, подобно энергии Солнца, способной выступать в качестве непосредственного двигателя, приведет к превращению неорганической материи в пищевые продукты. Если бы Солнцу, великому питающему отцу нашей планетной системы, пришлось бы завтра "в условиях эксперимента" высиживать гранитных цыплят из гальки, то они (люди науки) приняли бы это как научный факт, не размениваясь на сожаления по поводу того, что каменные цыплята — не живая птица, и ими нельзя накормить умирающих от голода. Но если какой-нибудь шаберон в голодное время перешел бы через Гималаи и своим способом воспроизвел в большом количестве мешки с рисом, чтобы спасти множество людей, умирающих от голода, — ваши судьи и сборщики налогов наверняка засадили бы его в тюрьму, чтобы заставить признаться, чьи амбары он ограбил. Таковы точные науки и ваше здравомыслящее общество. И хотя, по вашим словам, вас впечатляет то, как сильно распространилось в мире невежество по любому вопросу, которое вы метко характеризуете как "несколько очевидных фактов, собранных и грубо обобщенных, и технический жаргон, изобретенный для того, чтобы скрывать людское невежество во всем, что лежит за пределами этих фактов"; хотя вы говорите о своей вере в бесконечные возможности Природы, вы тем не менее согласны потратить свою жизнь на работу, которая идет на пользу лишь все тем же точным наукам...

Что касается ряда вопросов, заданных вами, то я, если позволите, начну с вопроса о том, что "Братству" якобы не удалось "оставить какой-либо след в мировой истории". Вы полагаете, что Братьям, при тех исключительных преимуществах, которыми они располагают, следовало бы "собрать в свои школы значительную часть наиболее просвещенных умов каждого народа". Но откуда вы знаете, что Братья не оставили в истории следа? Знакомы ли вы с их стремлениями, успехами, неудачами? Есть ли у вас основания судить их? Да и как ваше общество могло бы собрать доказательства поступков, совершенных людьми, которые перекрыли все возможные подступы для назойливых любопытных, чтобы не дать за собою шпионить? Первейшим условием успеха Братьев было то, чтобы за ними никто не следил и чтобы им никто не мешал. Сами они знают, чего добились, но всё, что могли воспринять те, кто не входит в их круг, — это результаты и следствия, причины которых скрыты от посторонних глаз. Чтобы как-то объяснить эти результаты, людям в разные эпохи приходилось изобретать теории о вмешательстве богов, об особых провиденциальных силах, о благоприятном или враждебном влиянии звезд. В течение так называемого исторического периода, а также и до него не было времени, когда бы наши предшественники не формировали события, не "делали историю", факты которой историки впоследствии неизменно искажали в угоду современным предрассудкам. Вполне ли вы уверены в том, что видные героические фигуры, эти действующие лица драм, следовавших одна за другою, зачастую не были просто марионетками в руках Братьев? Мы никогда не претендовали на способность ввергать целые народы в тот или иной кризис вопреки основным тенденциям космических процессов вселенной. Циклические процессы должны идти своим чередом. Периоды света и тьмы в умственной и нравственной сферах сменяют друг друга, как день сменяет ночь. Великие и малые юги должны завершаться согласно установленному порядку вещей. А мы сами, несомненно мощным потоком, можем лишь видоизменять и корректировать некоторые из его малых течений. Если бы мы обладали властью воображаемого Личного Бога, а неизменные универсальные законы были бы нашей игрушкой, тогда, конечно, мы смогли бы создать такие условия, что эта земля превратилась бы в Аркадию для возвышенных душ. Но поскольку мы вынуждены иметь дело с неизменным законом и сами являемся его созданиями, мы должны были делать то, что могли, и оставаться благодарными. Бывали периоды, когда "значительная часть просвещенных умов" обучалась в наших школах. Такие времена знали Индия, Персия, Египет, Греция и Рим. Но, как я отмечал в одном из писем к мистеру Синнетту, адепт — это цветок своей эпохи, и за целое столетие появляется сравнительно немного таких людей. В плане морали Земля является полем битвы ничуть не меньше, нежели в отношении физических сил, и неистовость животных страстей всегда склонна подавлять духовность под влиянием грубых энергий низшей группы эфирных сил. Чего еще можно ожидать от людей, столь тесно связанных с низшим царством, из которого они вышли в процессе эволюции? Верно и то, что именно сейчас наши ряды редеют, но это потому, что, как я уже говорил, мы принадлежим к роду человеческому, подвластны циклическому импульсу и бессильны обратить его вспять. В силах ли вы повернуть Ганг и Брахмапутру обратно к истокам? Можете ли вы хотя бы перегородить их плотинами так, чтобы вздувшиеся воды не вышли из берегов? Нет; но вы можете частично направить эти воды в каналы и использовать их гидравлическую энергию на благо человечества.

Так и мы, хотя не в силах помешать движению мира в направлении, предначертанном судьбою, но все же можем отвести часть его энергии в полезные каналы. Если вы представляете нас полубогами, мое объяснение вас не удовлетворит; но если рассматривать нас как простых людей, которые, быть может, стали чуть более мудрыми благодаря специальной подготовке, оно должно послужить ответом на ваше возражение.

"Чего хорошего можем добиться мы с моим приятелем (мы неотделимы друг от друга) при помощи оккультных наук?" — спрашиваете вы. Если туземцы увидят, что англичане и даже некоторые высшие чиновники британской администрации в Индии проявляют интерес к науке и философии их предков, они и сами открыто возьмутся за их изучение. А если они придут к пониманию того, что древние "божественные" феномены были не чудесами, а научными эффектами, то ослабуют суеверия. Таким образом, величайшее зло, угнетающее индийскую цивилизацию и препятствующее ее возрождению, со временем исчезнет. Ныне в образовании господствует тенденция к тому, чтобы сделать индийцев материалистами и с корнем выкорчевать из них духовность. При условии надлежащего понимания того, что хотели выразить наши предки в своих писаниях и учениях, образование стало бы благословением, тогда как сейчас оно зачастую является проклятием. В настоящее время коренные жители Индии, как необразованные, так и просвещенные, считают, что христианская вера и современная наука делают англичан слишком предубежденными, чтобы последние стремились понять индийцев и их традиции. Англичане и индийцы охвачены взаимной ненавистью и недоверием. Под влиянием изменившегося отношения к древней философии индийские князья и состоятельные люди стали бы открывать средние школы для обучения пандитов; снова обнаружались бы старинные рукописи, до сих пор скрытые и недостижимые для европейцев, а имеете с ними — ключ ко многому из того, что было веками недоступно пониманию народных масс, того, что ваши скептически настроенные санскритологи не стремятся, а ваши религиозные миссионеры — не осмеливаются понять. Наука приобрела бы при этом многое, а человечество — всё. Благодаря стимулирующему влиянию англо-индийского Теософического Общества, мы со временем могли бы стать свидетелями нового золотого века санскритской литературы...

Обратив свои взоры к Цейлону, мы увидим, как наиболее просвещенные священнослужители объединяются под руководством Теософического Общества, придя к новому толкованию буддийской философии; а в Галле 15-го сентября, в присутствии более чем трехсот учащихся, открылась светская теософская школа для обучения сингальской молодежи — пример, которому на этом острове собираются последовать еще в трех местах. Если Теософическое Общество "в своем теперешнем состоянии" и в самом деле не обладает "подлинной жизнеспособностью", но при этом его скромные усилия тем не менее приносят столько практической пользы, то насколько более впечатляющих результатов следует ожидать от организации, устроенной в соответствии с самым лучшим проектом, какой вы только могли предложить?

Те причины, которые внедряют материализм в сознание индусов, в равной степени воздействуют и на все мышление Запада. Система образования возводит на престол скептицизм, но заключает в темницу духовность. Вы могли бы принести колоссальную пользу, помогая народам Запада обрести надежную основу для воссоздания их гибнущей веры. Все, что им нужно, — это эмпирические свидетельства, источником которых может служить только азиатская парапсихология. Дайте их Европе, и вы принесете счастье душам тысяч людей. Эра слепой веры миновала, воцарилась эпоха исследований. Исследования, которые лишь разоблачают ошибки, но не дают никакого фундамента, на котором могла бы строить душа, лишь создают борцов с традиционными религиями и предрассудками. В силу своей деструктивности такого рода борьба ничего не дает; она способна лишь разрушать. Но человека не может удовлетворить одно лишь голое отрицание. Агностицизм — это всего лишь временная остановка на пути. Этот момент подходит для того, чтобы задать направление периодически возвращающемуся импульсу, который уже на подходе и который либо заставит нашу эпоху двигаться в сторону крайнего атеизма, либо потащит ее назад, к полному контролю духовенства над государственными делами, если вообще не вернет ее к философии древних ариев, ориентированной на душевные потребности. Тот, кто в наши дни наблюдает за тем, что происходит, с одной стороны, среди католиков, которые плодят чудеса с такою же легкостью, как термиты — свое потомство, а с другой стороны — среди вольнодумцев, которые в массовом порядке превращаются в агностиков, — тот сможет уловить современные тенденции. Наш век охватила целая оргия необыкновенных явлений. Католики в большом количестве приводят для подтверждения веры в сверхъестественное те самые чудеса, на которые спиритуалисты ссылаются в противовес догмам о вечных муках и искуплении. А скептики потешаются и над католиками, и над спиритуалистами. Нойте, и другие, и третьи — слепцы, не имеющие поводыря. Вы и ваши коллеги можете помочь в

предоставлении материала для универсальной религиозной философии, которая необходима миру, — философии, неуязвимой для нападок со стороны ученых, поскольку она сама по себе является завершением абсолютной науки, и религии, воистину достойной этого названия, поскольку она будет включать в себя отношения человека физического с человеком психическим, а их обоих — с тем, что выше и ниже их. Разве ради этого не стоит принести небольшую жертву? И если вы, по зрелом размышлении, все же решитесь предаться этой новой деятельности, то вам следует знать, что ваше Общество — это не лавка чудес, не клуб, устраивающий званые обеды, и не организация, чья цель состоит в изучении феноменов.

Главная задача Общества заключается в том, чтобы искоренять современные предрассудки и скептицизм, извлекать из древних источников, давно пребывающих под спудом, доказательства того, что человек может творить свое будущее, свою судьбу, зная наверняка, что при желании он способен жить в потустороннем мире, что все "феномены" являются лишь проявлением естественного закона, а долг каждого разумного существа — постичь этот закон".

Я до сих пор ничего не сказал об обстоятельствах, при которых разные письма Кут Хуми попадали ко мне в руки; по сравнению с тем существенным интересом, который представляет идейное содержание этих писем, условия, при которых я получил их, могут вызывать у читателя, способного оценить философию посланий, не более чем второстепенный интерес. Тем не менее достойно внимания любое эмпирическое свидетельство, помогающее выявить природу способностей, присущих адептам, при том, что рациональное объяснение этих способностей по-прежнему скрыто от мира. До тех пор, пока мы не в состоянии доказать существование таких способностей путем априорного анализа возможностей, скрытых в человеке, сам факт их существования можно установить лишь путем накопления подобных свидетельств.

Мой друг, которому было адресовано последнее послание, написал на него длинный ответ, а позднее дополнительно направил Кут Хуми еще одно письмо, которое предварительно переслал мне с просьбой прочитать его, а потом запечатать и выслать или передать мадам Блаватской, чтобы она переправила его по назначению. Мы ожидали, что мадам в ближайшее время заедет погостить в мой дом в Аллахабаде по дороге из Амритсара и Лахора, где она, как я уже отмечал, провела немного времени после того, как наши домочадцы в Симле разъехались на каникулы. Как пожелал мой друг, я передал письмо мадам Блаватской, заклеив и запечатав плотный конверт, в котором мне его доставили. Тем же вечером, несколько часов спустя, вернувшись домой на ужин, я узнал, что письмо было отправлено и уже успело вернуться. Мадам Блаватская рассказала мне, что она сидела за письменным столом у себя в комнате и разговаривала с посетителем, бессознательно вертя в руках синий карандаш. Внезапно она обратила внимание на то, что бумага, по которой она водит кончиком карандаша, — это мое письмо, которое адресат должным образом получил своими методами час или два назад. Мадам Блаватская обнаружила, что, говоря о чем-то совершенно постороннем, она неосознанно написала на конверте слова, которые так на нем и остались: "Прочитано и возвращено с благодарностью и несколькими комментариями. Пожалуйста, вскройте". Я внимательно осмотрел конверт: он был абсолютно неповрежден, заклеен и запечатан именно в том виде, в каком я его и передал. Вскрыв конверт, я обнаружил в нем письмо своего друга, которое я ранее передал мадам Блаватской, и еще одно послание от Кут Хуми, предназначенное мне. В последнем содержались критические замечания по поводу первого письма — ряд карандашных пометок, отсылавших к конкретным пассажирам письма-первоисточника. Вот еще одна иллюстрация того, как материя проходит сквозь материю; для тысяч людей, которые на собственном опыте познакомились с этим феноменом, занимаясь спиритизмом, подобное прохождение представляет собою такое же очевидное явление природы, как и восход солнца. Я сталкивался с данным феноменом не только на спиритических сеансах, но, как будет видно из этих записей, во многих случаях, когда не было оснований подозревать какое-либо иное воздействие, кроме воздействия живых существ, наделенных способностями, которые в зачаточном состоянии есть, быть может, у всех нас, — просто эти существа благодаря знанию получили возможность пользоваться ими.

Оставив в стороне параллельные демонстрации всех предыдущих феноменов, описанных мною, и изолированно рассматривая только этот феномен с письмом, скептически настроенные критики, вероятно, скажут: "Ну конечно, у мадам Блаватской было достаточно времени, чтобы вскрыть конверт одним из тех способов, к которым прибегают медиумы, заявляющие, что они получают из загробного мира ответы на запечатанные письма". Но, во-первых, доказательства, свидетельствующие о подлинности джеламской телеграммы, а также неотъемлемые признаки всей нашей переписки показывают, что письма, которые я получаю и в которых узнаю почерк Кут Хуми, во всяком случае, не

являются работой мадам Блаватской; во-вторых, только что описанный мною случай следует сравнить с другим, в точности на него похожим, который произошел чуть позже и при иных обстоятельствах. Кут Хуми прислал мне письмо, адресованное моему другу, чтобы я прочел его и переправил по назначению. Мне представилась возможность связаться с Кут Хуми по поводу этого письма, прежде чем открыть его. Я написал записку, запечатал ее в обычный заклеивающийся конверт и отдал мадам Блаватской. Она положила конверт в карман, зашла к себе в комнату, куда вела дверь из гостиной, и почти сразу же вышла. Она отсутствовала не более тридцати секунд. По ее словам, "он" получил мое послание немедленно. Затем мадам прошла со мной через весь дом в мой кабинет, несколько минут пообщалась с моей супругой в соседней комнате, а затем вернулась ко мне и прилегла на кушетку. Я продолжал заниматься своими делами; так прошло минут десять, а может, и меньше. Вдруг мадам встала. "Вот ваше письмо", — сказала она, указывая на подушку, где только что покоилась ее голова; теперь там лежало письмо, написанное мною. На вид конверт казался совершенно нетронутым, только стоявшее на нем имя Кут Хуми было зачеркнуто, а сверху начертано мое имя. Тщательно осмотрев конверт, я распечатал его и обнаружил на чистой странице, оставшейся в конце моего письма, нужный мне ответ, написанный почерком Кут Хуми. Следует отметить, что весь тот короткий промежуток времени, который прошел между вручением ей моего письма и его возвращением вышеописанным способом, мадам Блаватская непрерывно оставалась у меня на виду, исключая лишь те тридцать секунд, которые она пробыла в своей комнате, и одну-две минуты, проведенные ею в комнате моей супруги. В течение того времени, пока мы ожидали ответ, в мою комнату больше никто не входил. Данный случай является таким полным, абсолютным и автоматическим доказательством целенаправленного использования сверхнормальных способностей, какое только можно ожидать от эксперимента. Любой, даже самый решительный приверженец банальности не сумеет всерьез оспорить убедительность данного случая, кроме как обвинив меня в том, что я неверно описал этот феномен. Единственным прибежищем таких критиков остаются лишь идиотские насмешки либо утверждение, будто я искажаю факты. Что касается последней гипотезы, то я могу лишь заверить и заверяю, что с предельною точностью изложил ход событий.

В одном или двух случаях я получал ответы от Кут Хуми в моих же собственных конвертах, которые оставались нетронутыми, возвращаясь в том виде, в каком я их посылал, только с измененным адресом; моих писем в этих конвертах уже не было — вместо них там лежали ответы Кут Хуми. В двух-трех случаях я находил короткие записки от Кут Хуми на чистых страницах писем, которые мне присылали по почте другие люди, причем авторы писем явно ничего не знали о том, что к их посланиям были сделаны подобные дополнения.

Конечно, я просил Кут Хуми объяснить мне все эти мелкие феномены, но мне было легче спросить об этом, чем ему — дать ответ, отчасти потому, что силы, при помощи которых адепты воздействуют на материю, достигая сверхнормальных результатов, входят в число явлений настолько мало известных обычной науке, что мы, люди внешнего мира, не подготовлены к подобным объяснениям; отчасти же потому, что манипуляции этими силами порою связаны с тайнами посвящения, открывать которые оккультист не имеет права. Тем не менее однажды мне удалось получить в качестве объяснения данного вопроса следующий намек.

"...Кроме того, имейте в виду, что эти мои письма были не написаны, а оттиснуты, или осаждены на бумаге, после чего в тексте были исправлены все ошибки".

Разумеется, мне хотелось побольше узнать об этом "осаждении". Представляет ли оно собою процесс, который следует за мыслью гораздо быстрее, нежели любой из знакомых нам процессов?

А что происходит, когда Кут Хуми получает письмо? Проникает ли смысл текста в сознание оккультного адресата сразу же, или ему приходится читать письмо обычным способом?

"Конечно, мне приходится читать каждое написанное вами слово, — ответил Кут Хуми, — иначе у меня в голове возникла бы порядочная путаница. И как бы ни осуществлялся процесс чтения — при помощи физического или духовного зрения, — на это уходит практически одинаковое количество времени.

То же самое можно сказать и о моих ответных письмах: пользуюсь ли я "осаждением" текстов на бумагу, диктую ли я их или пишу от руки сам — разница в сэкономленном времени мизерна. Прежде чем воспроизвести письмо на бумаге методом "осаждения", я должен все продумать, тщательно сфотографировав каждое слово и предложение в своем мозгу. Подобно тому, как для фиксации на химически обработанных поверхностях тех образов, которые запечатлевают фотокамера, требуется предварительно поймать в фокус объект, который будет изображен (потому что в противном случае,

как часто приходится видеть на плохих фотографиях, ноги могут оказаться совершенно несоизмеримыми голове и так далее), нам тоже приходится предварительно выстраивать в уме все фразы и запечатлеть в сознании каждую букву, которая появится на бумаге, прежде чем текст станет пригодным для чтения. На данный момент это всё, что я могу вам рассказать. Когда наука больше узнает о тайне окаменелостей и об ископаемой летописи, о том, как возникли отпечатки листьев, которые мы обнаруживаем на камнях, тогда я сумею помочь вам понять этот процесс. Но вы должны знать и помнить одно: мы лишь следуем за Природой в ее трудах и рабски подражаем ей".

В другом письме Кут Хуми подробнее распространяется о том, как трудно сделать оккультные объяснения понятными для людей, знакомых лишь с современной наукой.

"Только прогресс в изучении тайных знаний, начатом с элементарных основ, позволит человеку постепенно понять, что мы имеем в виду. Только так и никак иначе, укрепляя и очищая эти таинственные узы симпатии между разумными людьми — временно отделенными друг от друга фрагментами мировой души и самую космическую душу, — можно действительно привести их в полное согласие. Лишь после того, как такое согласие установится, пробудившиеся симпатии послужат соединению человека с тем, что, в связи с отсутствием у европейцев научного термина, более подходящего для передачи этого понятия, я вновь вынужден охарактеризовать как энергетическую цепь, связывающую воедино материальный и нематериальный космос, прошлое, настоящее и будущее, — с тем, что оживит восприятие человека настолько, что он сумеет ясно осознать все объекты не только материального, но и духовного мира. Я даже испытываю некоторое раздражение из-за того, что мне приходится пользоваться этими тремя неуклюжими словами: прошлое, настоящее и будущее. Являясь убогими понятиями для выражения объективных аспектов субъективного целого, они приспособлены для этой цели почти так же плохо, как топор — для филигранной резьбы. О мой бедный разочарованный друг, если бы вы уже продвинулись по Пути настолько далеко, чтобы этой простой передаче понятий не мешало состояние материи, если бы вынужденное бессилие последней не препятствовало союзу наших умов!.. К несчастью, унаследованная и самоприобретенная грубость западного сознания столь велика, а язык современного мышления до сих пор столь сильно развивался в русле практического материализма, что люди Запада сейчас почти не в силах понять, а мы — выразить на их языках что-либо, касающееся тонкой и, по-видимому, идеальной структуры оккультного космоса. Путем учебы и медитации европейцы могут приобрести эту способность в незначительной степени, но не более того. А дальше — барьер, который до сих пор препятствовал распространению веры в теософические истины среди народов Запада, заставляя западных философов отвергать теософические исследования как занятия праздные и бесполезные. Как же я научу вас понимать наш язык, а тем более читать и писать на нем, если он еще не имеет ни алфавита, который вы можете увидеть, ни слов, которые вы можете услышать? Как, например, объяснить феномены современной науки об электричестве древнегреческому философу птолемеевской эпохи, случись ему внезапно воскреснуть, если в области научных открытий его время отделяет от нашего непреодолимая пропасть? Разве технические термины сами по себе не оказались бы для него какой-то невразумительной тарбарщиной, абракадаброй, состоящей из бессмысленных звуков, а приборы и аппараты — лишь сверхъестественными чудическими? И предположите на мгновение, что мне пришлось бы описывать вам линии цветных лучей, лежащих за пределами видимого спектра, — лучей, видимых только немногим даже среди нас; что мне пришлось бы объяснять, каким образом мы находим в пространстве любой из так называемых субъективных цветов, — говоря математическим языком, дополнительных цветов в окраске любого произвольно взятого двухцветного тела (что уже само по себе звучит абсурдно). Как вы думаете: смогли бы вы тогда воспринять их оптическое воздействие или хотя бы понять, что я имею в виду? И коль скоро вы не видите подобных лучей, не в состоянии их различить и пока не имеете для них научных названий, то если бы я сказал вам: "Не вставая из-за своего письменного стола, попытайтесь найти и воспроизвести перед глазами весь солнечный спектр, разложенный, как в призме, на четырнадцать цветов (семь из которых дополнительные), потому что лишь при помощи этого оккультного света вы сможете увидеть меня на расстоянии так, как я вижу вас", как вы думаете: каков был бы ваш ответ? Что вам пришлось бы ответить? Весьма вероятно, что вы возразили бы мне следующее: поскольку всегда существовало лишь семь основных цветов (точнее, три: красный, синий и желтый) и поскольку еще никому не удавалось при помощи какого-либо физического процесса разложить эти цвета более чем на семь спектральных оттенков, то моя просьба столь же ненаучна, сколь и абсурдна. И вы бы добавили, что поскольку мое предложение отыскать воображаемые дополнительные цвета солнечного спектра не делает чести вашему знанию физической науки, то мне лучше было бы пойти поискать свои мифические дихроматические и

солнечные "пары" в Тибете, так как современная наука до сих пор еще не сумела подвести под какую-либо теорию даже такое простое явление, как цвета всех подобных двухцветных тел. И тем не менее истина в том, что эти цвета вполне реальны.

Таким образом, вы видите, какие непреодолимые трудности существуют на пути обретения не только абсолютных, но даже первоначальных познаний в оккультных науках для человека, находящегося в вашем положении. Каким образом вы могли бы заставить себя понять и фактически управлять теми полуразумными Силами, которые общаются с нами не посредством слов, но при помощи цвета и звука, определенных соотношений цветовых и звуковых вибраций? Ведь звук, свет и цвет являются основными факторами, которые формируют уровни разума, свойственные этим сущностям, о самом существовании которых у вас нет никакого представления; вам даже не позволяют верить в них. Атеисты и христиане, материалисты и спиритуалисты — все они соответственно выдвигают свои аргументы против подобной веры, а наука возражает против такого упадочного суеверия еще более резко, нежели каждое из этих направлений.

Итак, в силу того, что они не могут одним прыжком преодолеть пограничные стены и достичь вершин Вечности, из-за того, что мы не можем просто взять какого-нибудь дикаря из Центральной Африки и заставить его сразу постичь "Начала" Ньютона или "Социологию" Герберта Спенсера, или заставить неграмотного ребенка написать новую "Илиаду" на ахейском диалекте древнегреческого языка, или обычного живописца — изобразить пейзажи Сатурна либо сделать наброски с обитателей Арктура, — в силу всего этого отрицается само наше существование. Да, по этой причине тех, кто верит в нас, объявляют глупцами или обманщиками, а ту самую науку, которая ведет к высочайшей цели высшего знания, к подлинному вкушению от Древа Жизни и Мудрости, отвергают как необузданный полет воображения".

Следующий пассаж встретился мне в другом письме, но он вполне естественно дополняет только что приведенный отрывок.

"Истины и тайны оккультизма действительно образуют имеющую высочайшее духовное значение систему, одновременно и глубокую, и практичную по отношению к миру в целом. Однако мы даем вам эту систему не в качестве дополнения ко множеству запутанных теорий и умозрительных спекуляций, но ради той практической связи, которую она имеет с интересами человечества. Слова "ненаучный", "невозможный", "галлюцинация", "мошенничество" — до сих пор употребляли слишком вольно и безответственно, как бы подразумевая, что оккультные феномены либо являются чем-то загадочным и ненормальным, либо представляют собою преднамеренный обман. Вот почему наши руководители решились предоставить нескольким восприимчивым умам больше информации на эту тему и доказать им, что оккультные манифестации точно так же сводятся к определенным законам, как и простейшие физические явления. "Эпоха чудес уже позади", — говорят иные, но мы отвечаем на это: "Ее никогда и не было". Эти феномены, не знаящие себе равных и не имеющие аналогов в мировой истории, должны оказать и окажут неодолимое влияние на общество скептиков и фанатиков. Такие феномены должны оказаться как разрушительными, так и созидательными: разрушительными для пагубных заблуждений прошлого, для старых верований и суеверий, которые, подобно мексиканской сорной траве, душат в своих ядовитых объятиях почти все человечество; созидательными — по отношению к новым установлениям подлинного, практического Братства Человечества, где все будут сотрудничать с Природой, трудиться на благо человечества, с помощью и посредством планетарных духов — единственных духов, в которых мы верим. Вскоре необыкновенные стихии, о которых прежде не думали и не мечтали, начнут проявляться со всевозрастающей силой и раскроют, наконец, секреты своей непостижимой деятельности. Платон был прав: миром правят идеи, и когда сознание людей воспримет новые идеи и отбросит старые и отработанные, мир двинется вперед; новые идеи станут источником мощных революций; неуправляемое движение этих идей, их несокрушимая сила будет сметать религии и даже державы. Когда наступит время, сопротивляться их влиянию будет так же невозможно, как пытаться остановить приливную волну. Но все это придет постепенно, а до тех пор мы должны выполнить возложенную на нас обязанность — вымести вон как можно больше сора, оставленного нам нашими набожными предками. Новые идеи должны укорениться на хорошо расчищенном месте, потому что они касаются самых важных вещей. Мы изучаем не физические явления, а именно эти универсальные идеи; для того чтобы постичь первые, нужно сначала понять вторые. Они касаются истинного положения человека в мире в плане его прошлых и будущих воплощений, его происхождения и конечного предназначения, взаимосвязи смертного и бессмертного, временного и вечного, конечного и бесконечного. Это идеи более значительные, более грандиозные, познающие вечную власть непреложного закона, неизменяемые и не поддающиеся изменениям, —

идеи, для которых существует только Вечное Сейчас, тогда как для непосвященных смертных время их конечного существования на этом материальном земляном комочке делится на прошлое и будущее. Вот что мы изучаем, вот чему многие из нас уже нашли объяснение... Кстати, я тоже человек и потому должен отдохнуть: я не спал вот уже более шестидесяти часов".

Далее идут несколько строк из письма Кут Хуми, адресованного не мне. Они удачно вписываются в приведенную здесь серию отрывков.

"Как бы то ни было, мы довольны своим образом жизни, благодаря которому мы не известны вашей цивилизации, основанной исключительно на интеллекте, и не затронуты ею. Мы также ни в коей мере не озабочены возрождением нашего древнего искусства и высокой цивилизации, потому что они наверняка вернутся в свое время, причем в более высокой форме, подобно тому, как в свое время вернутся плезиозавр и мегатерий. Мы имеем слабость верить в вечно повторяющиеся циклы и надеемся ускорить воскрешение того, что кануло в прошлое. Мы не могли бы помешать этому, даже если бы захотели. Новая цивилизация будет детищем старой, и для того, чтобы наши мертвые восстали из могил, мы лишь должны дать вечному закону осуществляться своим чередом, хотя мы, конечно, стремимся ускорить желанное событие. Не бойтесь: хотя мы действительно "цепляемся за пережитки прошлого", наше знание не исчезнет из поля зрения человека. Оно — "дар богов" и самый драгоценный из всех пережитков. Хранители священного огня не для того прошли невредимыми через столько веков, чтобы вдруг разбиться о скалы современного скептицизма. Наши лоцманы — слишком опытные моряки, чтобы нам нужно было бояться подобной напасти. Мы всегда найдем добровольцев, чтобы сменить уставших часовых, и как бы ни был плох мир в своем нынешнем переходном состоянии, он все равно сможет время от времени поставлять нам по несколько человек".

Вернувшись к своей собственной переписке, к последнему письму, которое я получил от Кут Хуми перед тем, как оставить Индию и отправиться в поездку домой, во время которой я и пишу эти страницы, я прочитал следующее:

"Надеюсь, хотя бы вы поймете, что мы (или большинство из нас) отнюдь не похожи на те иссохшие, нравственно бессердечные мумии, какими нас кое-кто воображает. Меджнур очень хорош на своем месте, то есть как идеальный персонаж захватывающей, во многом правдивой истории. Однако, поверьте мне, немногих из нас прельстила бы в жизни роль аютиных глазок, засушенных между страницами томика высокопарных стихов. Мы, возможно, не совсем "мальчишки", как выразился в наш адрес мистер [Олкотт], и все же никто из людей нашего уровня не похож на сурового героя романа Бульвер-Литтона. При том, что способности к наблюдению, которые наше положение обеспечивает некоторым из нас, несомненно, дают гораздо большую широту взглядов, более явную и беспристрастную, гораздо шире направленную гуманность по отношению к человечеству в целом и ко всем живым существам (потому что, отвечая Эддисону, мы могли бы справедливо утверждать, что "смягчать нашу натуру состраданием является именно задачей "магии""), не ограничивая нашу привязанность и не сосредотачивая ее на одном избранном народе, — все равно лишь немногие из нас (не считая тех, кто уже достиг конечного отрицания Мокши*) настолько свободны от земных привязанностей, чтобы обрести невосприимчивость к высшим удовольствиям, чувствам и интересам обычных представителей человечества. Конечно, это проявляется тем меньше, чем больше человек продвинулся на пути к освобождению, так что, в конце концов, человеческие и чисто индивидуальные личные чувства, кровные узы и дружба, патриотизм и национальные пристрастия отступят, чтобы слиться в одно универсальное чувство, единственно истинное и праведное, единственно бескорыстное и вечное — в Любовь, Безграничную Любовь ко всему человечеству. Потому что, друг мой, именно человечество является великим сиротою на этой земле, единственным сиротою, лишенным наследства. Долг каждого, кто способен на бескорыстное побуждение, — сделать что-нибудь, хоть самую малость, для благоденствия человечества. Тут мне вспоминается старая басня о войне между телом и его членами. Здесь происходит то же самое: каждый член этого гигантского "сироты", лишенного отца и матери, эгоистически заботится лишь о самом себе. Тело, лишенное заботы, вечно страдает, независимо от того, воюют ли его члены или пребывают в покое. Его страдания и муки никогда не прекращаются, и едва ли кто-либо вправе, на манер ваших философов-материалистов, винить человечество в том, что в своем вечном одиночестве и заброшенности оно создало богов, к которым "оно вечно с плачем взывает о помощи, не будучи услышано". Таким образом,

"...коль свою надежду человек

Лишь в человеке может обрести,

Я не позволю плакать никому

Из тех людей, кого могу спасти".

Однако признаюсь, что лично я еще не освободился от некоторых земных привязанностей. Одни люди все еще привлекают меня больше, чем другие, и филантропия в том виде, в каком ее проповедовал наш Великий Покровитель,

"...Спаситель мира, тот,

Кто возвестил Нирвану и Закон", —

никогда не могла истребить во мне ни индивидуальных предпочтений в дружбе и в любви к ближайшим родственникам, ни горячего чувства патриотизма по отношению к стране, где я в последний раз воплотился как личность".

Ранее я спросил у Кут Хуми, в какой степени мне дозволено использовать его письма в работе над этой книгой; поэтому через несколько строк после процитированного отрывка он пишет:

"Я не накладываю никаких ограничений на использование вами всего, что я писал вам или мистеру [Хьюму], поскольку полностью уверен в вашем такте и рассудительности, которые подскажут вам, что именно следует напечатать и как это лучше преподнести. Должен лишь попросить вас..." — и далее он называет одно конкретное письмо, которое не желал бы предавать огласке. — "Что же до остального, я оставляю все это на растерзание критикам".

ОККУЛЬТНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ДОКТРИНЫ

Как уже неоднократно утверждалось, оккультная философия, пройдя через различные страны и исторические периоды, сохранилась до наших дней по существу неизменной. В разные эпохи и в разных местах расцветали, постепенно вытесняя друг друга, весьма несхожие мифологические системы, которыми пользовалась большая часть народа; однако религиозные знания, лежащие в основе каждой общенародной религии и доступные лишь посвященному в них меньшинству, оставались практически идентичными. Конечно, с точки зрения современных западных представлений о том, что верно, а что неверно в этом отношении, представляется оскорбительной сама мысль о религии, которая является достоянием узкого круга людей, в то время как для нужд простого народа создается "псевдорелигия", как окрестили бы ее сейчас.

Однако прежде чем, поддавшись этому чувству, позволить себе слишком категорично осуждать древних укрывателей истины, было бы неплохо решить, в какой степени это чувство определяется некоей разумной уверенностью в том, что обычной пастве пойдет на пользу учение, которое по природе своей должно быть слишком изысканным и утонченным для восприятия основной массы народа, и насколько упомянутое чувство вызвано приобретенной привычкой рассматривать религию как нечто такое, что важно просто исповедовать, независимо от понимания.

Несомненно, если допустить, будто вечное блаженство человека зависит от сделанного им заявления, что он исповедует единственно правильную веру (причем неважно, понимает он ее или нет), которую он удачно вытащил из колоды судьбы, тогда высшим долгом людей, сознающих, что они обладают такою верою, было бы провозглашать это "на кровлях", во всеуслышание. Однако другая гипотеза гласит, что ни одному человеку нет пользы от того, что он бормочет ту или иную словесную формулу, не вкладывая в нее никакого смысла, и что грубым умам подходит лишь грубое, краткое изложение религиозных идей. Согласно этой гипотезе, политика скрытности, культивировавшаяся в древности, была более передовой, нежели кажется на первый взгляд. Разумеется, в современном европейском обществе взаимоотношения между простым народом и посвященными поддаются изменению. Простой народ — если иметь в виду публику в целом, включая самые утонченные умы нашего века, — в состоянии воспринимать метафизические идеи, по крайней мере, не хуже, нежели те, кто принадлежит к любому особому классу. Эти утонченные умы определяют общественное сознание, так что без их помощи среди европейских народов не могут восторжествовать никакие великие идеи, а эту помощь можно гарантированно обеспечить лишь в условиях свободного рынка интеллектуальной конкуренции. Отсюда следует, что малейшее упоминание о некоей эзотерической науке, более возвышенной, нежели те, что открыто предлагаются вниманию ученой общественности, производит на современное западное сознание впечатление нелепости. С этим вполне естественным чувством сейчас просто необходимо бороться — постольку,

поскольку вообще можно просить людей следить за тем, чтобы оно не мешало им мыслить логически, то есть не считать, что коль скоро современному европейцу, овладевающему новой истиной, никогда не пришло бы в голову делать из нее секрет и раскрывать ее только какому-либо Братству, взяв с этих людей обязательство хранить ее в тайне, то, следовательно, подобная идея ни за что и никогда не могла бы посетить какого-нибудь древнеегипетского священнослужителя или интеллектуального титана, воспитанного цивилизацией, которая, согласно одной, не лишенной оснований, гипотезе, распространилась по всей Индии еще до расцвета наук и искусств в Древнем Египте. На самом деле, система тайных обществ была так же естественна для древнего ученого, как и общедоступная система науки — для ученых нашей страны и нашего времени. Разница здесь не только в эпохе или в моде. Необходимо сущностно различать те занятия, которым посвящают себя образованные люди в наши дни, и те, которым предавалось культурное общество в прошедшие эпохи. Мы принадлежим к эпохе материального прогресса, а лозунгом материального прогресса всегда была гласность. Посвященные древнего знания принадлежали к эпохе духовности, а лозунгом субъективного совершенствования всегда была секретность. Можно спорить о том, были ли эти лозунги в обоих случаях обусловлены ситуацией, но подобные размышления, во всяком случае, демонстрируют, что было бы неразумно делать слишком уверенные заявления о характере той философии и о философах, которые могли довольствоваться тем, что хранили в тайне свою мудрость, преподнося толпе религию, приспособленную скорее к уровню понимания тех, кому она была адресована, нежели к вечным истинам.

Сейчас невозможно строить догадки о том, когда же оккультная философия начала принимать ту форму, в которой мы знакомимся с нею в наши дни. Разумно предположить, что последние две-три тысячи лет не прошли даром для преданных этой философии посвященных, которые все это время хранили и передавали ее, и что за данный период времени они внесли какой-то свой вклад в ее совершенствование. И все же опыт и умения посвященных, принадлежавших к самым ранним периодам, которые изучает история, представляются почти такими же внушительными и удивительными, как опыт и умения посвященных нашего времени; поэтому мы должны отнести самые первые истоки оккультных знаний на этой земле к глубочайшей древности. Конечно, подобный вопрос нельзя поднимать до тех пор, пока мы не познакомимся поближе с соображениями, которые подталкивают к совершенно потрясающим выводам в этом отношении.

Однако, если даже абстрагироваться от специфических археологических теорий, уже отмечалось, что "столь глубокая философия, столь облагороженные нравственные нормы и столь убедительные, постоянно доказуемые практические результаты не являются продуктом одного поколения или даже одной отдельно взятой эпохи. Приходилось нанизывать факты на факты, выводы на выводы, из одной науки должна была развиваться другая, бесчисленному множеству ярчайших умов человечества приходилось размышлять о законах Природы, прежде чем это древнее учение обрело конкретную форму. Доказательства того, что основополагающее учение идентично во всех религиях, находят в повсеместном распространении системы посвящений, в тайных жреческих кастах, ведавших мистическими словами силы, и в публичных демонстрациях необыкновенной власти над силами Природы, что указывало на связь со сверхъестественными сущностями. Среди всех этих народов одинаково ревностно охранялись все подступы к их таинствам, а посвященные любых степеней, разглашавшие доверенные им секреты, карались смертью". Только что приведенная цитата из книги показывает, что так обстояло дело с элевсинскими и дионисийскими мистериями, с таинствами халдейских магов и египетских иерофантов. В "Агрушада Парикшай" — индусской книге брахманических церемоний — содержится тот же закон, который, по-видимому, переняли и ессеи, и гностики, и теурги-неоплатоники.

Масонство воспроизвело эту старую формулировку, хотя ее *raison d'être* в данном случае был утрачен одновременно с угасанием в среде масонов оккультной философии, на которой их обряды и церемонии построены в большей степени, нежели обычно представляют себе сами масоны. Доказательства тождественности, о которой идет речь, можно обнаружить в обетах, формулах, ритуалах и учениях различных древних религий, и это подтверждают те люди, которые, я уверен, имеют полное право заявить по поводу данного факта, что "в Индии не только все еще сохранились воспоминания обо всем этом, но и по-прежнему живо Тайное Общество, и оно действует так же активно, как действовало всегда".

Коль скоро я должен подкрепить только что высказанные взгляды несколькими цитатами из "Разоблаченной Изиды" — великой книги мадам Блаватской, — то необходимо привести определенные пояснения относительно происхождения этого труда. Читатель, следивший по

предыдущим страницам за моим повествованием об оккультных опытах, теперь уже лучше подготовлен к этим пояснениям. На самых обычных примерах из повседневной жизни я показал, как мадам Блаватская посредством системы психической телеграфии, используемой посвященными, поддерживает регулярные контакты со своими старшими "Братьями" по оккультизму. Стоит лишь осознать подобное положение дел — и станет легче понять, что при сборе материалов для такого труда, как "Изида", который включает в себя исчерпывающие объяснения всего, что только можно поведать об оккультизме внешнему миру, мадам Блаватской отнюдь не приходилось рассчитывать исключительно на собственные силы.

Истина, которую мадам Блаватская стремится скрыть меньше всех на свете, состоит в том, что помощь, которую она оккультными способами получала от Братьев на протяжении всего периода работы над книгой, была такой обильной и длительной, что мадам не столько является автором "Разоблаченной Изиды", сколько входит в группу *collaborateurs**, фактически создавшую этот труд. Мне дали понять, что, приступая к работе над "Изидой", мадам Блаватская еще ничего не знала о масштабах той задачи, которую она на себя взяла.

В соответствии с пожеланиями ее тайных друзей, мадам стала писать под диктовку, однако сейчас, когда вышли в свет все тома этой книги, она начинается не с пассажей, написанных таким способом. Мадам Блаватская еще не представляла себе, во что выльется эта работа — в газетную статью, в эссе для журнала или в более крупное сочинение. Но объем произведения непрерывно возрастал. Конечно, еще не успев зайти слишком далеко, мадам стала понимать, что она собирается написать. Мадам Блаватскую явно подталкивали к выполнению этой задачи, и она, в свою очередь, внесла большой вклад в работу благодаря собственному природному уму. Однако Братья, по-видимому, всегда поддерживали ее в этой работе не только телепатически диктуя ей текст, как в самом начале, но и прибегая порою к методу "осаждения" текста на бумагу (несколько образцов текста, созданного подобным методом, довелось получить и мне).

Благодаря этому методу нередко, пока мадам спала, изрядное количество подлинных страниц ее рукописи оказывалось написанным чужим почерком. Иногда, просыпаясь по утрам, мадам обнаруживала, что к рукописи, которую она оставила ночью на своем письменном столе, прибавилось до тридцати таких страниц. Книга "Разоблаченная Изида", не говоря уже об ее удивительном содержании, сама по себе является столь же значительным феноменом, как и те невероятные явления, что я описал.

Этим объясняется не только необыкновенная ценность книги для тех, кто, возможно, стремится как можно глубже исследовать тайны оккультизма, но и недостатки данного произведения, очевидные для простого читателя. Божественные способности, которыми обладают Братья, не могут предохранить литературное произведение, являющееся плодом совместного труда нескольких умов, пусть даже из числа Братьев, от композиционной неорганизованности, которая возникает, если создавать книгу подобным способом. Помимо композиционных недостатков, книга отличается чрезвычайной пестротой стиля, что снижает ее литературные достоинства, наверняка раздражая и приводя в замешательство обычного читателя. Но для тех, кто понимает, чем вызвано несовершенство формы данной книги, это несовершенство оборачивается скорее преимуществом, нежели недостатком. Оно может объяснить проницательному читателю некоторые мелкие несоответствия в изложении, встречающиеся в разных частях книги, и к тому же позволит ему как бы по голосу различать отдельных авторов, когда они поочередно пускаются в рассуждения.

Книга была написана (имеется в виду физический процесс написания и составления рукописи) в Нью-Йорке, где мадам Блаватской явно недоставало справочной литературы. Однако произведение изобилует ссылками на всевозможные книги, включая и весьма необычные по характеру, а также цитатами, точность которых легко проверить в крупных европейских библиотеках, так как в сносках указаны номера страниц тех произведений, откуда взяты цитируемые отрывки.

Теперь я могу продолжить подбор фрагментов из "Изиды", дабы продемонстрировать единство эзотерической философии, лежащей в основе различных древних религий, и ту особую ценность, которую для изучающих оккультную философию представляет чистый буддизм. Из всех существующих в мире философских систем именно он преподносит нам оккультную философию в ее наименее искаженной форме. Конечно, читателю не стоит увлекаться ошибочным представлением, будто буддизм в том виде, как его истолковывают авторы, не являющиеся оккультистами, можно воспринимать как воплощение их собственных взглядов. Например, в интерпретации западных ученых одна из главных идей буддизма состоит в том, что "нирвана" равносильна уничтожению.

Возможно, западные ученые правы, утверждая, что именно к такому заключению приводит объяснение нирваны, которое дает экзотерический буддизм, однако он, во всяком случае, не является оккультным учением.

"Нирвана, — утверждается в "Изиде", — означает несомненность личного бессмертия в духе, но не бессмертия души, которая, будучи конечной эманацией, должна распасться на составляющие ее частицы. Представляя собою соединение человеческих чувств, страстей и сильнейшего стремления к некоей объективной форме существования, душа должна разрушиться, прежде чем бессмертный дух Эго освободится и будет застрахован от перевоплощений в какой бы то ни было форме. А как может человек достичь такого состояния, пока упадана, это состояние жажды жизни больше жизни, не исчезнет у чувствующего существа — ахамкары, в какое бы возвышенное тело оно ни было облачено?"

Именно упадана, или сильное желание, создает волю, и именно воля развивает силу, а последняя порождает материю, или объект, имеющий форму. Таким образом, развоплощенное Эго, только одним лишь неумиающим в нем желанием, бессознательно создает условия своего последовательного воспроизведения в различных формах, которые зависят от его ментального состояния и кармы — благих или дурных поступков, совершенных им в предшествующем существовании, обычно называемых "заслугами" и "прегрешениями".

В этом пассаже содержится просто бездна метафизической информации для размышлений, которая, вместе с тем, послужит подтверждением мнения, только что предложенного читателю, — мнения о том, как понимать буддийскую философию с оккультной точки зрения.

Неправильное понимание смысла нирваны настолько распространено на Западе, что прежде чем продолжить толкование философии, которую эти ошибочные представления так неприлично извратили, уместно будет рассмотреть также следующее разъяснение.

"Под уничтожением в буддийской философии подразумевается только разрушение, рассеивание материи, в какой бы форме или видимости формы оно ни происходило; ведь все, что имеет форму, было некогда создано и, значит, должно рано или поздно погибнуть, т. е. изменить форму. Следовательно, форма, как нечто временное, хотя и кажущееся постоянным, есть не более чем иллюзия, "мая", потому что вечность не имеет ни начала, ни конца. Для вечности любое более или менее продолжительное существование какой-либо конкретной формы проносится, так сказать, подобно мгновенной вспышке молнии. Мы еще не успели осознать, что же, собственно, мы увидели, а оно уже ушло, исчезло навсегда. Поэтому даже наши астральные тела — создания чистого эфира — всего лишь иллюзии материи, постольку, поскольку они сохраняют свой земной облик. Последний изменяется, как утверждают буддисты, согласно заслугам и прегрешениям человека в период его земного воплощения: это и есть метемпсихоз.

Духовная сущность должна вырваться на свободу, расставшись с каждой частицей материи; только тогда эта сущность переходит в вечную и неизменную нирвану. Эта сущность живет теперь в духе, в ничто: как форма, как образ, как видимость она полностью уничтожается и, следовательно, больше никогда не умрет, ибо только дух является не "майей", а единственной реальностью в этом иллюзорном мире преходящих форм... Абсурдно обвинять буддийскую философию в том, что она отвергает Высшую Сущность — Бога и бессмертие души, то есть в атеизме, на том лишь основании, что "нирвана" означает "уничтожение", а "Свабхават" — это не личность, а просто ничто. "Эйн" (или "Айн") в древнееврейском термине "Эйн-Соф" тоже означает nihil, или "ничто", то есть нечто такое, что можно определить лишь через отрицание (quo ad nos), но никто еще не осмеливался упрекать евреев в атеизме. В обоих случаях реальное значение термина "ничто" заключает в себе идею того, что Бог — это не что-то, не какая-либо конкретная или видимая сущность, к которой вообще можно правильно приложить название любого из известных нам объектов".

Опять же: "Нирвана — это мир причин, в котором исчезают все обманчивые следствия, или иллюзии наших ощущений. Нирвана — это высшая из достижимых сфер".

Тайные учения магов, до-ведических буддистов, иерофантов египетского бога Тота, или Гермеса, были, как утверждается в "Изиде", изначально идентичными. Эту идентичность в равной мере можно отнести к доктринам какой угодно эпохи, какого угодно народа, включая халдейских каббалистов и древнееврейских назаров. "Употребляя термин "буддисты", мы имеем в виду вовсе не экзотерический буддизм, учрежденный последователями Гаутамы Будды, или современную буддийскую религию, а тайную философию Шакьямуни, которая по своей сути идентична древней религии-мудрости, религии

избранных — религии до-ведического брахманизма. Так называемая ересь Зороастра, или Заратустры, служит этому прямым подтверждением, так как она, строго говоря, является не ересью, но всего лишь частично открытым изложением строго монотеистических религиозных истин, которые до тех пор преподавались только в святилищах и которым Заратустра научился у брахманов. Зороастра, древнего учредителя культа поклонения Солнцу, нельзя назвать основателем дуалистической системы, равно как и первым, кто стал проповедовать идею единобожия.

Макс Мюллер доказал, что Заратустра и его последователи, зороастрийцы, обосновались в Индии, прежде чем иммигрировать в Персию. "То, что зороастрийцы и их предки переселились из Индии еще в ведический период, — говорит он, — можно доказать так же определенно, как и то, что обитатели Массилии были выходцами из Греции... Многие из зороастрийских богов возникают как отражения или искажения образов богов ведических".

Если сейчас мы можем доказать — а мы можем сделать это на основании свидетельств каббалы и древнейших традиций религии-мудрости, философии древних святилищ, — что все эти боги, зороастрийские или ведические, представляют собою лишь великое множество персонифицированных сил Природы, являющихся верными слугами адептов тайной мудрости — магии, то, значит, мы твердо стоим на ногах.

Таким образом, когда мы говорим, что каббалистика и гностицизм произошли от маздеизма или зороастризма, — это практически одно и то же, если только не иметь в виду экзотерический культ, чего мы и не делаем. Более того, в этом смысле мы можем повторить вслед за Кингом, автором "Гностиков", и некоторыми археологами: и каббалистика, и гностицизм произошли от буддизма, который является самой простой и убедительной философией и который вместе с тем оказался одной из самых чистых религий во всем мире... Но те же доктрины, идентичные по сути и по духу, хотя и не всегда в форме, встречаются, с одной стороны, среди ессеев и неоплатоников, а с другой — среди бесчисленных конфликтующих сект, рождающихся лишь для того, чтобы тут же погибнуть. Под буддизмом мы, следовательно, понимаем ту религию, которая буквально означает "учение мудрости" и которая на много веков предвосхитила метафизическую философию Сиддхартхи Шакьямуни".

Современное христианство, конечно же, в значительной степени отошло от своей изначальной философии, но в "Разоблаченной Изиде", в ходе одной весьма интересной дискуссии, утверждается, что его философская основа идентична исходной философии всех религий.

"Лука, который был лекарем, в сирийских текстах именуется асаяя, то есть эссеин, или эссей. Иосиф Флавий и Филон Иудейский в достаточной мере описали эту секту, чтобы не оставить в наших умах никаких сомнений в том, что назорейский Реформатор, получив образование в эссейских обителях в пустыне и будучи должным образом посвящен в таинства, предпочел свободную и независимую жизнь странствующего назария, и таким образом отделился или отназарился от них, став странствующим терапевтом, или назариа, целителем...

В своих беседах и проповедях Иисус всегда изъяснялся притчами, пользуясь метафорами при общении со своими слушателями. Этот обычай опять-таки был характерен для эссеев и назореев, но никто никогда не слышал, чтобы подобной инносказательной речью пользовались галилеяне, жившие в городах и деревнях. Разумеется, некоторые ученики Иисуса, которые, как и он сам, были галилеянами, даже удивлялись, когда им впервые приходилось слышать, как он в такой аллегорической форме общается с людьми. — "Для чего притчами говоришь им?" — часто спрашивали Иисуса ученики. "Для того, что вам дано знать тайны Царствия Небесного, а им не дано", — следовал ответ, и это был ответ посвященного. — "Потому говорю им притчами, что они видя не видят, и слыша не слышат, и не понимают". Более того, мы считаем, что Иисус выражает свои мысли... в изречениях, которые являются чисто пифагорейскими, когда в Нагорной Проповеди он заявляет: "Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас".

Профессор А.Уайлдер, редактор "Элевсинских мистерий" Тэйлора, подмечает "сходную склонность Иисуса и апостола Павла подразделять свои учения на эзотерические и экзотерические — на тайны Царствия Небесного — для апостолов и на притчи — для толпы". "Мудрость же мы проповедуем, — говорит Павел, — между совершенными", то есть "посвященными". Участники элевсинских и прочих таинств всегда подразделялись на два класса: на неопитов и на совершенных... Повествование апостола Павла в его "Втором послании к коринфянам" поразило некоторых ученых, хорошо знакомых с описаниями мистических обрядов посвящения, данными несколькими классиками, как самым

недвусмысленным образом указывающее на финальную эпоптею*: "Знаю человека во Христе... И знаю о таком человеке (только не знаю — в теле, или вне тела: Бог знает), что он был восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать". Эти слова, насколько нам известно, комментаторы до сих пор редко рассматривали как намек на блаженные видения посвященного провидца.

Однако лексика этого рассказа совершенно недвусмысленна. Намеки на то, что закон не позволяет повторять, выражены здесь теми же словами, а слова употреблены в тех же значениях, что и в соответствующих высказываниях, которые мы регулярно встречаем у Платона, Прокла, Ямвлиха, Геродота и других классиков. "Мудрость же мы проповедуем между совершенными", — говорит Павел, и ясный и неоспоримый перевод этих слов будет: "Мы проповедуем более глубокие, или конечные, эзотерические доктрины мистерий (которые здесь обозначены словом "мудрость"), лишь среди посвященных".

Так же и в отношении человека, который был взят в рай (и которым, очевидно, был сам Павел), христианское слово "рай" следует заменить словом "элизиум".

Конечная цель оккультной философии состоит в том, чтобы показать, чем был, есть и будет человек. "То, что после смерти тела остается жить в качестве индивидуальности, — говорится в "Изиде", — это подлинная душа, которую Платон в диалогах "Тимей" и "Горгий" называет смертной душой, так как, согласно герметическому учению, она поэтапно отбрасывает более материальные частицы с каждым перемещением в более высокую сферу... Астральный дух — это точная копия тела в физическом и духовном смысле. Божественный, высший бессмертный дух не может быть ни наказан, ни вознагражден. Отстаивать подобную доктрину было бы одновременно и абсурдно, и богохульно: ведь дух — это не просто пламя, зажженное от главного, неиссякаемого источника света, он в действительности идентичен этому свету, являясь, по сути, его частицей. Дух обеспечивает бессмертие индивидуальной астральной сущности в соответствии с готовностью последней это бессмертие принять.

Пока двуединый человек, то есть человек из плоти и духа, остается в пределах закона непрерывности духовного существования, пока в человеке горит, пусть даже очень слабо, эта божественная искра, он находится на пути к обретению бессмертия.

Но те, кто подчиняются материалистическому существованию, не впуская в себя божественное сияние, излучаемое духом каждого человека, начинающего свою земную жизнь, и заглушая предостерегающий голос надежного часового — совести, которая фокусирует в душе этот божественный свет, — эти люди, забыв о духе, с переходом границы материального мира будут вынуждены по необходимости следовать его законам".

И далее: "Тайная доктрина учит, что если человек завоеует бессмертие, то он навсегда останется той триединой сущностью, которую является в жизни, и в таком виде продолжит свое существование в той же форме на всех планах бытия. Астральное тело, которое в этой жизни покрыто грубой физической оболочкой, освободившись от нее, само, в свою очередь, становится оболочкой для другого, еще более легкого тела. Этот процесс начинает развиваться с момента смерти и завершается, когда астральное тело, принадлежащее данной земной форме, окончательно отделяется от нее".

Процитированные отрывки, если прочитать их в свете приведенных мною объяснений, позволят благосклонному читателю с пониманием отнестись к "Изиде" и найти свой путь к скрытым в этой книге "золотоносным жилам". Однако никому не следует надеяться, что в "Изиде" или в каких-либо других книгах по оккультной философии, которые уже вышли в свет или в скором времени будут написаны, можно найти в законченном виде простое и совершенно ясное изложение тайн рождения, смерти и грядущей жизни.

Человека, начавшего заниматься подобного рода исследованиями, раздражает трудность понимания истинных представлений оккультистов относительно характера загробной жизни и ее общей *mise en scene**.

Общеизвестные религии имеют на этот счет весьма определенные взгляды; некоторые из подобных религий к тому же переводят эти взгляды в практическое русло, уверяя, будто отдельные компетентные люди, уполномоченные церковными организациями выполнять свои обязанности, способны, в соответствии со своими соображениями, подобно железнодорожным стрелочникам, направлять души умирающих по правильному или же по пагубному пути.

Такого рода теории обладают, во всяком случае, одним достоинством: они просты и понятны. Однако эти теории не могут удовлетворить наш разум в том, что касается деталей. Изучающему же оккультную философию достаточно весьма недолго позаниматься исследованием данного вопроса, чтобы понять: на этом пути познания он не столкнется ни с какими концепциями, которые могли бы оскорбить его самые возвышенные представления о Боге и жизни иной. Он вскоре почувствует, что изучаемая им система идей благородна и величественна и что она простирается до самых дальних пределов, которых только способно достичь человеческое понимание. Но эта система останется для него смутной, туманной, и он будет искать четкие формулировки по тому или иному вопросу, пока постепенно не осознает, что абсолютная истина о происхождении и предназначении человеческой души, вероятно, слишком сложна и утонченна, чтобы ее можно было бы передать простым языком. Совершенная ясность идей достижима лишь для очищенных умов продвинутых исследователей оккультизма — людей, которые, целиком посвятив все свои дарования поискам и длительному усвоению таких идей, приходят, наконец, к их пониманию при помощи особых интеллектуальных способностей, специально развиваемых для подобной цели. Однако из этого совершенно не следует, что, даже руководствуясь самыми благими намерениями, такие люди непременно сумеют создать некое оккультное вероучение, в котором вся теория мироздания уложилась бы в какую-нибудь дюжину строк. Даже у мирян, поглощенных к тому же своими повседневными занятиями, изучение оккультизма может без труда расширить и очистить восприятие до такой степени, чтобы вооружить сознание, так сказать, критериями, которые позволят выявлять нелепости в любой ошибочной религиозной теории.

Однако всеобъемлющая структура оккультного верования — это нечто такое, что по природе своей может медленно, постепенно возводиться лишь в сознании каждого отдельно взятого архитектора духовных теорий. И я полагаю, что оккультисты представляют себе все это очень живо, чем и объясняется их отвращение к попыткам сглаженного, прямолинейного объяснения их доктрин.

Оккультисты знают, что по-настоящему жизнеспособные ростки знания должны, так сказать, вырасти из завязи в сознании каждого человека: в состоянии полной зрелости их уже нельзя пересадить на незнакомую почву неподготовленного понимания. Они готовы к тому, чтобы давать семена, но каждый человек должен сам для себя вырастить собственное древо познания. Так же, как из человека нельзя сделать адепта — ибо этим адептом он должен сделаться сам, — так и обычный человек, который просто стремится понять адепта и его видение мира, должен, хотя и в меньшей степени, развивать в себе такое понимание, продумывая элементарные идеи до конца, до их превращения в правильные умозаключения.

Эти соображения согласуются со скрытностью оккультизма и частично проясняют ее. Более того, они помогают понять один момент, который, если воспринимать его в свете данного изложения, может обескуражить вероятных читателей "Изиды".

Если значительная часть этого произведения, как я уже заявлял, действительно представляет собою плод труда подлинных адептов, знающих, благодаря собственному опыту, истину относительно множества обсуждаемых в этой книге мистерий, то почему адепты так и не сказали прямо, что же они имели в виду, вместо того, чтобы ходить вокруг да около и предлагать аргументы, полученные из того или иного обычного источника, из литературных или исторических свидетельств, из абстрактных теорий, касающихся проявлений гармонии Природы? Во-первых, аргументировать это можно тем, что авторы не могли просто взять и написать: "Мы знаем, что в действительности дела обстоят так-то и так-то", — и чтобы при этом их не спросили: "А откуда вы это знаете?". И адепты явно не сумели бы ответить на заданный вопрос, не вдаваясь в подробности, "которых человеку нельзя пересказать", как выразился бы один из авторов Библии, или не предлагая подкрепить свои свидетельства демонстрациями определенных способностей, что практически невозможно постоянно обеспечивать для поочередного удовлетворения любопытства каждого читателя этой книги. Во-вторых, я полагаю, что в "Изиде", в соответствии с принципом, требующим поменьше обучать, но побольше вдохновлять на спонтанное самосовершенствование, авторы стремились скорее оказывать воздействие на сознание читателей, нежели просто обрушивать на них весь запас заранее накопленных фактов. Эти люди продемонстрировали, что теософия, или оккультная философия, не является очередным кандидатом на внимание всего мира; она просто призвана вновь возвестить те принципы, которые получили признание еще на заре человечества. Последовательность исторических событий, которая сформировала эту точку зрения, отчетливо различима в эволюции философских школ, однако у меня нет возможности проследить детали этого процесса в работе такого объема. Изложенная теория в изобилии проиллюстрирована рассказами об экспериментальных демонстрациях оккультной силы, приписываемой различным чудотворцам. Авторы "Изиды" специально воздерживались от того, чтобы

сказать больше, нежели мог бы предположительно сказать тот или иной писатель, если допустить, что он имел доступ ко всей литературе по этой теме и находился на особом, просвещенном уровне понимания ее смысла.

Однако стоит лишь осознать подлинную позицию авторов или вдохновителей "Изиды", и ценность любой дискуссии, в которую, как вы обнаружите, они вступают, неизмеримо возвысится над уровнем сравнительно банальных соображений, выдвигаемых в ее интересах. Адепты, возможно, не захотят приводить никаких иных свидетельств, кроме экзотерических, в пользу какого-либо конкретного тезиса, который они пожелают поддержать, но если уж они пожелают его поддержать, то сам по себе этот факт будет иметь огромное значение для любого читателя, который косвенными путями постиг всю степень авторитетности этих людей.

Примечания

Натурализация — принятие лица по его просьбе в гражданство или подданство какого-либо государства.

Королевский астроном — звание директора Гринвичской королевской обсерватории.

Химават (санскр.) — в индийской мифологии божество, олицетворяющее Гималаи; отец реки Ганги.

...филологический каприз — в британском варианте английского языка слово "скептицизм" пишется через букву "с" — "scepticism". Под капризом, вероятно подразумевалось то, что автор из принципа писал это слово через к — как оно читается.

Дак — почта, доставляемая в Индии на перекладных или сменных носильщиках.

Вакиль — адвокат.

Мокша (санскр.) — "освобождение"; то же, что и нирвана; посмертное состояние покоя и блаженства.

Эпоптейя (греч.) — высшая степень посвящения.

Словарь иностранных выражений

Ad infinitum (лат.) — до бесконечности.

Ad libitum (лат.) — по желанию, по своему усмотрению.

Collaborateurs (франц.) — сотрудники.

Coup manque (франц.) — неудача.

Crescendo (итал.) — увеличивая.

Debris (франц.) — остатки.

De novo (лат.) — сначала.

En block (франц.) — в целом, в совокупности.

Faute de mieux (франц.) — за неимением лучшего.

In medias res (лат.) — с самого важного, главного.

Mise en scene (франц.) — постановка, мизансцена.

Propter vitam vivendi perdere causas (лат.) — ради жизни сгубить самое основание жизни.

Raison d'etre (франц.) — смысл существования; разумное основание, смысл.

Suspecte (франц.) — подозрительная.

Vice versa (лат.) — "обратной чередой", т. е. наоборот.

Пер. с англ. Р. Ахунов, Ю. Бушуева